

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2020

Казань - 2020

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №4 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – 108.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.Н. Миронова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Р. Хуснулина</i> «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА ЦЗАН ЧЖУНЛУНЯ	7
--	---

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Е.Л. Александров, С.Ю. Яблонская</i> ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ» (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ВЗГЛЯДОВ Ф.ДОСТОЕВСКОГО)	13
<i>Е.Л. Александров, С.Ю. Яблонская</i> ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ КОМПЕТЕНЦИИ ТОЛЕРАНТНОГО ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОВЕСТИ А.ПЛАТОНОВА «ДЖАН»)	16
<i>Е.П. Гурова</i> ПОВЕСТЬ Ф.М. РЕШЕТНИКОВА «ПОДЛИПОВЦЫ»: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ	19
<i>А.А. Красноярова</i> «КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940–2010-х гг.	22

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>В.А. Гапутина, Е.А. Будник</i> «INSTAGRAM» КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ТЕХНОЛОГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ БЛОГОВ	29
---	----

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Аль-хадитхи Басим Хашиа Абдулраззак</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЯД БРАТ, БРАТИШКА, БРАТЕЦ, БРАТУШКА... КАК ОБРАЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	32
<i>Е.Е. Дымонт</i> СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ПЕРФЕКТНЫХ СЛОВОФОРМ С ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ТЕАТРАЛЬНОМ МОНОЛОГЕ А. БАРИККО «НОВЕЧЕНТО»	35
<i>М.Ю. Масалова, С.В. Шелковникова</i> ПУНКТУАЦИОННЫЕ И ИНТОНАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕОМОНИМИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ	38
<i>Сюе Вэньбо</i> АНАЛИЗ ЭМОТИВНОГО КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	41

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Р.П. Аведова, Л.А. Водяницкая, Л.Н. Горгадзе</i> ЯЗЫКОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРАКЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ	45
<i>Р.П. Аведова, А.Д. Мельник</i> ФРАЗЕОСХЕМА «Was für + Sub ₁₋₄ !» ² В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ, СТРУКТУРНЫЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	48
<i>Н.П. Андреева, Г.П. Терентьева, Е.В. Тихонова</i> К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ	51

Л.А. Великородчанина, И.И. Донскова, Е.Ю. Пугина, С.П. Смыслов ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЙ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» И ИХ ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	54
А.В. Керешун, В.В. Гурин, Ю.Г. Липко О МАНИПУЛЯЦИОННОЙ СИЛЕ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ КАК АРГУМЕНТОВ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ ПРАГМАТИЗМА США	58
Т.Е. Краутман ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ЗАКОНА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	62
М.В. Кычкова ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА «СТРАННОСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО РОМАНА ДЖОНАТАНА ФРАНЗЕНА «СВОБОДА»)	65
А.В. Останина ЦИТАТА КАК ПРИЕМ КОСВЕННОЙ ПОРТРЕТИЗАЦИИ	68
Е.В. Плисов, А.М. Хамидулин ОБРАЗ СЛОВА В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	72
М.В. Салтыкова, М.В. Биянова, О.В. Ельцова, Е.Э. Калинина ФОРМИРОВАНИЕ САМОКОРРЕКЦИИ И САМОКОНТРОЛЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ И НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКАМ	75

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Я.В. Борушкова ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ СТРАН ЗАПАДНОЙ АФРИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АФРИКАНСКИХ ВАРИАНТОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	78
В.В. Лебедева, О.И. Томтосова КОНЦЕПТ «ИСКУССТВО» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ	83
Т.Б. Маклакова, Ю.В. Туфанова, М.Н. Чупановская ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ	86
В.Г. Моргун «НАЦИОНАЛЬНОЕ» И «УНИВЕРСАЛЬНОЕ» В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА КИТАЯ	90
Е.О. Чурюканова ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ	97

АННОТАЦИИ	100
-----------	-----

THE RELEASE MAINTENANCE

R.R. Khusnulina "NOTES FROM THE UNDERGROUND" BY F.M. DOSTOEVSKY IN THE INTERPRETATION OF THE CHINESE TRANSLATOR TSANG ZHONGLUN	7
--	---

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

E.L. Aleksandrov, S.Y. Yablonskaya EXPERIENCE OF FORMATION A WORLD-VIEW POSITION AS A KEY COMPETENCE OF THE "PHILOSOPHY" DISCIPLINE (ON THE EXAMPLE OF THE SYSTEM OF VIEWS OF F. DOSTOEVSKY)	13
E.L. Aleksandrov, S.Y. Yablonskaya FORMATION OF STUDENTS COMPETENCE OF TOLERANT PERCEPTIONS OF SOCIAL AND CULTURAL DIFFERENCES IN PRACTICAL LESSONS IN RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE (ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF THE NOVEL OF A. PLATONOV "DZHAN")	16
E.P. Gurova THE STORY OF F.M. RESHETNIKOV «PODLIPOVTSY»: NEW READING	19
A.A. Krasnoyarskaya «CHINESE TEXT» IN RUSSIAN LITERATURE 1940–2010's.	22

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

V.A. Gaputina, E.A. Budnik «INSTAGRAM» AS AN EDUCATIONAL RESOURCE: HEURISTIC POTENTIAL AND TECHNOLOGIES OF LINGUISTIC BLOGS	29
---	----

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

Al-hadithi Basim Khashea Abdulrazzak WORD-FORMATION SERIES BROTHER, BROTHER, BROTHER, BROTHER ... AS TREATMENT IN MODERN RUSSIAN	32
E.E. Dymont WAYS TO TRANSLATE PERFECT WORD FORMS FROM ITALIAN TO RUSSIAN IN A. BARIKKO'S THEATRICAL MONOLOGUE «NOVECENTO»	35
M.Y. Masalova, S.V. Shelkovnikova PUNCTUATION AND INTONATION PECULIARITIES OF AMBIGUITY AVOIDANCE IN COMPLEX SYNTACTIC CONSTRUCTIONS	38
Xue Wenbo ANALYSIS OF RUSSIAN EMOTIONAL WORD «LOVE»: LINGUISTICS ACROSS CULTURES ASPECT	41

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

R.P. Avedova, L.A. Vodyanitskaya, L.N. Gorgadze LANGUAGE TECHNIQUES AND TOOLS IN THE CONTEXT OF INTERACTION IN THE ENGLISH DISCOURSE	45
R.P. Avedova, A.D. Melnik FIXED PHRASE SCHEME "Was für + Sub ₁₋₄ !" ² IN GERMAN: ETYMOLOGICAL, STRUCTURAL, SEMANTIC, PHRASEOLOGICAL ASPECTS	48
N.P. Andreeva, G.P. Terentyeva, E.V. Tikhonova DIFFERENTIATION OF POLYSEMY AND HOMONYMY OF TERMINOLOGY	51
L.A. Velikoredchanina, I.I. Donskova, E.Yu. Pugina, S.P. Smyslov LINGUISTIC AND CULTURAL PECULIARITIES OF DON COSSACKS REALITIES IN THE NOVEL 'AND QUIET FLOWS THE DON' BY M.A. SHOLOKHOV AND THEIR TRANSLATION INTO ENGLISH	54
A.V. Kereshun, V.V. Gurin, Yu.G. Lipko ON THE MANIPULATING FORCE OF POSSIBLE WORLDS AS ARGUMENTS IN THE DISCOURSE OF THE USA PRAGMATIC PHILOSOPHY	58
T.E. Krautman FALSE FRIENDS OF THE TRANSLATOR IN THE TRANSLATION OF THE TEXT OF LAW FROM ENGLISH TO RUSSIAN	62

<i>M.V. Kychkova</i> LINGVOAXIOLOGICAL IDENTITY OF THE CONCEPT OF "STRANGE" (ON THE MATERIAL OF THE AMERICAN NOVEL JONATHAN FRANZEN "FREEDOM")	65
<i>A.V. Ostanina</i> CITATION AS A TECHNIQUE OF INDIRECT PORTRAITING	68
<i>E.V. Plisov, A.M. Khamidulin</i> WORD IMAGE IN THE ENGLISH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD	72
<i>M.V. Saltykova, M.V. Biyanova, O.V. Eltsova, E.E. Kalinina</i> FORMATION OF SELF-CORRECTION AND SELF-CONTROL IN ENGLISH AND GERMAN CLASSES IN AN INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION	75

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>Y.V. Borushkova</i> THE LINGUISTIC WORLD VIEW IN THE SPEECHES OF POLITICAL FIGURES OF WEST AFRICAN FRENCH SPEAKING COUNTRIES (BASED ON THE MATERIAL OF THE AFRICAN VARIANTS OF THE FRENCH LANGUAGE)	78
<i>V.V. Lebedeva, O.I. Tomtosova</i> FEATURES OF THE CONCEPT OF "ART" IN KOREAN AND RUSSIAN LANGUAGES	83
<i>T.B. Maklakova, Y.V. Tufanova, M.N. Chupanovskaya</i> LINGUISTIC POLITENESS IN VIRTUAL COMMUNICATION OF MODERN YOUTH	86
<i>V.G. Morgun</i> "NATIONAL" AND "UNIVERSAL" IN CHNESE TRANSLATION STUDIES	90
<i>E.O. Churyukanova</i> GENDER DIFFERENTIATION OF ENGLISH PRONUNCIATION	97

ABSTRACTS	100
------------------	-----

10.02.19

Р.Р. Хуснулина д-р филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, razilya-kh@yandex.ru

«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА ЦЗАН ЧЖУНЛУНЯ

В статье рассматривается специфика функционирования переводческих преобразований в переводе Цзан Чжунлунем повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья». Цзан Чжунлунь не только перевёл «Записки из подполья», но и прямо указал на характер главного героя этой. Он назвал свой перевод «Раздвоение личности» (2004). По нему можно также определить, как развивалась переводческая наука в Китае; как Цзан Чжунлунь отразили историко-методологические основы перевода своего времени.

Ключевые слова: *трансформации, характер, находки, перевод, отражать, методология.*

В Китае в разные годы был выполнен семь переводов «Записок из подполья». Первый, «Записки от руки» (1931) Хун Линфэя, был буквальным, поэтому тайванец Ван Вэйгао выполнил еще один перевод и озаглавил его «Собственноручные записки из подполья» (1948), объединив понятия: 《地下室手记》地下室 - подвал, подполье и 手记-собственноручные записки. Ся Чжунь назвал свой перевод, выполненный спустя три десятилетия, «Подвальные заметки» (1982). Наконец, самый удачный вариант перевода «Записок» предложил Цзан Чжунлунь. Он озаглавил свой перевод 《双重人格/地下室手记》双重人格 - «Раздвоение личности» (2004), акцентировав внимание на понятийном уровне повести. Можно сказать, что Цзан Чжунлунь не только перевёл «Записки из подполья», но и прямо указал на характер главного героя этой книги. Именно этот перевод избран объектом данного исследования.

В нем ставится задача изучить современные парадигмы китайской теории и практики перевода на примере перевода Цзан Чжунлуня, а также рассмотреть специфику функционирования переводческих преобразований в его интерпретации повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья». По данному переводу можно судить, как развивалась переводческая наука в Китае; как Цзан Чжунлунь отразили историко-методологические основы перевода своего времени.

В коротком предисловии к изданию перевода «Записок из подполья» Цзан Чжунлунь открыто называет «Записки» свидетельством «полной зрелости» таланта Ф.М. Достоевского, предвосхищением последующих «великих» романов. Он характеризует повесть, как, «может быть, самое исчерпывающее и совершенное» произведение русского писателя и подчеркивает общечеловеческое значение этого текста, далеко выходящее за рамки упрощенных биографических трактовок, которые долгое время (прежде всего, под влиянием Вогюэ) были общим местом в зарубежной рецепции Достоевского: это исповедь «не только этого конкретного человека <...> и не только самого Достоевского, а человеческой души в целом», анализ «„подполья“ души каждого человека» (5: 1).

Как опытный китайский переводчик, он отчетливо ощущает и точнее передает стилистические особенности оригинала – например, сохраняет повторы в первой фразе повести: (досл. «Я больной человек... Я плохой человек. Я вовсе не привлекательный человек», (2:1).

Именно подход положит начало новой тенденции в переводе «Записок» - не «сглаживать» своеобразную стилистику текста в соответствии со вкусами среднего читателя (как поступали переводчики до него, опираясь, в том числе, и на традицию французских переводов-адаптаций), а пытаться, по крайней мере, частично отразить ее особенности в переводе. Этой линии будут придерживаться и позднейшие переводчики «Записок».

У героя «Записок из подполья» Достоевского нет ни имени, ни фамилии, притом, что ими наделены другие персонажи, даже слуга Аполлон. Конечно, к XXI веку образ «подпольного человека» сам стал типом мировой литературы наподобие Скупого, Дон Кихота или Гамлета, но сомнения современников Достоевского легко понять. На самом деле это решение Достоевского оказалось на удивление удачным. Отняв у героя имя, он предложил читателю воспринимать героя вне времени и пространства, вне конкретного тела и облика. Всё, что нам дано, - сложный, иррациональный и мир его сознания, в которое мы погружаемся, как в бездну, теряя связь с конкретной эпохой начала 1860-х годов. Петербург в «Записках» также лишён топографии, которую Достоевский с завидной детализацией воссоздаст потом в «Преступлении и наказании». - «Непривлекательный я человек». (2: 5).

- 我是一个心怀歹毒的人。(5:3). Цзан Чжунлунь использовал фразеологию китайского языка, что более конкретно и точно соответствует тексту перевода. Понятие «Чжи Чжи» («Суть и дословность») включает в себя сохранение смысла оригинала и передачу смысла оригинала с помощью «подстрочника», т.е. «буквального перевода» или «дословного перевода».

Однако по некоторым намёкам в тексте всё же можно установить некоторые конкретные детали биографии безымянного героя. Так, он говорит о себе: «один коллежский асессор». Тот, кто дошел-таки до этой благородности. Это то, что видится за словами, за почти каждым словом мы такое найдем. А теперь смотрим, какой поворот этому дает Достоевский и этому дает христианство с этим коллежским асессором. Коллежский асессор - это же тот чин, который он заработал и выслужил сам.

- «Я один коллежский асессор». (2: 7). - 我是一名八品文官。(5: 4). В переводе фрагмента повести нашла отражение «историческая семасиология» (1: 417). Понятия, сложные даже для русского восприятия, переведены в виде логическо-семантических трансформаций. Цзан Чжунлунь перевёл понятие «коллежский асессор» как служебное положение. Так соотносились формально-логические категории и приемы лексической трансформации.

- Я прежде служил, а теперь не служу. (2: 6).

- 我以前在官署供职, 可是现在已挂冠归隐。(5: 3). Цзан Чжунлунь переводит лаконично. «挂冠归隐»: служил. - Эта фразеология точно выражает историю карьеры персонажа.

В 2000 году Чжэн Хайлин (郑海凌) в своей книге «Литературоведческое переводоведение» высказал идею так называемой «теории гармонии как стандарта перевода» (Translation Standard: Harmony Standard). Теория гармонии состоит из: 1) двух идей китайской конфуцианской философии: умеренности и нейтральности и 2) западной полисистемной теории. Теория гармонии как стандарт перевода – это целая система, включающая автора, текст оригинала, переводчика, текст перевода, язык оригинала, язык перевода, читателя и др. В процессе перевода, происходит поиск сравнительно стабильного положения, которое в основном соответствует требованиям перевода, то есть среднее положение между верностью и неверностью по отношению к оригиналу. В процессе работы переводчик должен проявлять творческую инициативу, чтобы приблизиться к читателю.

- «Я для вас уж теперь не герой, каким прежде хотел казаться, а просто гаденький человек, шенапан» (2: 12).

- 我不过是个可恶而又讨厌的人, 是个无赖。(5: 14).

Шенапан- (фр.- chenapan) – негодяй. Цзан Чжунлунь передал французское значение слова.

В процессе перевода актуализируется также проблема «обрастания» китайского по происхождению слова-реалии ассоциациями и экспрессивными смыслами, отличными от коннотативного комплекса данного слова в языке-источнике. Культурный образ - это культурный символ с относительно фиксированным, уникальным культурным значением. Он имеет богатый ассоциативный и коннотативный ряд. К таким культурным китайским образам относятся, например, естественные объекты и явления: солнце, луна, река Янцзы. У каждого из культурных образов есть известная история, смысл, символическая нагрузка. Слово, называющее культурный образ, имеет чрезвычайно богатые семантические связи, обусловленные долгой историей функционирования каждого образа в национальной культуре. Порой встречаются иностранные заимствования.

Например, французский культурный концепт «шенепан» в значении «негодяй» заимствован китайским переводчиком с учетом своего духовного, культурного и эмоционального символов. В то же время представители русской культуры образ «негодяя» наделяют негативным мифологическим смыслом: это страшный монстр, символ «зла»; употребляется для характеристики человеческих качеств.

- Я чувствовал, что они (идеи – ред. автора) так и кишат во мне. (2: 7). - 在我心中不断蠢动。(5: 4).

Разные идеи переводы «кишат во мне» переводчик передает как, как «эти элементы соберутся». Можно заключить, что различия в организации разноязычных дискурсов создают трудности в переводе культурных текстов, поскольку культурный фон, создаваемый в тексте, во многом обеспечивает интерес к русской культуре.

Из «Записок из подполья» видна удивительная вещь. Нам хочется думать, что это я, это вырезанная нами из общего пространства, все-таки принадлежащая нам сфера, допустим. Оказывается, что ничего подобного. И в «Записках из подполья» тоже об этом сказано, буквально на первой странице.

- «Ни героем, ни насекомым» (2: 7).

- 既成不了英雄，也成不了臭虫。(5: 4).

Но все же герой разнопланово себя оценивает: «Но все-таки я крепко убежден, что не только очень много сознания» (2: 9). - 但是我依旧深信，不见过多的意识。(5, с. 6). Слова «создание» здесь перевели «意识» и «敏感». «敏感» - это чувство.

Герой «Записок из подполья» - это поистине «герой нашего времени», того времени, которое мы разделяем с Достоевским и в котором он оказался великим пророком, предсказавшим многое из того, что свершилось в обществе, в культуре и в самом человеке. «Я, например, ужасно самолюбив» (2: 11). - 比如说我这人非常爱面子。(5: 7). Цзан Чжунлунь перевёл слово «самолюбив» как «爱面子», «爱» - любовь, «面子» - лицо, как «лицолюбив», «чувствительный». Применив адаптацию, как переводческую трансформацию, Цзан Чжунлунь облегчил читателю переводного текста понимание сути героя повести «Записок». Адаптация вызывается не столько межъязыковой асимметрией, сколько межкультурной.

Вторая часть «Записок из подполья», собственно, начинается с этого странного самоощущения чувствительного героя: я-то один, а они-то — все. Это странное самоощущение на самом деле знакомо каждому человеку, который хотя бы проходил подростковый возраст. В какой-то момент это ощущение, возникающее с безусловной отчетливостью, я — один, а они — все, переживается каждым, и можно попробовать понять, откуда оно возникает и что это за ощущение. Цзан Чжунлун «я» безымянного героя обозначил как пиктограммы, знаки для изображения человека (人 rén).

- «не так, как какой-нибудь грубый мужик, а так, как человек, тронутый развитием и европейской цивилизацией стонет» (2: 18). - 他呻吟起来已经不再像个粗鄙的下人，而是像个颇有文化修养和受过欧洲文明感染的人。(5:18). Цзан Чжунлуня перевёл «губый мужик» как «крестьянин». При этом он сохранил основной постулат традиционного китайского перевода, предложенный Чэн Юншэном (7: 1), по которому «основой переводческих правил и уже созданной системы теории перевода с китайской спецификой» является соответствие перевода оригиналу, истины, достижению максимального сходства за счет преобразования (да, для Цзан Чжунлуня грубый мужик и есть крестьянин). В этих нормах по существу акцентируется "верность" оригиналу, только на разных уровнях. Из этого следует, что основной критерий китайского традиционного переводоведения - принцип «верности» перевода оригиналу - не только определил смысловое значение в его представлении о переводе. Настоящая «верность» означает сохранить стиль и вкус оригинала в переводе, избегать нагромождения иностранных слов или предложений в переводе. Отсюда следует, что понятие «верности» по своему смыслу и содержанию в известной мере перекликается с современной концепцией «эквивалентности на уровне языковых знаков».

Обычно иностранное слово имеет несколько или даже больше десяти значений, перевод прилагательного на китайский (Цзан Чжунлунь употребил прилагательное «грубый») тоже

имеет несколько способов, поэтому он имел в виду контекст. В таком способе перевода, по его мнению, сходятся «дословный перевод» (直译) и «смысловой способ перевода» (意译). Хороший перевод, на его взгляд, как раз и состоит из «дословного перевода» и «смыслового перевода». Его мнение дополнил Линь Юйтан, который, говоря о критерии достоверности, мотивировал его следующими понятиями: 直译 чжи «дословный перевод», 死译 си «буквальный перевод», 意译 и «смысловой способ перевода» и 胡译 ху «произвольный перевод». То есть сохранять смысловое содержание и дух оригинала (4: 45).

В работах российских ученых значение придается «важности следования стилю оригинала» (1:73).

Китайские переводчики, говоря о переводе, любят сокращать свое словесное выражение, и давать читателям большее пространство для понимания. Расплывчатость и скромность является особенностью китайской теории перевода. Китайцы считают, что значение любой теории не зависит от того, какие ей дают определения, ибо у каждого человека есть свое понимание и объяснение.

Здесь зафиксирован ужас человека в положении «я». И состояние «я» - это единственное, что у нас есть. Любопытно, что в китайской культуре воспринимают «один» как центр мира. В толковании «Юйпянь» один – это начало числа. Поэтому «один» является источником всех вещей в умах древних людей. Число «один» рассматривается как символ начала Вселенной. В китайских фразеологизмах слово один имеет значение «целостность, единство», например: 浑然一体 (неразделимое целое); 一统天下 (объединение всей страны); 天下为一 (целостность). Кроме того, число один не только представляет собой отдельную индивидуальность, но имеет и общее абстрактное значение. Например: 一个人 (один человек); 一个家庭 (одна семья); 一个国家 (одна страна).

«Я» у Достоевского, - это то, что «заставляет мое внутреннее существовать в пределах и законах того мира, которое является как это насущное видимо-текущее. То есть «я» - это и есть подполье. «Я» - это и есть человек в состоянии подполья. И он живет в своем углу. То есть он окончательно соединил этот угол с подпольем. Китайскому переводчику было сложно отразить понятие «жить в углу». Более того, в китайском языке слово «отечество/родина» составляется из общего иероглифа цзя '娘' – семья.

Любопытно, что в китайском языке «я» как форма самоопределения человека и семья – понятие идентичные. В «Словаре китайского языка» (2002) «семья» последние из 12 упомянутых значений: «человек», «называние себя» (обозначение, самоопределение) и «фамилия». Эта логическая равнозначность или эквивалентность - еще один вид преобразований.

- «Как человек «отрешившийся от почвы и народных начал», как теперь выражаются» (2: 18). - 像个正如现在人们常说那样脱离了根基和以民为本的人那样呻吟. (5: 13).

Цзан Чжунлуня применил метод перевода, ориентированный на людей, использующих политический язык в речи, и он же, разумеется, связан с национальными условиями Китая. Он использовал в своей практике такие переводческие приёмы, как введение дополнительной информации, опущения, перестановки, объединение и разделение предложений (5: 2).

Специфика китайской традиционной теории перевода, которой Цзан Чжунлунь верен, определялась главным ее теоретическим положением концепцией «верности». Быть верным своему начальству, своим родителям, своему мужу является нормой нравственности в семье и обществе. В области теории перевода эта общая нравственная категория находит отражение в понятии верности оригиналу. Главное теоретическое положение теории перевода в Китае этого периода нашло свое отражение в концепции «верности». Сердцевиной этого многогранного понятия является требование к переводу служить полноценной заменой оригинала. Понятие «верности» близко по своему смыслу к понятию эквивалентности на уровне языковых знаков. Подтверждением этому служит переведенная им фраза Достоевского:

- «Как это, например, делается?» (2: 12). - 比如说他们是怎么做到这点的呢? (5: 9).

Цзан Чжунлунь передал выражение «как это» со значением «это может сделать предложение более беглым». Тем самым, китайский переводчик с большим уважением относится к традиционным идеям национальной школы перевода, в частности, к концепции «верности».

Некоторые китайские ученые переводоведы критикуют переводы, не отвечающие по их мнению, стандарту «верность», называют их «беспорядочными переводами» (胡译) (4: 59) или даже «не переводами» (8: 17). Есть ученые, которые называют такие переводы «особенными» (3: 10). Таким образом, факт остается фактом: нигде так не придерживались и не продолжают придерживаться критерия «верности» в области перевода, как в Китае.

«Перевод - дело трудное, - рассуждал Цзан Чжунлунь, - как же следует переводить? Для этого необходимо хорошо понять и изучить как язык, на который нужно переводить, так и язык, с которого нужно переводить, стараться уточнить каждое слово и предложение переводимого текста, чтобы стали ясны причины сходства и расхождений между двумя текстами, разобраться со всеми сложными местами, понять пафос произведения, проанализировать степень сложности каждого слова и предложения, до конца выяснить все изменения в стиле изложения и только после этого приступить к переводу. Если это будет сделано, то читатель действительно поймет смысл книги, её дух, и она пойдет ему на пользу, Если посмотреть на оригинал и не обнаружить расхождений с переводом, то это и будет мастерский перевод (5: 10). Он предлагал сохранять в переводе как смысловое содержание, так и дух оригинала, добиваться высокой степени единства того и другого. Ввиду того, что точную границу между дословным и буквальным переводом, с одной стороны, и смысловым и произвольным - с другой, провести довольно трудно, он предложил различать два уровня перевода: цзы-и «перевод отдельных иероглифов (слов)» и цзюй-и «перевод предложений». «Перевод иероглифов - это перевод, при котором значение иероглифа разъясняется другим иероглифом (словом), или же переводится с помощью другого иероглифа (слова), при этом подразумевается, что значения каждого иероглифа (слова) существуют самостоятельно и независимо от контекста. Переводчик должен переводить значения каждого иероглифа (слова) поочередно одно за другим, с тем, чтобы значения этих разрозненных иероглифов (слов) собрать воедино и затем получить смысл всего предложения. Перевод предложений прямо противоположен этому: здесь следует опасаться слишком педантичного рассмотрения значений иероглифа (слова). Значения слов могут изменяться при употреблении в тексте, или же их трудно уловить. Переводчику нет необходимости переводить каждое слово, к тому же часто перевод слово в слово невозможен, поэтому при переводе предложений следует гибко относиться к значению отдельных слов; предложение представляет собой организованную структуру, а значения слов являются «обобщённым значением» взаимосвязанных и соединённых вместе компонентов. Это обобщённое значение получается благодаря гибкому отношению к значению слов и их взаимосвязи в предложении. При таком подходе к переводу текста следует сначала ясно и чётко понять смысл всего предложения оригинала, а затем, исходя из его обобщённого значения, заново изложить смысл предложения в соответствии с правилами грамматики данного языка» (5: 9). Однако стоит заметить, что Цзан Чжунлунь передал понятие «подпольный человек» описательно: как представление о человеке бледном от испуга (吓得脸色铁青), 青 qīng (средний между зеленым и синим). В Китае считается, что различные цвета передают человеку различные чувства, а сам цвет имеет характер. Значение определенного цвета является частью культуры. Так, живущий в углу человек отказался сине-зеленым по характеристике.

Одновременное присутствие в душе обоих убеждений (и виноват, и не виноват) приводит к тому, что, с одной стороны, оказывается невозможным отвлечься от существования каменной стены со всеми ее последствиями, но, с другой стороны, и сделать ничего нельзя, поэтому результат: «скрипеть зубами» и «сладострастно замереть в инерции». В этом сочетании нужно снова отметить важную деталь: итоговое состояние несет в себе одновременно и страдание и наслаждение.

- «О нелепость нелепостей!», - признается подпольный человек. (2: 16).-噢, 真是荒唐至极! (5: 11). Здесь переводчик использует междометие, которое обычно используется в материковом Китае. Можно сказать, что, взяв за основу критерия хорошего перевода «правдивость и доступность» (8: 43), он оказались в поиске золотой середины между вольным и буквальным переводами.

- «Выражается сознание, что врага у вас не находится, а что боль есть; создание, что вы, со всевозможными Вагенгеймами» (2: 17). - 同时你们也意识到, 连同所有的瓦根海姆在内, 完全是你们牙齿的奴隶。(5:13). Цзан Чжунлунь передал значение автора через его собственное понимание контекста. Переводчику, на его взгляд, нет необходимости переводить каждое слово, поэтому при переводе предложений следует гибко относиться к значению отдельных слов; предложение представляет собой организованную структуру, и концентрированное значение всего предложения есть «обобщённое значение» взаимосвязанных и соединённых вместе компонентов.

Это обобщённое значение получается благодаря гибкому отношению к значению слов и их взаимосвязи в предложении. При таком подходе к переводу текста следует сначала ясно и чётко понять смысл всего предложения оригинала, а затем, исходя из его обобщённого значения, заново изложить смысл предложения в соответствии с правилами грамматики данного языка». Переводчик предлагает рассматривать систему перевода в Китае, выделяя три плоскости переводческой деятельности: семантическую, логическую и эстетическую. Они отражают критерии лингвистической эстетики: достоверность, эквивалентность языковых образов и ясность, то есть соответствие используемых слов и синтаксических структур общепринятым нормам, исключение произвольности.

Цзан Чжунлунь - с большим уважением относится к традиционным идеям национальной школы перевода, в частности, к концепции «верности». Основной категорией современной китайской теории перевода оказывается категория «верности» как этическая норма переводческой деятельности, восходящая к нормам традиционной школы и тесно связанная с многовековым господством в Китае конфуцианской морали. Он отдаёт предпочтение функциональности и нормативности перевода, изучению практических вопросов. Как опытный переводчик, Цзан Чжунлунь отчетливо ощущает и точнее, чем предшественники до него, передает стилистические особенности оригинала.

Совсем недавно, в январе 2020 года во многих книжных магазинах Тайваня появилась в продаже книга Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» в новом переводе на китайский язык, выполненном Цю Гуан, известном среди тайваньских русистов. Выпускник филфака МГУ имени М.В. Ломоносова (1988), Цю Гуан в 2010 году учредил первое на Тайване издательство, специализирующееся на публикации произведений русской литературы в переводе на китайский.

На вопрос: «Трудно ли переводить Достоевского – писателя, признанного великим во всём мире?», он ответил: «Трудно. Я потратил полгода на перевод этой книги. Моя работа включала внимательное ознакомление с английским и старым китайским переводами и с большим пластом справочных материалов. Невозможно описать все трудности, с которыми я столкнулся в процессе перевода. Достоевский поставил передо мной столько вопросов, что я даже стал сомневаться в том, что справлюсь со своей задачей... Но я не прекращал читать и думать, и это, к счастью, помогло мне всё же найти ответы на эти вопросы» (6: 24).

Список литературы

1. *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
2. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья. Полн. собр. соч.: в 30 т. Публицистика и письма тома 18-30. Т. 24.: Дневник писателя за 1876 год ноябрь-декабрь. Л.: Наука, 1982. 482 с.
3. *Ван Вейгао.* «Собственноручные записки из подполья». Нанкин: Книжный магазин Гуйлинь Вэньгуан, 1948 г. 221 с.
4. *Ван М.* Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ван Мэняо. М., 2014. 158 с.
5. *Цзан Чжунлунь* Раздвоение личности: Издательство Илин, 2004 г. 231 с.
6. *Цю Гуан.* Тайваньская панорама, 2020, № 4. с.24
7. *Чэнь Дусю* Новая молодежь // Полн. собр. соч.: В 9 т. Шанхай, 1915–1926. Т.2. 321 с.
8. *Zhang Nanfeng.* Translational theory of China and The West. Beijing, 2004. 342 с.

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Е.Л. Александров канд. педагог. наук, С.Ю. Яблонская канд. филол. наук

Калужский филиал РГАУ-МСХА имени К.А.Тимирязева,
кафедра общественных наук и иностранных языков,
Калуга, svet-yablonskaya@mail.ru

**ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ
КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ»
(НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ВЗГЛЯДОВ Ф.ДОСТОЕВСКОГО)**

В работе представлены философские идеи Ф. Достоевского, дающие вариант авторитетного ответа на вечные вопросы бытия, способствующие формированию мировоззренческой позиции студентов при изучении дисциплины «Философия».

Ключевые слова: духовно-нравственные категории, соборность, компетентностный подход.

В условиях современного кризиса системы ценностей, когда глобальными духовными проблемами заявлены падение интеллектуального уровня молодёжи, вестернизация, когда плоское клиповое мышление через призму коротких, ярких образов формирует человека, утратившего свой культурный код, научить критически мыслить, вернуть личности измерение глубины и широты поможет обращение к философии Ф.Достоевского.

Писатель чутко ощущал исключительное многоголосие своей эпохи; вместе с тем, обращение к его творчеству всегда связано с решением общих, актуальных для любого времени проблем человеческого бытия. Речь идёт о таких вечных вопросах, как есть ли Бог, есть ли бессмертие, возможна ли мораль без Бога, возможна ли социальная гармония и разрешено ли её оплачивать страданиями невинных [1].

Исследователи не раз отмечали, что произведения Достоевского позволяют увидеть всё возрастающую угрозу окончательного воцарения хаоса. Е.М.Мелетинский пишет: «Изображая общество и человека, Достоевский концентрирует внимание на общем состоянии хаоса и в семье, и в государстве, и в душах и мыслях человеческих. Хаос этот мыслится и как всеобщий, и как специфический русский, если признать, что на Западе хаос уже привёл к полной автономизации, окончательному безнравственному и безбожному эгоизму и омертвлению социальной структуры» [7]. Е.М.Мелетинский приводит в этом плане целый ряд примеров из произведений Достоевского: Раскольников говорит: “Русские люди <...> чрезвычайно склонны к фантастическому и беспорядочному”. В “Идиоте” о хаосе говорится гораздо чаще, чем в “Преступлении и наказании”: “В наш век всё беспорядок. <...>. Безобразие и хаос везде.. <...> Всё наыворот, всё кверху ногами”. А в романе “Бесы” развёртывается буквально эсхатологическая картина всеобщего хаоса, и ядром этого всеобщего хаоса является революционная деятельность ряда персонажей во главе с Петром Верховенским. В “Подростке” идея хаоса занимает не меньше места. Первоначально Достоевский хотел назвать роман “Беспорядок”. В черновиках находим следующую запись: “Во всём идея разложения, ибо все врозь и никаких не остаётся связей не только в русском семействе, но даже просто между людьми. Столпотворение вавилонское <...> Общество химически разлагается <...> народ тоже”. “Во всём ложь, фальшь, обман и высший беспорядок”[7].

Роман «Бесы» Ф. Достоевского даёт крайний вариант разложения общества, ставшего прямым следствием деградации души и морали, хаоса в умах. Герой «Бесов» Шигалёв предлагает новую социальную систему мироустройства. Теория его претендует на

замещение нерационального, по его убеждению, божественного порядка вещей («Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другого на земле быть не может» [2]). При этом идея преподносится Шигалёвым как необыкновенное благо. Обозначены и пути достижения нового миропорядка: первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! <...> Рабы должны быть равны: без деспотизма ещё не было ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство. <...> Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность» [3].

Показательна шигалёвская оценка людей, которых он стремится осчастливить реализацией своей теории, во благо и спокойствие которых он и создал идею: «стадо», «материал, который надо организовать» [4], «странное животное, которое называется человеком» [2].

В движении к крайнему пределу идеи Шигалёва обнаруживается парадокс: «...заклучение в прямом противоречии с первоначальной идеей <...> Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» [2].

В этом же ключе идеи Петра Верховенского. Предлагая революционное переустройство мира, Верховенский весьма своеобразно, в соответствии со своими внутренними принципами, вернее, отсутствием их, формулирует суть русской революции как отрицание чести и боязнь собственного мнения. Предложенная им программа действий соответствует этой установке: «... первое, что ужасно действует, - это мундир. Нет ничего сильнее мундира. <...> Затем следующая сила, разумеется, сентиментальность. Ну и наконец, самая главная сила – цемент, всё связующий, - это стыд собственного мнения. Вот это так сила!» [4]. Верховенский уточняет, кто именно мог бы быть полезными в осуществлении его идеи: «... учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их родителями, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развратнее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. <...> Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! <...> Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: “двести розог, или тащи ведро”. О, дайте взрасти поколению!» [3].

В пяти вершинных романах классика представлены различные варианты «рационального» устройства жизни Раскольниковым, Кирилловым, Аркадием Долгоруким, Иваном Карамазовым и упомянутыми уже Верховенским и Шигалёвым. Социальное творчество этих героев-идеологов устраивается прежде всего на логической целесообразности. По Достоевскому, в момент, когда холодный логичный расчёт победит живую душу, хранилищу вечной Истины, произойдет окончательное разрушение нравственных и социальных основ мира.

Как известно, Достоевский не только обозначил проблему всеобщего воцаряющегося хаоса, но и указал её решение: православная вера и почвенничество. Писатель противопоставил возобладавшему прагматичным логоцентричным теориям нерациональные, с точки зрения формальной логики, духовно-нравственные категории. Философская «система» Достоевского, разворачивающаяся в его прозе и публицистике, была своеобразной программой спасения от наступающего хаоса, неизбежно несущего всеобщее разложение и гибель. Наметим пунктирно основные моменты этой системы. Одним из центральных аспектов философии великого классика являлась идея подлинной человеческой свободы. Он видел её в свободе от рабства плоти, в постижении Божьего замысла, в высочайшем развитии личности, когда человек может возлюбить всех и каждого “как себя” [8]. Эти идеи реализуются в «пятикнижии» через романские судьбы персонажей Сони Мармеладовой, князя Мышкина, Тихона, Макара Ивановича Долгорукого, старца Зосимы.

Другим важным звеном мировоззрения Достоевского было неприятие возобладавших в его эпоху тенденций к «разделению и обособлению». Писатель противопоставил им «всеединство», «соборность», понимаемые как объединение разрозненных идей всех наций и

народностей, «всемирную отзывчивость», «всеохватность», сознание того, что «все за всех виноваты». Т.А.Касаткина так комментирует эти идеи соборности: «Коллектив отторгает от себя “виновных” членов, а собор (как и Бог) радуется каждому вернувшемуся “блудному сыну” более, чем всем остальным» [6].

Показательна запись в «Дневнике писателя» за 1876 год: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация, а высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из неё одной вытекают» [5]. По Достоевскому, в отсутствии этой идеи даже самая горячая любовь к человечеству непременно вырождается в ненависть – хотя бы от сознания собственного бессилия перед его неизбежным уничтожением. Лишь эта идея, «обещающая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землёй» [5].

Современность размышлений великого классика о кризисе морали, о хаосе в мыслях и душах и варианты спасения как отдельного человека, так и народа не вызывают сомнения. Ценно, что студенты получают возможность увидеть и оценить современный мир сквозь призму предостережений и откровений Ф.М. Достоевского.

Список литературы

1. Александров Е.Л., Яблонская С.Ю. Поиск оптимальных методов личностно-деятельностного обучения в отечественной педагогической науке. // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2019. № 2 (54). – С. 9.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т.10. Бесы: Роман в 3 ч. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 363.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т.10. Бесы: Роман в 3 ч. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 375.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т.10. Бесы: Роман в 3 ч. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 346.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Т.11. Бесы. Глава «У Тихона». Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 487.
6. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. - М.: Наследие, 1996. – С. 322.
7. Мелетинский Е.М. Достоевский в свете исторической поэтики. Как сделаны «братья карамазовы». – М.: Изд-во РГПУ, 1966. – С. 14.
8. Яблонская С.Ю. "Универсальные смыслы и онтологическая образность в прозе Ф.Достоевского и А.Платонова. // В сборнике: Региональное речевое пространство в синхронии и диахронии Материалы Всероссийской научной конференции. Ред. Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. 2014. - С. 559.

10.01.01

Е.Л. Александров канд. педагог. наук, С.Ю. Яблонская канд. филол. наук

Калужский филиал РГАУ-МСХА имени К.А.Тимирязева,
кафедра общественных наук и иностранных языков,
Калуга, svet-yablonskaya@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ КОМПЕТЕНЦИИ ТОЛЕРАНТНОГО
ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ
НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОВЕСТИ А.ПЛАТОНОВА «ДЖАН»)**

В работе представлен анализ идейно-художественного своеобразия повести А.Платонова «Джан», пронизанной идеями гуманизма, патриотизма, интернационального братства как вариант реализации компетенции толерантного восприятия социальных и культурных различий на практических занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи».

Ключевые слова: гуманизм, патриотизм, интернациональное братство, компетентностный подход.

Реализация компетентностного подхода к подготовке бакалавров и специалистов делает актуальной проблему выбора материала, который бы эффективно формировал обозначенные навыки толерантного восприятия социальных и культурных различий на практических занятиях по русскому языку и культуре речи. Прочтение и анализ повести писателя-философа Андрея Платонова «Джан», пронизанной идеями гуманизма, патриотизма, интернационального братства помогает достичь обозначенных целей.

Повесть написана в зрелый период творчества, когда автор от проблем социального творчества обращается к внутренним силам человеческой души, пытается найти генератор счастья не вне, а внутри человека. Подчёркнуто прост сюжет: выпускник московского вуза приезжает на родину, в пустыню Сары-Камыш, к своему затерянному в песках, погибающему народу. Своим горячим сердцем, неравнодушием, деятельным участием Назар возвращает людям надежду и желание жить, но спасенные земляки расходятся по миру и собираются вместе лишь «напивавшись» друг от друга и от других народов счастьем и душой. Повесть А.Платонова «Джан» можно назвать эмблематичной, так как она представляет оригинальную авторскую способность концентрации глубоких философских мыслей на простом сюжетном материале.

Соединить понимание идеи повести, соответствующей заданной компетенции и возможность оценить новаторство в языке – вот задача преподавателя [1]. В этой связи интригующе звучит оценка творчества А.Платонова Иосифом Бродским. Он называет Платонова продолжателем глобальной, универсальной литературной традиции. Это «традиция поиска большой мысли, стремление к анализу человеческой ситуации более исчерпывающему, чем тот, что доступен сегодня, традиция поиска лучших средств, позволяющих отбить атаку реальности»[2].

Практическое занятие может иметь следующую примерную схему, распадающуюся на два блока: первый - рассказ о личности писателя, краткий обзор творчества, знакомство с историей создания и публикации повести «Джан»; второй - анализ идейно-художественного своеобразия повести. Эпиграфом к первой части могли бы стать слова самого А.Платонова: «Мои идеалы однообразны и постоянны... Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получились приемлемые произведения. А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать» [3].

Студенты выступают с заранее подготовленными сообщениями о месте писателя-философа А.Платонова в русской литературе, о его сложной судьбе, о травле писателя советскими идеологами в 30-е годы, об аресте его несовершеннолетнего сына по ложному политическому обвинению и последующей гибели 14-ти летнего подростка, об отношении И.Сталина к его прозе, об участии писателя в Великой Отечественной войне. Грамотно подбирая материал, студенты отрабатывают навыки работы с научными источниками, публичного выступления, реализуют на практике принципы построения различных функционально-смысловых типов речи. Преподаватель помогает проследить путь от восторженного приятия революции, до «глубокого трагизма мироощущения художника, осознавшего пропасть между высокой сущностью человека... и тем обществом абсурда, ужаса и крови, которое человек создал» [4].

Эволюционируют и платоновские герои: в зрелый период творчества это «люди, для себя лично изжившие радости «века потребления», никто не ищет «хлеба», все ищут духовного счастья и красоты» [10].

Очевидно, что творчество А.Платонова целостно на всём протяжении. Постепенно смещаются акценты поиска гармонии: от идей социального переустройства, к идее жизни, суть которой в непрекращающемся обновлении мира и стремлении человека к постоянному саморазвитию. Это доказывает повесть «Джан».

Эпиграфом ко второй части занятия могут стать слова из повести: «Люди питаются друг от друга не только хлебом, но и душой». Обращаясь к анализу повести «Джан», необходимо остановиться на характеристике Назара Чагатаева, он является выразителем мыслей самого А.Платонова.

Первым этапом анализа образа могут быть ответы на вопросы по содержанию: Где учился Назар Чагатаев? Каковы его взаимоотношения с миром города? Есть ли у него друзья? Как он относится к людям?

Студенты, опираясь в своих ответах на текст, отметят, что Назар чужд миру города, у него нет друзей, он одинок. В его сердце была благодарность этому миру за то, что «здесь он долго жил, узнал науку и съел много хлеба без попрека», но он был «не свой» в этом мире. Оканчивая институт, он втайне прощается с «мертвыми предметами», «он хотел почему-то, чтобы предметы его запомнили» [5].

Вместе со студентами преподавателю необходимо выяснить, почему Назар одинок. Разобщенность с сокурсниками вызвана разностью задач. Чагатаев уловил настрой выпускников: «разойтись отсюда по окружающей земле, чтобы устроить себе там счастье» [5]. Его же цель — счастье других, счастье своего затерянного в песках народа. Можно поразмышлять о том, что для большинства молодых людей сегодня первоочередным является вопрос: «Что мне дала или может дать моя родина?», вопрос - «Что я могу дать своей родине?», — звучит гораздо реже.

Затем преподаватель предлагает выяснить, как относился Назар к природе. Перечитывая отрывок, где описан путь Чагатаева из Хивы на родину, в Сары-Камыш, студенты отметят бережное отношение к животным, растениям, земле: «Он заботился о существующем как о священном» [6].

Особо следует рассмотреть прочную связь Чагатаева и народа джан. Преподаватель обратится к аудитории с вопросом: почему по-разному относятся к умирающему народу джан Чагатаев и уполномоченный Нур-Мухаммед? Ответ в тексте: Нур-Мухаммед «не принадлежал к народу джан,... глядел на людей чужими глазами» [8]. Чагатаев другой, он не жалеет сил, чтобы спасти народ, покупает людям лекарства и выхаживает больных. В людях просыпается стремление к жизни и переменам.

Важно подчеркнуть: выполняя свою задачу, Чагатаев не присваивает монополию на истину. Студенты найдут подтверждение этому в тексте: «Но самим людям виднее, как им лучше быть. Достаточно, что он помог им остаться в живых» [9], - вот такой общий тон рассуждений Назара, когда спасенный народ расходится. Чагатаев не становится «великим вождем», диктующим свою волю [11].

Преподаватель обращается к аудитории с вопросами: Что подпитывало Чагатаева? Что давало ему силы в выполнении сверхзадачи? Студенты, работая с текстом, отмечают, что не только Чагатаев любит свой народ, но и народ джан верит ему и любит его. В этой связи с народом герой и черпает силы. Устами Чагатаева Платонов говорит: «Люди питаются друг от друга не только хлебом, но и душой» [7]. Так студенты подходят к одной из главных идей повести — необходимости прочной связи людей между собой. Преподаватель предлагает студентам поразмыслить: может ли какой-либо народ достичь счастья и процветания без связи с внешним миром? Ответы студентов могут служить объяснением, почему, выжив, люди народа джан расходятся по миру, а потом, напившись у соседей энергией жизни, собираются вместе.

Студенты в финале занятия самостоятельно сделают выводы: быть счастливым – значит ощущать гармонию мироустройства, ценить живую душу, любить людей, свой народ, свою родину. Наполнить счастьем человека могут не идеи, а живые люди.

Размышлениями над мироустройством пронизано всё творчество А.Платонова. Повести «Котлован», романы «Чевенгур», «Счастливая Москва» могут быть рекомендованы для самостоятельного прочтения и стать толчком для открытий самого себя и мира.

Список литературы

1. Александров Е.Л., Яблонская С.Ю. Поиск оптимальных методов личностно-деятельностного обучения в отечественной педагогической науке. // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2019. № 2 (54). – С. 7.
2. Бродский И. Катастрофы в воздухе // Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. - Спб.: М.М.И., 2001. - Т.5: – С. 205.
3. Миндлин Э.Л. Андрей Платонов // Миндлин Э.А. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. - М.: Советский писатель, 1979. – С. 476.
4. Павловский А.И. Яма // Русская литература. 1991. - №1. – С. 36.
5. Платонов А.П. Собрание сочинений: В 8 т. – Т.4. Счастливая Москва. М.: ФТМ, 2010. – С.136.
6. Платонов А.П. Собрание сочинений: В 8 т. – Т.4. Счастливая Москва. М.: ФТМ, 2010. – С.144.
7. Платонов А.П. Собрание сочинений: В 8 т. – Т.4. Счастливая Москва. М.: ФТМ, 2010. – С.221.
8. Платонов А.П. Собрание сочинений: В 8 т. – Т.4. Счастливая Москва. М.: ФТМ, 2010. – С.155.
9. Платонов А.П. Собрание сочинений: В 8 т. – Т.4. Счастливая Москва. М.: ФТМ, 2010. – С.210.
10. Чалмаев В.А. Андрей Платонов. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. - М.: Изд-во МГУ, 1999. – С.94.
11. Яблонская С.Ю. "Универсальные смыслы и онтологическая образность в прозе Ф.Достоевского и А.Платонова. // В сборнике: Региональное речевое пространство в синхронии и диахронии Материалы Всероссийской научной конференции. ред. Н.В. Логунова, Л. Л. Мазитова. 2014. - С. 557.

10.01.01

Е.П. Гурова канд. филол. наук

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра журналистики и массовых коммуникаций,
Пермь, eg555a@yandex.ru

ПОВЕСТЬ Ф.М. РЕШЕТНИКОВА «ПОДЛИПОВЦЫ»: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Фигуры писателей-шестидесятников многочисленны во второй половине XIX века, но при этом до настоящего времени малозаметны. Малочисленны исследования их наследия и зачастую локализованы; ограничен круг тем, затронутых исследователями.

Данная статья посвящена новому взгляду на творчество Ф.М. Решетникова и новому прочтению его повести «Подлиповцы».

Ключевые слова: *«Подлиповцы», художественное пространство, народное восприятие, реализм, мифологизм.*

Исследования творчества уральского писателя Ф.М. Решетникова в основном принадлежат екатеринбургским ученым. В них представлен обзор творчества Ф.М. Решетникова либо его упоминание [1], взгляд на жанровое своеобразие [8], изучение генезиса драматургии писателя [10] и др. «Подлиповцы» считаются одним из первых значимых произведений Ф.М. Решетникова, однако, как представляется, до настоящего времени отсутствует его обстоятельный комплексный анализ. Можно отметить несколько работ исследователей, рассматривающих повесть с точки зрения разных аспектов: с позиции поэтики, ритмичности текста, интонированности повествования [2]; в рамках воплощения мифологической модели бытия [3]; с позиции реализма [9] и т.д. Многие из этих работ дают не столько представление о «Подлиповцах» как целостном произведении, имеющем структурно-повествовательную ценность и сложность, сколько мозаику точек зрения, мозаику восприятий.

По нашему убеждению, необходимо исследование повести Ф.М. Решетникова с позиции литературно-народного сознания. Народное восприятие, элементы мифологизма, беспристрастный реализм и существующая литературная традиция органично переплетены в творчестве писателя.

Художественное пространство деревни Подлипной и местности окрест нее сродни описанному Н.В. Гоголем, охарактеризованному с позиции сказочного: «хоть три года скажи, ни до какого государства не доедешь». Крестьянская жизнь изображена Ф.М. Решетниковым исключительно в одной плоскости: динамики, развития нет. Деревня показана без изменений и в прошлом, и в настоящем. Это подтверждается глагольными формами, способом построения выражений на контрасте желаемого и существующего, что позволяет отчетливо показать бесплодность попыток жить, как все: «Пробовали, – сказывают подлиповцы, – ...да проку нет. ...Пробовали..., да все не в толк» [4]; «подлиповцы уже привыкли к такой жизни, свыклись и с своими болезнями» [6].

Оторванность, отрезанность от соседних населенных пунктов — сел, деревень, города — подчеркивается неоднократно, ярко показывая одиночество подлиповцев и принадлежность их к своеобразному своему миру, лесному, чуждому остальным. Так, «они знают, что помочь им некому; даже самые люди против них» [6]. Тем самым подчеркивается необычное на первый взгляд различие между подлиповцами и людьми, и, в действительности, подлиповцы по своему образу жизни, по поведению ближе к природному, естественному миру. Стоит отметить несколько повторов в тексте, усиливающих указанное впечатление: «подлиповцев не любят жители других деревень..., и их называют колдунами» [6]. Но и мир городов и

соседних деревень чужд самим подлиповцам: «с своей стороны, и подлиповцы не любят их [жителей других деревень] и не ходят к ним» [6], «в городе они [подлиповцы] видели разных людей, но никак не могли понять, что это за люди; этих людей они боялись, не верили им» [7]. Таким образом, поэтапно автором выстраивается особый мир, наделенный иной художественной реальностью, более близкой к чудесному, иномирному, нежели к обыденной действительности.

Проявляющееся отличие позволяет выстроить смысловые соотношения в художественном пространстве. С одной стороны, подлиповцы ни на кого не похожи, живут своей жизнью, не подчиняющейся общепринятым законам. Их понятия предельно просты, как и потребности (этим вызвано нежелание строить теплые удобные избы, класть печи на века, засеивать поля, венчаться и хоронить). С другой стороны, прослеживается косвенное указание на искаженность городской жизни, сосредоточенность ее жителей на достатке, собственной выгоде. В городском устройстве еще меньше жизни, чем в отрезанной от остального мира деревне.

Мир подлиповцев образует свою реальность, непонятную остальным. Действительность показана посредством непритязательных взглядов подлиповцев (лесного народа), их природного мышления, идущего вразрез с мышлением городского жителя. Два типа восприятия позволяют показать действительность, жизнь (в данном случае – существование) с двух ракурсов, периодически совмещающихся в пространстве рассказа.

В этой связи большое значение имеет упоминание пространственного отмежевания подлиповцев от прочего мира: «зимой частые ветра да вьюги по полю, снега большие до пол-окон заметают домики, а которые ниже, то и до крыши, а дороги и след простыл. ...Зимой еще хуже... на дороге целую неделю не видать следов человеческих, все как будто спряталось» [5].

Отсутствие дороги символично показывает отсутствие выхода из сложившегося положения, безнадежность и замкнутость в своем особом мирке. Немаловажно и указание на отсутствие на дороге следов человеческих: соответственно, как подлиповцы не выходят на дорогу, так и к ним никто не ездит и не ходит, что подчеркивает близость жителей лесной деревни к дикой природе, животному миру. Притом и дорога в город приносит только беды подлиповцам: поборы, подати, смерти.

Эта символика привносит сказочные мотивы в сюжет. Мир, в котором и из которого нет дороги; деревня, в которую не приезжают с добрыми намерениями, в которой не бывает гостей; жители, с которыми стараются не общаться жители окрестных деревень; мирок, в котором, по сути, нет жизни, — все это позволяет соотнести существование в деревне Подлипной с заколдованным миром, миром «перевернутым», антимиром, отчасти с проклятой жизнью. В определенной степени правомерно провести параллель с распространенными в народной среде представлениями об особом месте в лесу, где водит лесовик, не давая выбраться на дорогу к людям.

Повествование, его тон, в сущности, воспроизводят то же состояние заплутавшего человека, который, пытаясь выйти к людям, неминуемо приходит на одно и то же место, потеряв надежду выйти из заколдованного места, пока не найдут и не помогут другие. Такой же атмосферой наполнено существование в деревне Подлипной. Нет исхода из прозябания, горького и болезненного существования крестьян, нет дороги из «заколдованного» мира с его особой реальностью, который словно водит крестьян-подлиповцев вокруг одного места, не выводя к «людям». [6]. При этом художественное пространство устроено так, что даже появление подлиповцев (как правило, вне своего мира, вне «лесной» деревни, замкнутой, отрезанной от мира как на смысловом, так и на физическом уровне) становится знаком беды, несчастья (однако, зачастую для самих подлиповцев): следует вспомнить эпизод с умершими братом и сестрой Сысойко. Другими словами, выход за пределы «заколдованного» мирка приводит к непоправимым последствиям, к беде. Прослеживается контраст, столкновение внешнего и внутреннего — восприятия внешности, облика, то есть формального, поверхностного восприятия подлиповцев окружающими, жителями других деревень и

города и истинной сущности, своеобразной природной, «естественной» чистоты души жителей деревни Подлипная. Этот контраст — один из неотъемлемых элементов — элементов, прежде всего, иномирности.

Тем самым в повести сосредоточен ряд смысловых пластов, как лежащих на поверхности повествования, так и скрытых глубоко в подтексте и проявляющихся во многом в силу особого синтетического жанра произведения (очерк предполагает фактографичность, точную передачу событий, образов, типов) и специфики мировосприятия писателя-народника. Сочетаются реалистический и мифологический смысловые пласты художественного текста, в сущности, формальный взгляд на состояние крестьянской жизни и содержащееся в подтексте народное восприятие, мифологические, фольклорные представления, выработанные исторически, неразрывные с крестьянскими образами, что требует особого, более обстоятельного изучения.

Список литературы

1. *Дергачев И.А.* Социально-историческая почва «народного реализма» Решетникова / И.А. Дергачев // Дергачевские чтения – 2004: материалы VII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2-3 октября 2004 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. – С. 4-7.
2. *Жилякова Э.М.* И.С. Тургенев и «Подлиповцы» Ф.М. Решетникова: поэтическая составляющая «этнографического очерка» / Э.М. Жилякова // Дергачевские чтения – 2011: материалы X Всерос. науч. конф. — Екатеринбург, 2012. — Т. 2. — С. 121-130.
3. *Приказчикова Е.Е.* Мифологическая модель бытия в повести Ф. Решетникова «Подлиповцы» / Е.Е. Приказчикова // Дергачевские чтения – 2000: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 10–11 октября 2000 г. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. — Ч. 1. — С. 172-177.
4. *Решетников Ф.М.* Избранное / Ф.М. Решетников. Молотов: Молотовское областное государственное издательство, 1949. — С. 3.
5. *Решетников Ф.М.* Избранное / Ф.М. Решетников. Молотов: Молотовское областное государственное издательство, 1949. — С. 4.
6. *Решетников Ф.М.* Избранное / Ф.М. Решетников. Молотов: Молотовское областное государственное издательство, 1949. — С. 5.
7. *Решетников Ф.М.* Избранное / Ф.М. Решетников. Молотов: Молотовское областное государственное издательство, 1949. — С. 6.
8. *Созина Е.К.* Специфика жанрового мышления Ф.М. Решетникова / Е.К. Созина // Дергачевские чтения – 2008: материалы IX Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2009. — Т. 1. — С. 281-292.
9. *Шелгунов Н.В.* Литературная критика / Н.В. Шелгунов. Л.: Художественная литература, 1974. – С. 303.
10. *Эльстон-Бирон А.В.* Ф.М. Решетников играет в «Ревизора», или *cherche* Хлестаков / А.В. Эльстон-Бирон // Дергачевские чтения — 2018: материалы XIII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). — Екатеринбург: УрО РАН, 2019. — С. 142-148.

10.01.01

А.А. Красноярова

Наньчанский университет,
Кафедра иностранных языков,
Наньчан, Китай, annaporkova1909@gmail.com

«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940–2010-х гг.

В статье представлен анализ китайского текста в русской литературе, 1940 – 2010 гг. В современном литературоведении стало широко распространенным исследование различных вариантов «тематических текстов», среди которых новым направлением является «китайский текст». «Китайский текст» русской литературы (начиная с первых десятилетий XIX в.) был ориентирован на активное взаимодействие с «массовой» литературой и соотносится с проблемами межкультурной коммуникации и транскультурного диалога, с постановкой и решением проблемы понимания – непонимания, возникающей между отдельными людьми и народами.

В настоящей статье рассматривается история развития «китайского текста» русской литературы в 1940 – 2010-е гг. и выделяется несколько периодов, каждому из которых дано определённое условное название.

Ключевые слова: «китайский текст», «тематический текст», Китай в русской литературе, образ Китая, история развития «китайского текста», русская литература XX – XIX века.

В русской литературе 1920–1930-х гг. сформировался развёрнутый «китайский текст» [3], который был представлен в двух «потоках». Первый «поток» – «советский», в рамках которого ставились преимущественно идеологические задачи; второй – «эмигрантский», в котором решалась проблема сохранения культурных традиций Серебряного века.

В соответствии с этими установками в этих двух разновидностях «китайского текста» отличался подход к изображению Срединного государства.

В «советском» варианте акцент делался на раскрытии социальных противоречий общества, изображении бедственного положения трудящихся и протестного («революционного») движения «народных масс», разоблачении «угнетателей народа» (местных чиновников и феодалов, а также «мирового империализма, – прежде всего, Великобритании), воспроизведении многочисленных сцен насилия и т.п.

В «эмигрантском» варианте идеологические вопросы затрагивались в меньшей степени (если не считать книги, созданные генералами Русской армии, которые, правда, нельзя рассматривать как собственно художественные произведения и которые были обращены не в «китайское настоящее», а в «русское прошлое»). В наибольшей степени писателей русской восточной эмиграции интересовали (наряду с проблемами русских диаспор) вопросы взаимодействия русского и китайского народов – в бытовом, культурном, нравственно-философском аспектах.

В то же время в обеих разновидностях «китайского текста» можно было встретить правдивые, исторически конкретные описания Китая и особенностей жизни и быта китайского народа. Представителей «советского варианта» в большей мере интересовал городской быт разных социальных слоёв китайского общества; «эмигрантского» – взаимодействие китайской природы и человека (собираательный образ маньчжурской тайги в произведениях Н. Байкова).

В последующий период «китайский текст» русской литературы продолжал своё существование. Однако, в начале 1940-х гг. ситуация, связанная с особенностями его функционирования, и его структура стали существенно изменяться.

В истории развития «китайского текста» русской литературы в 1940– 2010-е гг. можно выделить несколько **периодов**, каждому из которых мы дадим условное название.

1. *«Завершение русской китайской эмиграции» (1940–1949).*

Первый период связан с началом Мировой войны на Дальнем Востоке; его завершение ознаменовано приходом к власти коммунистов и созданием нового государства – Китайской Народной республики.

После оккупации Маньчжурии и ряда городов Северо-Восточного Китая японской Квантунской армией значительная часть русских эмигрантов, проживавших в Харбине, Цицикаре, Мукдене и других городах в районе КВЖД стала уезжать в южные провинции страны: Тяньзинь, Пекин, Ханькоу, Шанхай (некоторые представители русского населения – у кого была такая возможность – отправлялись в Европу, Австралию, США). По мере продвижения японской армии вдоль побережья Китая на юг большая часть русских концентрировалась в Шанхае (преимущественно на территории Французской концессии, которую стали называть «русским районом» Шанхая).

Завершение истории русского «белого» («эмигрантского») Харбина (и прилегающих к КВЖД «русских городов») началось в 1945 г. – после вступления в него Красной Армии.

В последующие годы прекратилась история «русского Тяньзиня», «русского Пекина», «русского Ханькоу» (правда, российские анклавы были там значительно меньше по численности населения и по интенсивности культурной жизни). Дольше всех продержался «русский Шанхай», однако после его оккупации японцами русское население города переживало огромные трудности. Завершилась история русского Шанхая вскоре после 1948 г., когда к власти пришла Коммунистическая партия Китая. Значительная часть русских эмигрантов вернулась в Советский Союз; те, кто не хотел туда возвращаться, эмигрировали в страны Европы, Австралию и США. Несколько тысяч русских нашли временное прибежище на острове Тубабао (Филиппины), откуда рассеялись по всему миру (преимущественно в страны Латинской Америки). Отметим, что наиболее полное описание жизни русских в лагере на острове Тубабао представлено в книге Н.В. Моравского «Остров Тубабао: 1949–1951. Последнее пристанище российской Дальневосточной эмиграции» и Т.В. Таболиной «Русский дом на Тубабао».

На протяжении этого периода литературная жизнь русской эмиграции быстро редуцировалась: прекращалось издание журналов и газет на русском языке, сокращалось количество публикуемых книг, закрывались русскоязычные издательства. В этот период завершалась литературная деятельность писателей старшего поколения; в то же время появились и некоторые молодые писатели (например, Н.И. Ильина), возможности для публикаций которых были весьма ограничены (они издавали свои произведения преимущественно в Шанхае).

Большинство харбинцев и шанхайцев после приезда в СССР прекратило литературное творчество. Некоторые писатели, переехавшие в Советский Союз, погибли (как, например, А. Несмелов [Митропольский]); другие после приезда в СССР надолго либо прекратили литературную деятельность (как, например, А. Хейдок), либо коренным образом изменили проблематику своего творчества (как, в частности, А.Н. Вертинский) и в дальнейшем не обращались к теме Китая.

Известный поэт-философ Л.В. Гроссе, который после тщательного обдумывания принял решение вернуться на родину, был арестован через год после возвращения; где и когда он погиб, до сих пор не установлено. Харбинский поэт А. Ачаир [А.А. Грызлов], который провёл в сталинских лагерях 10 лет, полностью прекратил занятия творчеством и никому (даже самым близким людям) не рассказывал ни о «харбинской» жизни, ни о «гулаговском» прошлом.

Харбинский и шанхайский поэт М.Ц. Спургот [Пурга], друг А.П. Хейдока (и, так же, как и Хейдок, ученик Н.К. Рериха), вспоминал спустя много лет: «Я весь свой литературный архив оставил в Китае с тем, чтобы его привезла моя – теперь бывшая – жена: она должна была выехать вслед за мной, однако приехала только через несколько лет. Перед отъездом же

сожгла все мои книжки, вырезки напечатанного из газет и журналов и даже рукописи, опасаясь везти с собою, подозревая, что я репрессирован. Так оно и было: я был репрессирован в начале 1951 года и реабилитирован в конце 1955 года» [2].

В Советском Союзе в 1940-е гг. тема Китая рассматривалась в особом ракурсе, – а именно в связи с событиями, происходившими в Порт-Артуре (во время войны с Японией в 1904–1905 гг.) и Маньчжурии (во время первой войны с Японией и Второй Мировой войны). Прежде всего назовём роман А.Н. Степанова «Порт-Артур» (1940–1941), его же «Рассказы об обороне Порт-Артура» (1946), многократно переиздававшиеся в последующие десятилетия, а также незавершённый роман «Семья Звонарёвых», являвшийся продолжением «Порт-Артура». Событиям второй войны с Японией был посвящён роман П.Л. Далецкого «На сопках Маньчжурии», создававшийся в конце 1940-х гг.

В последующие десятилетия советские писатели неоднократно обращались к теме русско-японских войн и событиям, происходившим в Маньчжурии. В качестве примера можно назвать повесть П. Мильто «На сопках Маньчжурии» (1967), роман А. Котенёва «На сопках Маньчжурии» (1985), роман М. Толкача «На сопках Маньчжурии» (2008), роман Т. Чернова «В те дни на Востоке» (1994), приключенческий роман в жанре «альтернативной истории» А. Рыбакова «На сопках Маньчжурии» (2009), сборник рассказов В. Михальского «На сопках Маньчжурии» (2019). Как можно увидеть из приведённого перечня, название «На сопках Маньчжурии» стало для русской литературы знаковым.

Однако в этих романах на первом плане было изображение событий русско-японской войны: воссоздание исторической обстановки, описание военных действий и героизма русских солдат и офицеров, действий японского командования; изображение реалий, имевших отношение к Китаю и китайскому населению, было эпизодическим.

2. «Великая дружба» СССР и КНР (1950–1960)

Второй период начинается вскоре после создания в Китае социалистического государства и завершается с началом Культурной революции. На протяжении этого времени между СССР и КНР устанавливаются тёплые взаимоотношения. Десятки тысяч советских граждан выезжают в Китай для помощи стране в процессе построения социализма и её индустриализации: с другой стороны, большое количество граждан Китая приезжает в СССР для работы на советских промышленных предприятиях или для обучения в советских вузах.

В это время в СССР активно начинают издаваться переводы китайской классической и современной литературы.

Так, например, на протяжении 1950-х гг. в Советском Союзе были напечатаны четыре классических китайских романа – «Троецарствие» (三国演义 – Sānguó Yǎnyì) (1954) Ло Гуаньжуна (罗贯中 – Luó Guànzōng), «Сон в красном тереме» (红楼梦 – Hóng lóu mèng) (1958) Цао Сюэциня (曹雪芹 – Cáo Xuěqīn), «Путешествие на Запад» (西游记 – Xī Yóu Jì) (1959) У Чэнъэня (吴承恩 – Wú Chéng'ēn), «Речные заводи» (水浒传 – Shuǐ hǔ zhuàn) (1959) Ши Найяня (施耐庵 – Shī Nà'ān), а также некоторые другие классические произведения, – например, романа У Цзинцзы (吴敬梓 – Wú Jìngzǐ) «Неофициальная история конфуцианцев» (儒林外史 – Rúlín wàishǐ) (1959), прекрасные художественные переводы которых были выполнены Д. Вознесенским, В. Колоколовым, В. Панасюком, А. Рогачёвым, Н. Федоренко. Были переизданы и выполненные ранее переводы произведений китайской литературы, – например, новеллы Пу Сунлина (蒲松龄 – Pú Sōnglíng) («Лисьи чары»; «Странные истории»; «Монахи-волшебники»; «Рассказы о людях необычайных», «Странные истории. Рассказы Ляо-Чжэя»), осуществлённые академиком В.М. Алексеевым.

Была опубликована и китайская классическая поэзия, блестящие переводы которой были выполнены Л.З. Эйдлиным (поэты Тао Юаньмин (陶渊明 – Táo Yuānmíng), Ли Бо (李白 – Lǐ Bái), Ду Фу (杜甫 – Dù Fǔ), Гао Ши (高适 – Gāo Shì), Бо Цзюйи (白居易 – Bái Jūyì) и другие) и А.И. Гитовичем (поэты Цюй Юань (屈原 – Qū Yuán), Ван Вэй (王维 – Wáng Wéi) (второе имя – Мо Цзе 摩诃 – Mó Jié), Го Можо (郭沫若 – Guō Mòruò), Мао Цзэдун (毛泽东 – Máo Zédōng) и другие).

На протяжении этого периода активно издавалась современная китайская литература – собрания сочинений классиков литературы XX в. Лу Синя (鲁迅 – Lǔ Xùn), Лао Шэ (老舍 – Lǎo Shě), Го Можо и других.

Активно стала издаваться в это время детская литература. Это были либо переводы произведений китайских детских писателей (например, повесть «Линь большой и Линь маленький» Чжан Тяньи (张天翼 – Zhāng Tiānyì)), либо произведения советских писателей о жизни детей Китая («Рассказы Мей Лин» О. Гурьян, либо произведения, в которых появлялись персонажи-китайцы (поэма для детей «Путешествие зайца Антошки <...> сказка про зайца Антошку, про таежную речку Морошку, про китайского мальчика Вана и про девочку – просто Светлана» Н. Наволочкина).

Особая разновидность советской детской литературы 1950-гг. – «авторизованные» переводы китайских сказок. На протяжении рассматриваемого периода было издано несколько десятков таких книг, авторы (составители, переводчики) которых (С. Кожевников, Н. Куракин, А. Любарская, М. Моценок, К. Петренко, Б. Рифтин, И. Токмакова, В. Туркин, Н. Ходза, Л. Чернова, И. Янин и другие) исходили из разных принципов художественной интерпретации китайских сказок. Изучение этих принципов заслуживает специального исследования.

В числе «сочинителей» «китайских сказок» можно назвать и пермского писателя Л.И. Кузьмина, создавшего в начале 1950-х гг. литературную сказку «Звезда счастья» (произведение сохранилась в рукописи), в которой описывается встреча в «Стране Счастья» «мудрого» Председателя Мао с «Великим Вождём Мира» (Сталиным), который дарит «Рубиновую Звезду Счастья», изменяющую к лучшему жизнь народа далёкой «восточной страны» [1, 82–83].

Тогда же публикуется ряд книг просветительского плана, в которых описывается современный Китай. Эти издания продолжили традиции «просветительской» литературы путешествий, которая создавалась в конце XIX – начале XX вв. В качестве примера сошлёмся на книгу Н.П. Кончаловской и Ю.С. Семёнова «Чжунго, нинь хао!», опубликованную в 1959 г., в которой описывалась поездка авторов в дружественный Китай и делалась попытка раскрыть некоторые особенности китайской культуры, а также изменения, происходящие в стране в результате социалистических преобразований.

Таким образом, можно отметить, что на протяжении 1950-х гг. в Советском Союзе резко возросло количество информации о культуре Китая, что должно было способствовать развитию «китайского текста» русской литературы. Однако ситуация сложилась по-другому, и этот процесс отложился на несколько десятилетий.

С началом Культурной революции диалог СССР и Китая существенно сократился, и это повлияло на образ Китая, представленный в художественной литературе и в обыденном сознании рядовых советских граждан. Большая часть книг о Китае, изданных в это время, носила заказной политический характер и касалась преимущественно событий Культурной революции (и к художественной литературе они отнесены быть не могут).

В качестве примера издания, имевшего определённый художественный потенциал, можно назвать публицистическую книгу П.П. Владимирова «Особый район Китая», основанную на дневниковых записях автора, работавшего в Китае в 1942–1945 гг., подготовленную к печати его сыном – известным спортсменом и писателем Ю.П. Власовым (книга издавалась дважды – в 1973 и в 1977 г.).

3. «Новый диалог с Китаем» (1980-е – 1990-е гг.)

Третий период связан с постепенной нормализацией отношений между СССР (а в дальнейшем – Российской Федерацией) и Китаем, которая началась в конце 1970-х гг. (после завершения Культурной революции) и продолжалась на протяжении последующих двух десятилетий. В это время российские граждане вновь получили возможность посещать Китай и знакомиться с жизнью и культурой его народа. В России возобновилась активная публикация произведений классической и современной китайской литературы, научно-популярных исследований по китайской культуре и философии [4], а перестройка открыла

доступ к ранее «забытой» литературе и истории русского восточного (китайского) зарубежья. В этот же период начали публиковаться мемуарные произведения бывших «харбинцев» и «шанхайцев», оказавшихся в СССР (ранее они не могли быть напечатаны по идеологическим соображениям).

Большой интерес у читателей в это время вызывали китайские единоборства и духовные практики. На эту тему, например, была издана серия научно-популярных книг известного российского востоковеда профессора А.А. Маслова, посвященная духовным традициям китайской цивилизации, которая была продолжена в 2000–2010-е гг. или книги А.Н. Медведева и И.Б. Медведевой.

Можно отметить публикацию приключенческой детективной повести журналиста и писателя А.М. Левина (кстати, много лет работавшего в дальневосточных странах) «Жёлтый дракон Цзяо» (1980; 1991), в которой описывалась деятельность китайской мафии («триады»), изданную в двух принципиально различавшихся версиях.

Теме освоения пространства Востока (Китая, Японии, Кореи) и истории Китая был посвящён исторический роман писателя Г.Д. Мельникова «В страну Восточную придя...» (1886–1989), в котором, в частности упоминался известный дипломат и востоковед начала XX в. – князь Э.Э. Ухтомский (сопровождая будущего Царя Николая II во время его путешествия в восточные страны).

В 1980–1990-е гг. стали активно издаваться научные исследования и популярные материалы, посвящённые истории Китая и литературе русского Зарубежья, а также многочисленные туристические «путеводители» – описания путешествий по стране, имеющие «прикладной» характер (широкому распространению которых, в частности, способствовало развитие глобальной сети Интернет).

Основное содержание данного периода можно определить как количественное наполнение и качественное развитие представлений о Китае.

4. «Художественное представление» Китая (2000-е – 2010-е гг.)

На протяжении *четвёртого периода*, начавшегося в «нулевые» годы, продолжалось дальнейшее развитие тенденций, проявившихся предшествующий периода, чему способствовало появление художественных произведений, в которых был представлен художественный образ Китая, его пространство и история, а также жизнь русской эмиграции.

В это время активно издаются популярные исторические исследования, посвященные отдельным событиям истории Китая. В качестве примера сошлёмся на научно-популярные исторические исследования, посвящённые быту и нравам Китая, известных синологов В.Н. Усова и В.В. Малявина.

Публиковались в это время многочисленные книги о менталитете китайцев, традициях и особенностях культуры страны, адресованные широкому читателю работы. В качестве примера работ, основанных на глубоком понимании материала, можно назвать книги профессора В.В. Малявина.

В это время в литературу вошло новое поколение писателей, создававших художественные произведения о Китае и о русской восточной эмиграции (которые интересуют нас в первую очередь), в числе которых можно назвать В. Рыбакова, И. Алимова, А. Коростелёву, Е. Анташкевича, Э. Барякину и некоторых других.

Данный период оказался наиболее плодотворным для развития «китайского текста» русской литературы.

Если обратиться к произведениям, отнесённым нами к «китайскому тексту» в *жанрово-стилевом* аспекте, то представляется возможным выделить несколько разновидностей произведений, описывающих Китай. Эти «разновидности» связаны с разными жанрами и с разными (в том числе «внелитературными») функциями, обладают неодинаковой степенью художественности.

Назовём основные жанрово-стилевые разновидности произведений, включённых в «китайский текст».

К **первой разновидности** мы предлагаем отнести произведения, относящиеся к жанру *литературных мемуаров*. Большая часть таких произведений создавалась младшим поколением представителей русских диаспор в Шанхае и Харбине спустя несколько десятилетий после отъезда из страны (например, воспоминания профессора Г. Сильницкого «Осмысление прошлого»); часть из этих воспоминаний была опубликована только в интернете (мемуары А. Титова «Здравствуй, Шанхай!» и «Временный рай»; книги О. Штифельмана «Крошка из Шанхая, или Маленький человек по пути в царство советское» и Г. Елисеева «Узоры судьбы»).

К **второй разновидности** мы предлагаем отнести произведения, в которых воссоздавалась жизнь русского анклава в Китае (написанные, как правило, в жанре *романа*). В качестве примера сошлёмся на произведения Э. Баряжиной, Е. Анташкевича, Б. Акунина, которые были изданы в 2000–2010-е гг. (более подробно об этих произведениях мы будем говорить в дальнейшем).

К **третьей разновидности** мы предлагаем отнести произведения о Китае, создававшиеся *специалистами-синологами*, в которых чаще всего были представлены события «альтернативной» («потенциальной») истории. Такими произведениями можно назвать повести и романы, созданные известными российскими китаеводами И. Алимовым и В. Рыбаковым (анализ произведений которых будет предложен в дальнейшем), роман литовского исследователя буддизма В.Б. Коробова (создающего художественные тексты на русском языке) под названием «Дальневосточные экспедиции князя Э.Э. Ухтомского и тантрийские мистерии ni-kha-yung-slei' man-su-gob-ha (Из истории семиотических культов)» (2000), стилизующий формы исторического, религиоведческого и литературоведческого исследования, главным героем которого является российский учёный-востоковед и дипломат князь Э.Э. Ухтомский, якобы обнаруживший во время одной из своих восточных экспедиций мистический трактат под названием «Книга Юнглей Мансурова».

В эту группу можно включить роман писателя В. Антонова «Китайская петля» и двухтомный роман А. Орлова «Харбинский экспресс», трилогию В. Давыдова «Наследники по прямой». Все эти произведения, созданные в 2000–2010-е гг., можно отнести к жанрам «интеллектуально-детективного» или *авантюрно-приключенческого* и *фантастического* романов (нередко – ко всем этим разновидностям одновременно).

К этой разновидности в ряде аспектов примыкают повести и романы писателей-постмодернистов В.Г. Сорокина и В.О. Пелевина, в которых нередко используются «открытые» и «скрытые» цитаты из китайских классических текстов, а также упоминания Китая или предметов, связанных с этой страной.

Названные нами основные жанровые разновидности «китайского текста» 2000–2010-х гг. не исчерпывают перечень создававшихся в этот период произведений на китайскую тему. Например, в качестве примера текста, не укладывающегося в предложенную типологию, можно привести исторические любовные и детективные романы писательницы Е. Арсеньевой, в которых появляются необычные артефакты, связанные с Китаем (романы «Коллекция китайской императрицы. Письмо французской королевы», «Клад маньчжурской принцессы»; «историческая новелла» «Ядовитая орхидея»).

Среди произведений, описывающих Китай, можно назвать также роман писателя В.В. Чекунова «Шанхай: Любовь подонка», описывающий любовную историю русского преподавателя русского языка как иностранного, работающего в Шанхае, книгу А.А. Коростелёвой «Цветы корицы, аромат сливы», в которой изображение жизни китайских студентов, оказавшихся в современной России, сочетается с описанием фантастических сцен в духе «альтернативной истории», историко-приключенческую повесть Г.М. Литвинцева «Молодым не ходи в Гуандун», детективную повесть Е.И. Савиной «Проклятие китайского колдуна» (2013), рассказ писателя и литературоведа А.Н. Варламова «Шанхай» (2004), роман писателя-постмодерниста В.Г. Сорокина «Лёд» (2002) (вошедший в состав так называемой «Ледяной трилогии»), выразившие некоторые идеи даосской философии, а также некоторые другие произведения, которые не

укладываются полностью в предложенную классификацию.

Таким образом, подводя итоги можно отметить, что в 1940–2010-х гг. русские писатели, используя экзотический «восточный» (точнее, «китайский») материал, рассматривали его через призму актуальных проблем российского общества (связанных с осознанием национальных особенностей культуры, перспектив её развития и способов совершенствования существующей общественной системы, а также с решением экономических проблем). Они стремились осмыслить место российской цивилизации и её перспективы в системе культурных координат «Запад – Восток». Важнейшие проблемы, поставленные в рамках русского «китайского текста», в исследуемый период – транскультурная коммуникация и критический анализ опыта межкультурного диалога, накопленного русскими людьми в течение XX в.

Список литературы

1. *Абашева М.П., Зырянова А.И.* Проба пера: о неопубликованной сказке Льва Кузьмина «Звезда счастья» // Вестник Пермского университета. Российская зарубежная филология, 2019. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 81-89.
2. Дело «харбинцев». Репрессии среди русских эмигрантов из Китая // Словесница искусств. Региональный культурно-просветительский журнал. – Текст: электронный. – URL: <http://www.slovoart.ru/node/1185>. (дата обращения: 23.03.2020).
3. *Кондаков Б.В., Краснаярова А.А.* Формирование образа Китая в русской культуре [Текст] // Диалог культур: Россия и Китай на новом Шёлковом пути: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, 11 апр. 2017 г.) / отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. – С. 90–101.
4. *Малявин В.В.* Конфуций / В. В. Малявин. – Москва: Молодая гвардия, 1992. – 335 с. – (Жизнь замечательных людей. Серия биографий).

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

В.А. Гапутина канд. филол. наук, Е.А. Будник канд. педагог. наук

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
филологический факультет,
кафедра русской словесности и межкультурной коммуникации,
Москва, VAGaputina@pushkin.institute, EABudnik@pushkin.institute

**«INSTAGRAM» КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС:
ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ТЕХНОЛОГИИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ БЛОГОВ**

В настоящей статье рассматривается образовательный потенциал лингвистического блога @great_russian, созданного на платформе социальной сети «Instagram» в России. Авторы статьи приходят к выводу, что контент постов блога, соответствующий актуальным вопросам современной лингвистики, игровые принципы подачи материала, публикация заданий и опросов стимулируют интерес читателей к русскому языку и творческому познанию, способствуют повышению уровня грамотности.

Ключевые слова: *социальные сети, Инстаграм, лингвистические блоги.*

Сегодня наиболее значимым фрагментом виртуальной реальности выступают социальные сети. Тенденция их активного использования объясняется возможностью реализации различных видов виртуальной коммуникации и развлечений, удовлетворяющих современные ценностно маркированные индивидом потребности. Кроме того, соцсети являются мощным инструментом продвижения бизнеса и рекламы услуг, площадкой для самореализации, а также новой образовательной средой, предлагая современному обществу принципиально новые подходы к обучению и саморазвитию.

В последние годы многие ученые обращают внимание на дидактические возможности использования интернет-сетей в качестве образовательных ресурсов и настаивают на необходимости их внедрения в процесс обучения школьников и студентов [1–6]. Для обучения школьным и вузовским дисциплинам исследователи предлагают использовать различные виды блогов [1], соцсети «Twitter» [6], «Facebook» [5] и «ВКонтакте» [2].

В настоящей статье рассматривается эвристический потенциал лингвистического блога @great_russian в «Instagram», принадлежащего журналистке Полине Масальгиной. На настоящий момент блог-аккаунт имеет около 500 тыс. подписчиков и насчитывает 947 публикаций, в которых содержится разбор слов и выражений с точки зрения определенного уровня изучения языковых единиц. Например, публикация, посвященная грамматической теме «Нормативные окончания сущ. мн.ч. Им.п.» [<https://www.instagram.com/p/BwSamZGHuC7/>].

Помимо постов, направленных на изучение отдельных аспектов функционирования языковых единиц, в анализируемом блоге встречаются публикации, в которых разбираются типичные ошибки употребления слов, связанных с незнанием различных литературных норм. Например, публикация «Смертные грехи в деловой речи» [<https://www.instagram.com/p/BwH73vwHDjJ/>] посвящена разбору орфографических, грамматических, этических и лексических ошибок, имеющих место в деловой речи. Блогер объясняет, почему выражения «совместное сотрудничество» и «доброго времени суток» противоречат литературным нормам, подсказывает, что запомнить нормативную форму и ударение в слове «договоры» можно с помощью рифмованных строк («воры украли договоры», «договоры как помидоры»), обращает внимание на написание производных

предлогов «в течение» и «в продолжение» и настоятельно просит отказаться от использования в деловой речи слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами («договорчик», «человечек»).

Также очень часто выкладываются публикации, в которых автор просвещает аудиторию об актуальных текущему времени реалиях, например, накануне Пасхи были опубликованы посты, рассказывающие о том, как грамотно поздравить с праздником [<https://www.instagram.com/p/BwyfHfWHXDX/>].

Кроме того, популярным способом введения новых знаний о языке является публикация постов с тематической подборкой слов и выражений, употребление которых у носителей языка вызывает затруднение, например: слова, которые пригодятся вам в продуктовом магазине («свекла», «щавель», «кинза», «ревень») [<https://www.instagram.com/p/BxeRjS1iPv3/>], слова из мира моды («электрик», «джинсовый», «альпака», «кожанка», «шарфы») [<https://www.instagram.com/p/Bs58LoxHKGL/>].

Стоит отметить, что нормативный облик приводимых в пример слов, их значение и происхождение всегда подкрепляются ссылкой на авторитетные источники – современные словари, например, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова (28-е изд., 2017), «Русский орфографический словарь РАН» (2018), «Словарь ударений русского языка И.П. Резниченко» (2017) и др.

Каждый пост содержит в себе эвристические задания, направленные на поиск подписчиками ответа на вопрос, так или иначе касающийся содержания публикации. Например, в посте, рассказывающем о 7 словах, от которых срочно нужно избавиться («самый оптимальный», «первый дебют», «сервисное обслуживание» и др.) автор мотивировала своих подписчиков продолжить этот список [<https://www.instagram.com/p/BrdJPAMnQpf/>].

В большинстве случаев вокруг каждого поста разворачивается масштабная дискуссия, в ходе которой каждый может высказать свое мнение в отношении предмета обсуждения, оставив комментарий к публикации. Комментарий – способ продемонстрировать подкованность в сложных вопросах и темах русского языка или просто проявить любознательность. Что примечательно, читатели не боятся высказывать свои суждения относительно произношения или написания того или иного слова, поскольку в данном сообществе отсутствует система оценок.

Особенностью блога является игровой формат подачи информации (edutainment). Посты, связанные с разбором серьезных тем русского языка, всегда содержат какой-то развлекательный игровой компонент или ироничную картинку. Например, пост (рис. 1), в котором блогер с помощью шутливой картинки обыгрывает коммуникативную ситуацию неразличения паронимов «одевать» – «надевать».

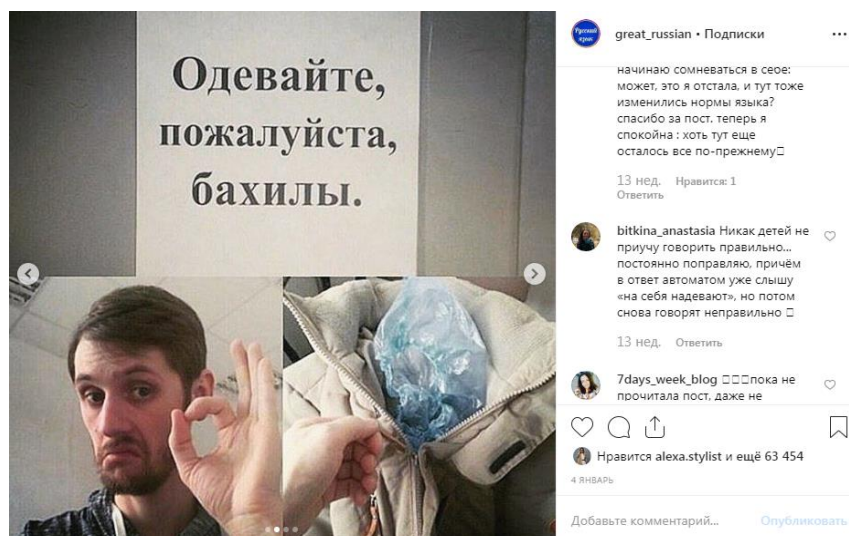

Рис. 1 – Неразличение паронимов «одевать» и «надевать»

Таким образом, процесс познания и запоминания трудностей русского языка становится увлекательным и стимулирует творческую активность читателей. В конце каждого поста блогер обещает аудитории повышение уровня грамотности при условии чтения ее публикаций и выставления отметки «лайк». Интерес аудитории к блогу о русском языке интенсифицируется также за счет розыгрышей автором различных призов.

Наблюдения над функционированием блога @great_russian, имеющего качественный контент и более полумиллиона подписчиков, позволяют подтвердить гипотезу авторов настоящей статьи о том, что «Instagram» обладает высоким эвристическим потенциалом (при условии рационального использования ее ресурсов) и выступает полноценной площадкой для саморазвития и самообразования. Думается, что создание и продвижение подобных блогов будет способствовать повышению уровня грамотности общества, проводящего огромное количество времени в интернет-сетях, расширению кругозора и стимуляции интереса к родному языку.

Список литературы

1. Белов С.А. Использование блогов в образовательном процессе высшей школы / С.А. Белов // Ползуновский альманах. – №1. – 2001. – С. 150–153.
2. Давыденко Л.В. Социальная сеть «ВКонтакте» в образовательном процессе по химии [Текст] // Образование: прошлое, настоящее и будущее: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, август 2017 г.). – Краснодар: Новация, 2017. – С. 72 –77.
3. Мушникова Ю.С. Социальные сети как интерактивная форма обучения иностранному языку в старшей школе [Текст] /Ю. С. Мушникова // Молодой ученый. – 2017. – № 33. – С. 62 – 63.
4. Темербекова А.А. Социальные сети как современный образовательный ресурс нового поколения [Текст] / А. А. Темербекова. Мир науки, культуры, образования [Текст]. – 2016. – № 5 (60). – С. 165–167.
5. Bosch, Tanja E. Using online social networking for teaching and learning: Facebook use at the University of Cape Town, Communicatio, 35:2, 2009, p. 185 – 200.
6. Rinaldo, Shannon B., Tapp, Suzanne, Laverie, Debra A. Learning by Tweeting: Using Twitter as a Pedagogical Tool / Journal of Marketing Education, 33, 2011. p. 193 – 203.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Аль-хадитхи Басим Хашиа Абдулраззак

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
кафедра русского языка

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЯД *БРАТ*, *БРАТИШКА*, *БРАТЕЦ*, *БРАТУШКА*...
КАК ОБРАЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается структура и прагматическая семантика имен родства открытого лексического ряда: брат, братишка, братец, братушка...как обращения в современном русском языке ... Выделяется 5 основных прагматических зон семантики обращений: временная, возрастная, социальная, гендерная и культурно-языковая. Отмечается, что содержание прагматической семантики обращений важно как при обучении русских, так и иностранных студентов.

Ключевые слова: *лексическая семантика, прагматика, термина родства, обращение.*

Настоящая работа продолжает наши наблюдения в области семантики и прагматики обращений в опоре на исследования отечественных лингвистов: [см., в частности: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Рассмотрены следующие вопросы: 1) насколько широко представлен словообразовательный ряд *брат, братишка, братец, братушка*...как обращение в современном русском языке; 2) какие ограничения действуют в такого рода функционировании; 3) как характеризуются эти обращения с позиции норм литературного стандарта.

В живом повседневном общении участвуют люди разного возраста, пола, образования и др. Поэтому в нем могут быть слова и значения из разных форм существования русского языка.

Шведова 2011 дают такие значения для слова *брат* и некоторых производных к нему:

Брат, -а, мн. братья, -ьев, м.

1. Сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям. Родной б. Двоюродный б. (сын дяди или тётки). Троюродный б. (сын двоюродного дяди или двоюродной тётки).

Сводный б. (сын отчима или мачехи от другого брака). Молочные братья (неродные, вскормленные молоком одной женщины). Названный б. (тот, с к-рым побратался).

2. Фамильярное или дружеское обращение к мужчине (разг.).

3. Человек, близкий другому по духу, по деятельности, вообще кто-н. близкий (высок.).

4. Монах, член религиозного братства (обычно в обращении). Братья-иезуиты. [5].

В современной обыденной речи лексема *брат* в качестве обращения может иметь словообразовательные варианты: *брат, братишка, братец, братушка, братуха, брательник, братан, браток, брателла (братва, братия* - по отношению к братьям не используются)...

Использование данных лексем имеет разные прагматические ограничения. Так, согласно нашим наблюдениям и данным Национального корпуса русского языка почти все эти слова могут быть обращением как к родному брату (1), так и лицу мужского пола обычно соотнositельного возраста вне родственных отношений (2) – причем в последнем случае обращаться может только мужчина. Лицо женского пола к чужому человеку не обращается словом *брат* и под.

ТСРРР дает только 3 словообразовательных варианта: *брат, братишка, браток.*

1. Обращение к родному брату.

- *Брат*, любезный друг мой! всё решено! Я приговорен к 4-х-летним работам в крепости (кажется, Оренбургской) и потом в рядовые (Из письма Ф.М. Достоевского брату Михаилу).

- На природу свою дядькинскую, *братец*, не напирай (А.П. Чехов. Письмо брату Александру).

— Ладно, давай спать, *братишка*. [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961] .

- Давно ведь к нам не заезжал. Ремонт через неделю свернем – но ты раньше 30-го не возвращайся! Удачи, *братуха*! Чтоб все у тебя на Евро хорошо шло!» [«А победа, Андрюш, она здесь, у порога... // Советский спорт, 2008.06.07].

- Эх, *брательник* ты мой знаменитый! Ну что, плохо тебе живётся?

Свободы тебе мало? [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)].

Ты лучший друг, *брателло* мой, Мы вместе навсегда с тобой.... (Поздравление брату из Интернета)

2. Дружеское обращение к ровеснику или, реже, старшего по возрасту к младшему.

- Я побежал дальше. - *Брат!* — крикнул я через головы людей, теснящихся у тамбура. – Посылку возьмёшь? Усатый проводник выругался и негодуя махнул рукой. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

- Какую еще наволочку сменить? Заебешься пыль глотать, *братишка* ... [Венедикт Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора (1985)].

- Милиционеры быстро "пробили" по телефону базу данных, выяснили, что в их сети попался не просто мелкий правонарушитель, а еще и беглец от армии... [Шабаев Шикур. ДРУГ В БЕГАХ, А ОН В САПОГАХ // Труд-7, 2006.09.20] .

- Стой, кто идет? - Свой я, *братушка*, свой! - поспешно ответил незнакомец, - Пропуск! [Иван Курчавов. Соглядатай (1977)].

- Игру в буру знают все: от колхозников и строителей до таксистов и военных. Колотая рубашка 9 карт сулит стопроцентный результат. Главное- внимание и счет. При первой же сдаче Вовчик понял... А через три часа сказал: — *Братуха*, я в долг не играю. Шмотки твои мне не нужны... [неизвестный. Битые козыри карточного шулера // «Криминальный отдел», 2010].

Уже поздней ночью заехали на огонек в степную кошару, встретили чабана. - Скажи-ка, *братан*, где мы находимся? – спросили у чабана. - Здесь! [Николай ВАРСЕГОВ. Наркотики везут в Россию в фурах с овощами и фруктами // Комсомольская правда, 2013.09.16].

- Во время размышлений за столик к нему подсели Симон и Яша Эмигрант. - Здорово, *брателла*! Рады тебя видеть живым и невредимым! Что случилось в аэропорту? [Андрей Ростовский. Русский синдикат (2000)]

- А срока конец так далёко, Что лучше не думать о нём... - *Браток*, не могу я ночами уснуть, - сказал арестант корефану... [ВАРСЕГОВ-ГРАЧЕВА. «А у нас на зоне...». Записки начальника отряда Дмитрия Пентегова (окончание) // Комсомольская правда, 2013.03.06].

- Левай! Гуляй, *братва*! Но, к счастью, салонный фестиваль закончился мирно, под утро, под музыку, без эксцессов и матросов, без, постепенно становящихся обычными в нашей жизни, выстрелов [Александр МЕШКОВ. Брильянты, перси, сантименты: тусят красиво декаденты // Комсомольская правда, 2013.11.03].

Отметим обращение в религиозном дискурсе:

- Он совершал литургию так, как никто не совершал до него.

И когда служба кончилась, он сказал: «*Братия*, если даже когда-нибудь у вас не будет священника, не просите меня совершать Божественные Тайны... [митрополит Антоний (Блум). «Я хочу поделиться с вами всем, что накопилось...» (1998-1999)]

3. Обращения-архаизмы.

В художественных текстах можно отметить обращения, в которых присутствует некий сексизм: обозначение женщины примерно соотносительного с говорящим возрастом словом *брат*.

- Нешто нам, *брат*, Агаша, ещё водочки выпить? (Чехов, Агафья).

4. Обращения-историзмы.

- Сидевший в башне за пулеметом матрос постреливал короткой частотой куда-то в поле... — Ты что, *братишка*? [А. П. Платонов. Сокровенный человек (1928)].

Комментарий к последнему примеру:

- Части особого назначения, ликвидировали банды на селе. И Зяма, следовательно, был парень обстрелянный, боевой, не то что мы, явился в брюках-клёш, кепке, старой шинели, носил её внакидку, — типичный "*братишка*" времён гражданской войны [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)].

Выводы: 1) словообразовательный ряд слова *брат* как обращение в современном русском языке представлен 9 лексемами: *брат*, *братишка*, *братец*, *братушка*, *братуха*, *брательник*, *братан*, *браток*, *брателла*; 2) отмечены лексемы *братва*, *братия*, которые к сообществу родных братьев в качестве обращения не используются; 3) лексемы рассматриваемого ряда в качестве обращения большей частью принадлежат нелитературной сфере функционирования, кроме слов *брат*, *братишка* (разговорное); 4) устаревшее обращение *брат* к лицу женского пола отражает некий сексизм, свойственный этому слову в недавнем прошлом; 5) использование лексем описываемого ряда к лицу неродственному — это обращения мужчин. Лицо женского пола к чужому человеку так не обращается.

Список литературы

1. Добровольский Д.О. Русские разговорные обращения: к динамике узуса. Эл. ресурс: <https://www.lexrus.ru/inout/12-04-12041/4.pdf>
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008, - 232 с.
3. Левонтина И.Б. Русский со словарем. - М.: Азбуковник, 2010. - 335 с.
4. ТСРРР: Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А-К / Авторы-составители: М.Я. Гловинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова, А.В. Занадворова, Е.В. Какорина, Л.П. Крысин, И.В. Нечаева, Е.А. Никишина, А.Р. Пестова, Н.Н. Розанова, Р.И. Розина, О.А. Шарыкина; отв. ред. Л.П. Крысин. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 804 с.
5. Шведова 2011: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов /РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. — М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». - 1175 с.
6. Янко Т.Е. Разрешите обратиться! // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2007 и 2008 / Ред.-сост. Е. В. Муравенко, А. Ч. Пиперски, О. Ю. Шеманаева. — М.: МЦНМО, 2009. — 440 с. С. 345-347.
7. Янко Т.Е. Вокативные стратегии русской речи // Речевая коммуникация в современной России: материалы I Международной конференции (Омск, 27-29 апреля 2009). Омск, 2009. С. 425-432.

10.02.01

Е.Е. Дымонт

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
филологический факультет,
кафедра русского языка и стилистики,
KatiaD@mail.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ПЕРФЕКТНЫХ СЛОВОФОРМ С ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В ТЕАТРАЛЬНОМ МОНОЛОГЕ А. БАРИККО «НОВЕЧЕНТО»

Рассматриваются основные способы передачи перфектного значения в русском тексте, переведенном с итальянского, на материале перевода театрального монолога современного итальянского писателя А. Барикко. Выявляется специфика оттенков перфектного значения, передаваемых русскими словоформами, в сопоставлении с итальянским перфектом.

Ключевые слова: *перфект, перфектное значение, акциональный перфект, экспериенциальный перфект.*

Целью статьи является анализ способов передачи итальянских перфектных форм в русском переводе. В современном итальянском языке перфектное значение грамматикализовано: оно выражается особыми аналитическими формами – глаголами-связками *быть / иметь* и страдательными причастиями прошедшего времени [3, с.34]. В русском же языке перфектное значение носит статус частнограмматического и не имеет формальных показателей [4]. В связи с этим представляется важным выявить и охарактеризовать средства передачи перфектного значения в итальянском тексте, переведенном на русский язык.

Проблемы перфекта привлекают внимание многих исследователей [1],[3],[4],[5], которые данную грамему рассматривают в трех основных аспектах: семантическом, классификационном (место перфекта в системе грамматических категорий) и диахроническом [6]. Однако вопрос о переводе перфектных словоформ на язык, в котором они как таковые отсутствуют, остается недостаточно изученным. Материалом исследования послужил театральный монолог А. Баррикко «Новеченто» («1900-й») и его перевод на русский язык Н. Орешиной.

Термином «перфектное значение» мы вслед за исследователями [1],[3],[4],[6] будем называть кластер, объединяющий несколько вариантов, содержащих сему результативности: а) акционально-перфектное, б) статально-перфектное, в) экспериенциально-перфектное (результативно-фактическое), г) плюсквамперфектное (предпрошедшее).

Перфектные итальянские формы *passato prossimo* в русском тексте, как показал анализ, главным образом передаются двумя основными способами: лексико-грамматическим и лексическим перфектом. Более частотным средством перевода форм *passato prossimo* на русский язык является лексико-грамматический перфект – форма прошедшего времени глагола совершенного вида (далее ПСВ) с перфектным значением: *Ты нашел (hai trovato) его во вторник, назови его вторником; Он только что обнаружил (ha appena trovato), что ребенок, считавшийся погибшим, не только жив, но и даже научился (ha imparato) на пианино; Мне об этом рассказал (ha imparato) ...Новеченто; Отдали на произвол судьбы (gli hanno dato il giro al tavolo).*

Важно отметить, что в выражении перфектной ситуации в русском тексте участвует не только сама глагольная словоформа, но и различные контекстные показатели, роль которых может варьироваться от передачи дополнительных оттенков семантики до актуализации перфектного значения «нейтральной» словоформы ПСВ: *Когда кто-то рассказывает тебе с*

*абсолютной точностью, какой запах на Бертэм Стрит, летом, когда только что **прошел** (appena e` piovuto) дождь, ты не можешь думать, что он сумасшедший только из-за глупого рассуждения, что он никогда не был (non e` mai stato) на Бертэм Стрит...*

В приведенном контексте перфектное значение глагола *прошел* актуализируется следующими языковыми средствами: аспектуальное наречие *только что*, существительное с перцептивной семантикой *запах*, семантическая включенность глагольной словоформы во временной план настоящего (синтаксическое настоящее время выражено нулевой связкой в предикативной единице *какой запах на Бертэм Стрит*). При помощи данных актуализаторов передается состояние, наступившее в результате действия, таким образом, весь контекст выражает ретроспективный взгляд на событие из более позднего временного плана, и мы воспринимаем семантику глагола *прошел* как перфектную, несмотря на то что данная словообразовательная модель не располагает к выражению перфектности. Следовательно, в этом фрагменте вся смысловая нагрузка по выражению перфектности ложится на контекстные актуализаторы, передающие статально-квалитативную категориальную ситуацию. Приведем другой контекст для сопоставления: «Ты **нашел** (**hai trovato**) *его* во вторник, *назови его вторником*». Дэнни подумал немного. «Неплохая идея, Сэм. Я **нашел** *его* (**l' ho trovato**) в первый год этого нового века, не так ли? Я назову его Новеченто!»

Глагольная словоформа *нашел* содержит в себе как формальные (ПСВ), так и семантические признаки перфектности (сема «достижение результата» входит в ядро ЛЗ этого глагола). Актуализаторы перфектного значения выполняют несколько иные функции по сравнению с предыдущим контекстом: противопоставление двух временных планов с выделением более позднего как более значимого (актуализация «послеперфектной ситуации»), усложнение логических связей в семантической структуре высказывания (ввод новой причинно-следственной связи: действие *нашел* представлено как стимул, предпосылка к другому действию – *назови*). Если в предыдущем фрагменте актуализация причинно-следственных связей нужна была, чтобы квалифицировать значение глагола ПСВ как перфектное, то в этом случае речь идет о добавлении и акцентировании нового смыслового компонента в перфектном значении глагола: результативное действие становится стимулом к новому действию во временном плане будущего, то есть становится причиной для нового следствия.

К второму способу передачи итальянского *passato prossimo* в русском тексте – лексическому перфекту – относятся глагольные словоформы, выражающие перфектность только за счет лексического значения глагола или его лексико-словообразовательных особенностей (не формы ПСВ). Формы прошедшего времени глаголов НСВ передают перфектное значение (в его экспериенциальной разновидности) прежде всего у переходных глаголов с семантикой восприятия: *видел, слышал* и т.д., что можно видеть, к примеру, в следующем текстовом фрагменте: *В глазах людей видно то, что они увидят, а не то, что они **видели** (**hanno visto**)*. В ЛЗ глагола *видели* есть сема результативности (так как объект восприятия остается в сознании говорящего). В высказывании эта лексическая перфектность подчеркивается, обыгрывается противопоставлением трех однокоренных словоформ: *видно – увидят – видели*. Так как отправной точкой является слово категории состояния *видно*, то на первый план в семантике высказывания выдвигается статальный компонент, а глаголы с перфектным значением в прошедшем и будущем времени раскрывают причину появления нового состояния. При этом во всех трех словоформах ярко проявляется семантика результативности, и за счет контекстного сопряжения этих форм актуализируется идея связи разных временных планов: действие в прошлом *видели* и действие в будущем *увидят* в равной мере связаны с зафиксированным признаком (качеством) *видно*.

Таким образом, контекст, окружающий глагольную словоформу, усиливает ее перфектность. Так как высказывание характеризуется нелокализованностью во времени (о чем также свидетельствует обобщенный субъект «люди», означающий класс деятелей, а не конкретное лицо), перфектное значение глагола выступает здесь в своей результативно-

фактической (экспериментальной) разновидности. Данная словоформа выражает результат действия, не привязанного к конкретному моменту времени в прошлом, для говорящего важно именно наличие результата прошедшего действия, а не его соотнесенность с определенной точкой на временной оси. Такая разновидность перфектного значения характерна для тех лексико-семантических групп глаголов, которые способны передавать перфектное значение формой НСВ («лексически перфектных» глаголов), на первом месте из которых по частотности употребления находятся глаголы восприятия. В своей семантике «результативно-фактическая» разновидность перфекта подразумевает мыслительную операцию говорящего – некоторое обобщение информации, поэтому такой перфект употребляется в информативном и генеритивном речевых регистрах [2].

В связи с вышесказанным подчеркнем, что одна и та же итальянская форма *passato prossimo* может передаваться разными русскими формами. Выбор конкретной словоформы зависит от разновидности перфектного значения итальянского глагола: если форма *ha visto* употребляется в акционально-перфектном значении, то она переводится как *увидел*, а если в экспериментальном (результативно-фактическом), то как *видел*.

Итак, анализ языкового материала показал, что в переводе повести А. Барикко на русский язык основным способом передачи итальянского перфекта является лексико-грамматический перфект – форма ПСВ с перфектным значением. При этом перфектное значение в русском тексте выражается не только на уровне словоформы, но и на уровне высказывания и / или ССЦ, с использованием языковых средств контекста, актуализирующих перфектную семантику. Итальянская форма *passato prossimo* представляется более специализированной на выражении акционально-перфектного значения, а русский перевод требует дополнительных усилий контекста.

Дополнительным способом передачи итальянского *passato prossimo* является лексический перфект, представленный формами НСВ с перфектным значением переходных глаголов восприятия. Эти словоформы приспособлены для выражения особой разновидности перфектного значения – экспериментальной, и в тех контекстах, где нужно передать именно такой оттенок, наблюдается, напротив, большая дифференцированность языковых средств в русском тексте по сравнению с итальянским.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
2. Золотова Г.А. Категория времени и вида с точки зрения текста// Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2002. № 3. С. 8 – 29.
3. Кашкин В.Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 128 с.
4. Маслов Ю.С. Перфектность// Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 428 – 434.
5. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Наука, 1996, с. 153 – 158.
6. Плунгян В.А. Типология перфекта//Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. СПб.: Институт языкознания РАН, 2016. С. 7 – 36.

10.02.01

М.Ю. Масалова канд. филол. наук, С.В.Шелковникова

Донской государственный технический университет,
Кафедра Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация,
Ростов-на-Дону, marisana2@yandex.ru, vss162@rambler.ru

ПУНКТУАЦИОННЫЕ И ИНТОНАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕОМОНИМИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В статье рассматриваются основные закономерности устранения синтаксической неоднозначности с помощью знаков препинания на письме и интонации в устной речи. Доказано, что использование определенных пунктуационных средств зависит от структуры предложения. Особое внимание уделяется деомонимизации усложненных сложных синтаксических конструкций, обладающих многослойной семантикой и объемной структурой.

Ключевые слова: *деомонимизация, пунктуация, интонация, знаки препинания, сложные синтаксические структуры, запятая, точка, точка с запятой.*

Целью нашего исследования является анализ пунктуационно-графических и интонационных особенностей деомонимизации сложных синтаксических конструкций. Актуальность темы связана с необходимостью устранения неоднозначности для улучшения восприятия текстов и отдельных предложений.

По мнению Н.П.Колесникова, «деомонимизировать предложение – значит устранить одно из значений омонимичного предложения, оставив только то, которое соответствует авторскому замыслу» [3, с.3]. Одним из весьма распространенных способов деомонимизации предложений является использование пунктуационно-графических средств (вопросительный и восклицательный знаки, запятые, точка с запятой, точки, двоеточие, многоточие, тире, скобки). На письме средства деомонимизации разнообразнее, т.к. в устной речи эквивалентом всех вышеперечисленных графических средств является лишь интонация.

«Посредством интонации не только организуется и оформляется устная речь, но вместе с тем определяется коммуникативно-прагматическое и эмоционально-экспрессивное значение высказывания. Кроме того, интонация играет большую роль в дифференциации высказываний в речевом акте и в расчленении текста на семантико-структурные части». [1, с.114-115]

В устной речи интонация в значительной мере помогает говорящему передать содержание своей мысли, в письменной же интонация часто отступает на задний план, а также отражается условно (с помощью, главным образом, пунктуации). «Пунктуация, используемая в письменной речи, взаимодействует с интонационным членением текста в устной речи, другими словами, членение устной формы речи посредством просодических средств находит отражение на письме в знаках препинания» [1, с.115]. «Вопрос о назначении пунктуации — способствовать расчленению письменной речи для облегчения ее понимания — в настоящее время всеми признается как очевидный» [2, с.6].

В зависимости от наличия/отсутствия запятой может не только варьироваться смысл предложения, но и определяться отнесенность компонента к главной или придаточной части. Ср.: *Соседи пошли той же дорогой, по которой ходили мы и вернулись обратно.* - *Соседи пошли той же дорогой, по которой ходили мы, и вернулись обратно.*

Аналогично смысл данного предложения будет зависеть от наличия/отсутствия запятой: «*Но разве не интересно подружиться именно с этим цветком, научиться понимать его, видеть, как он изменяется год от года?*» [5, с.1] Ср.: «*Но разве не интересно подружиться именно с этим цветком, научиться понимать его, видеть, как он изменяется (,) год от года?*»

В предложении: «В последнем номере своего журнала перед тем, как журнал благополучно скончался, (;) не выдержав конкуренции, (;) Иван Степанович тиснул очерк под названием «И мое знакомство с нечистой силой»» [7, с.311]. Неоднозначность может быть снята употреблением вместо запятой точки с запятой, постановка которой однозначно определяет объем главной части.

«Отделяющие знаки препинания членят письменный текст на значимые в грамматическом и смысловом отношении части. Близкими по своим значениям, т. е. в функциональном отношении, являются: запятая (отделяющая), точка с запятой, точка. Их различие часто бывает лишь «количественным»: они фиксируют паузы разной степени длительности. Посредством запятой и точки с запятой членятся части внутри одного предложения (однородные члены предложения, части сложного предложения); точка же свидетельствует о законченности мысли. Знаки эти ставятся при перечислении синтаксически равнозначных единиц: членов предложения и частей предложения (запятая и точка с запятой), отдельных предложений (точка)». [2, с.50]

Особенно важную роль играет использование пунктуационно-графических средств для деомонимизации усложненных сложных предложений (УСП), что связано с объемной структурой и многослойной семантикой этих синтаксических единиц. Таким средством деомонимизации является снятие возможной неоднозначности при помощи паузы в устной речи и точки на письме, которая, по замыслу автора, должна относиться ко всему ряду предикативных единиц сложного предложения. Например: «Очень удобное место – здесь многое можно проворачивать, не привлекая никакого внимания, (,) если не следить специально (;) никто и не заметит, что человек приехал на Фольксвагене, а уехал на «Жигулях»». [4, с.21] – В данном примере условное придаточное предложение может относиться к деепричастному обороту или к части предложения *никто и не заметит*. Точка или точка с запятой может быть поставлена в двух местах предложения, в зависимости от замысла автора. При постановке точки, точки с запятой перед придаточным условным предложением *если не следить специально*, видно, что оно относится ко второй части УСП. При постановке точки с запятой после условного придаточного предложения оно относится к первой части УСП.

Таким образом, снятие неоднозначности, возможное за счет паузы в устной речи и точки на письме, говорит об отнесенности следующей после паузы предикативной единицы ко всему предложению, следующему за точкой. Вследствие этого речевой замысел автора выражается интонационно и особой пунктуацией на письме, включая также вопросительный и восклицательный знаки, сигнализирующие о конце предложения. Интонация же является средством, которое находится на грани синтаксиса и обслуживает его. Однако для деомонимизации сложных предложений требуется подчеркнутая пауза между не связанными между собой частями, что не всегда успешно осуществляется адресантом в устной речи, т.е. графические приемы оказываются в ряде случаев более надежными, чем интонационные.

Деомонимизации предложений, совпадающих по форме с однородным и последовательным подчинением, могут служить знаки препинания – постановка точки с запятой между придаточными. Такое явление часто встречается в языке произведений XIX века. Например: «Дорогою Розанов все думал, как бы это так устроиться, чтобы подальше от людей; чтобы никто не видал никаких сцен». [6, с.101]

В данном предложении наличие точки с запятой снимает неоднозначность, которая имела бы место при использовании лишь одной запятой. При точке с запятой последнее целевое придаточное можно отнести только к изъяснительному придаточному.

В предложении с однородными придаточными, совпадающими по форме со сложносочиненным предложением с подчинением, средством деомонимизации может служить запятая. Например: ««Ему приснилось, что он на воле, и он умрет от этого», - говорил дед, указывая не клетку начавшего бунт соловья» [6, с.125] - В данном предложении возможная неоднозначность снимается с помощью запятой и видно, что перед нами сложносочиненное предложение с подчинением. Следовательно, деомонимизация на письме

налицо: ноль знака сигнализирует об однородности предложения, запятая – о сложносочиненном предложении.

Снять неоднозначность можно также с помощью точки с запятой при бессоюзной связи однородных компонентов, когда один из них имеет подчиненный ему член. Например: «Розанов говорил ему по-прежнему «ты»; когда тот начинал топорищиться, он, шутя называл его «царем Берендеем...»» [6, с.131] – В данном случае точка с запятой разделяет компоненты бессоюзного сложного предложения, снимая тем самым возможную неоднозначность и исключая зависимость придаточного от первой предикативной части.

Таким образом, знаки препинания: точка, запятая, точка с запятой всегда несут определенную информацию, а, следовательно, они синтаксически значимы. В большинстве случаев запятая и точка с запятой способствуют деомонимизации сложносочиненных или сложноподчиненных предложений, а точка – деомонимизации усложненных сложных предложений. Интонация является универсальным средством деомонимизации, но применяется только в устной речи. Знание пунктуационных и интонационных особенностей деомонимизации сложных предложений играет важную роль в устранении возможностей их неоднозначного восприятия и способствует созданию емких и качественных текстов.

Список литературы

1. Базарбаева З.М. Исследование интонации в прагмалингвистическом аспекте // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 3-1. – С. 114-118; <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=6491>
2. Валгина, Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 2004 — 259 с.
3. Колесников Н.П. Культура письменной речи (устранение омонимии в предложении). / Н. П. Колесников. — Ростов-на-Дону : РГУ, 1987. — 100 с.
4. Бушков А. На то и волки. / <https://topreading.ru/bookread/276171-aleksandr-bushkov-na-to-i-volki/page-21>
5. Курлович А. Гиппеаструм и его родня, 2017 / <https://iknigi.net/avtor-aleksandr-kurlovich/147484-gippeastrum-i-ego-rodnya-aleksandr-kurlovich/read/page-1.html>
6. Лесков Н. Некуда. <https://www.rulit.me/books/tom-2-read-160972-131.html>
7. Ручинский В. Возвращение Воланда. или Новая дьяволиада. Тверь «Россия-Великобритания», 1993. – 320 с.

10.02.01

Сюе Вэньбо д-р филол. наук

Университет Сунь Ятсена,
Институт международного перевода, центр европейских исследований,
Чжухай, Китай, xue.wb@yandex.ru

АНАЛИЗ ЭМОТИВНОГО КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена изучению структуры эмотивного концепта «любовь» в русском языке в лингвокультурологическом аспекте. По теориям лингвокультурологии у концепта многомерная структура. С одной стороны, в работе рассматриваем структуру концепта; с другой стороны, анализируем этимологию, словарные толкования и геистальты эмотивного концепта «любовь» для того, чтобы полностью выявить соответствующую концептуальную структуру, в которой отражаются специфики национальной культуры русского народа.

Ключевые слова: *структура концепта, модель интерпретации концепта, «любовь», культурная значимость.*

Эмоции, как сложному психическому процессу, уделяют философы, психологи и лингвисты большое внимание. Эмотивный концепт в смысловом отношении обладает различиями, в которых отражаются особенности национальной культуры. В связи со сложностью эмотивного концепта, соответствующая концептуальная структура не может быть полностью описана с позиции традиционного семантического анализа.

Цель работы состоит в том, чтобы выявить концептуальную структуру эмотивного концепта «любовь» в русском языке, обсудить воплощенные в ней специфики национальной культуры русского народа. Данная работа актуальна для исследователей, занимающихся изучением культурного концепта и его сопоставления в разных лингвокультурах. Работа поддержана китайским научным фондом постдокторантуры (2019M653251). Новизна работы заключается в том, что впервые комплексно описывается концептуальная структура эмотивного концепта «любовь» в рамках лингвокультурологии с помощью статистического анализа.

По теориям лингвокультурологии концепт представляет собой комплексную единицу, в которой выражены национальная культура и образ мышления народа данной культуры. Иными словами, концепт – единство объективной реальности и субъективного представления. В связи с его сложностью в смысловом отношении структура концепта является многомерной.

В лингвокультурологии концепт еще не охвачен единым мнением в своей структуре. Концептуальная структура варьирует в исследованиях с различных позиций. Карасик вычленяет в концепте «образно-перцептивный компонент, понятийный компонент и ценностную составляющую» [1]. Попова и Стернин отмечают, что структура концепта включает три базовых компонента – «образ, информационное содержание и интерпретационное поле» [3]. Степанов выделяет в концепте «основной признак, дополнительный признак и внутреннюю форму» [4]. Согласно Чернейко, «структура концепта представлена логическими и сублогическими образами» [5].

Таким образом, из вышесказанного вытекает, что концепт обладает многомерной структурой, в которой соединяются объективное познание и субъективное чувство. Соответственно, с нашей точки зрения, в структуре концепта выделяются логический и сублогический слои. В данной работе мы применяем комплексную методику для того, чтобы выявить логический и сублогический слои исследуемого концепта.

Конкретно говоря, мы сначала рассматриваем этимологию и словарные дефиниции, которые дают внутренние формы и базовые значения указанного концепта. Затем тщательно анализируем сочетаемость концепта с помощью корпусной статистики, чтобы обнаружить тонкие семантические специфики. На результатах всех вышеуказанных анализов основывается логический слой данного концепта. Наконец, моделируем соответствующую гештальтную структуру, связанную с имплицитными образами данного концепта, с помощью которой может быть установлен сублогический слой концепта.

Русское слово «любовь» по происхождению означает 'милый', 'любимый'. По мнению Черных, «любовь» происходит от однокоренного глагола «любить» [6]. Степанов отмечает, что внутренняя форма «любовь» включает в себя три компонента, т.е. «а) взаимное подобие двух людей, б) установление этого подобия действием, в) осуществление этого действия» [4].

В древнеславянском языке концепт «любовь» был разделен на два типа – «настоящую любовь» и «ложную любовь». Предыдущий тип выражал любовь к Богу, относящуюся к высокому уровню любви; последний состоял из светской любви, которая в то время рассматривалась как некий грех и являлась источником других грехов. На данной основе понимание к любви в древнерусском языке также развило свои особенности. Конкретно говоря, на базе религиозного понимания семантика светской любви получила дальнейшее развитие. Соответственно, «светская любовь» не только обладала отрицательной оценкой, но и развила положительное значение, которое было проявлено в его производных словах, например: любодильно́й, любодарьни́ки. Постепенно теряя религиозное значение, «любовь» в современном русском языке является словом с типичной антропоцентрической семантикой. «Словарь русского языка» предлагает следующие основные дефиниции: «1. глубокое эмоциональное влечение, сильное чувство; 2. чувство глубокого расположения и искренней привязанности; 3. постоянная, сильная увлеченность» [2].

Кроме словарных данных, сочетаемость слова служит значимым показателем, с помощью которого может быть обнаружены не отраженные в словарях понятийные признаки. В данной работе мы анализируем «любовь» в сочетании с другими словами для того, чтобы полностью описать соответствующую семантическую структуру. Конкретно говоря, мы выбрали из национального корпуса русского языка 1000 примеров, содержащих «любовь», затем посредством статистического анализа сочетаемости слова с помощью программы AntConc 3.2.1 мы заметили следующие основные понятийные признаки, которые показаны в следующей таблице.

Таблица – Список о сочетаемости «любовь»

понятийные признаки	+	–	частотность
интенсивность	102	0	102
оценка	61	25	86
эмоциональность	27	38	65
центральность объекта	59	1	60
длительность	38	19	57
выразительность	28	18	46

По результатам таблицы мы заметили разные семантические компоненты «любовь» и доля каждого из них. Во-первых, наиболее отличительной чертой является интенсивность эмоции, и поэтому «любовь» часто сочетается со словами, означающими сильный, интенсивный, например: страстная любовь, искренняя любовь.

Во-вторых, носители русского языка имеют двойственную оценку любви, среди которой положительная оценка занимает доминирующее место: чистая любовь, безгрешная любовь и т. п. Отрицательная оценка связана со сексуальностью и иррациональностью любви: плотская любовь, слепая любовь и т. п.

В-третьих, любовь может вызывать разные чувства субъекта, как активное, так и пассивное, среди которых пассивное чувство немного больше, чем активное, например: радостная любовь, грустная любовь.

В-четвертых, объект любви занимает центральное место в системе ценностей субъекта, которое может быть проявлено положительным отношением к объекту: всепрощающая любовь, жертвенная любовь. Из выбранных примеров мы нашли только одно сочетание, выражающее отрицательное отношение к объекту: эгоистическая любовь.

Кроме того, любовь в русской культуре не только рассматривается как чувство вне времени, но и эфемерное явление, например: бесконечная любовь, вечная любовь, быстротечная любовь, минутная любовь. Наряду с этим, данная эмоция может быть выражена словами, глазами, поступками, и в то же время может быть скрыта в глубине души: клясться в любви, таить любовь.

Таким образом, логический слой концепта «любовь» выявлен на основании анализа этимологии, словарных дефиниций, сочетаемости указанного слова. Как вышесказанное, сублогический слой концепта может быть установлен посредством моделирования соответствующих гештальтов. Согласно Л. О. Чернейко, «гештальт выводится из буквального прочтения глагола (или имени), употребленного в сочетании с абстрактным именем в переносном значении» [5]. Итак, на основе анализа метафорического употребления слова «любовь», в работе мы установили следующие главные гештальты, иными словами, имплицитные образы исследуемого концепта.

1. Любовь – Предмет. Данный гештальт представляет собой самый типичный имплицитный образ концепта «любовь». Данная эмоция получает разные свойства предмета, которые делает семантику любви более богатым и конкретным: большая любовь, много любви, горькая любовь. При этом, любовь считается ценным предметом, посредством которого проявляется ценность и важность любви, например: хранить любовь в сердце, беречь любовь, завоевать любовь.

2. Любовь – Человек. Являясь одной из самых важных эмоций, концепт «любовь» может быть дан образом человека. Конкретно говоря, чувствами и поступками субъекта и объекта метафоризируются разные свойства и черты данной эмоции. К примеру: жертвенная любовь, трогательная любовь, всепобеждающая любовь.

3. Любовь – Огонь, солнце. Данный гештальт выражает интенсивность любви, т. е. любовь, как огонь и солнце, обладает сильной, пылающей чертой и полна страстью. К тому же, любовь приносит человеку тепло и комфорт: сгорать от любви, пыл любви, светлая любовь, любовь вспыхивает.

4. Любовь – Жидкость. В русском языке часто выражается страстное и беспокойное состояние данной эмоции посредством волны и кипения воды. Наряду с этим, данный гештальт может быть конкретизирован образом моря, с помощью неиссякаемого характера которого проявляется вечность и неизменность любви. К примеру: горячая любовь, прилив любви, неиссякаемая любовь.

5. Любовь – Растение. В данном гештальте «любовь» метафоризируется образом растения, процесс роста которого соответствует разным этапам эмоции. К тому же, указанный образ свидетельствует о том, что способность любви, как выращивание растения, может быть воспитана. К примеру: любовь цвела, плод любви, воспитать в детях любовь.

Справедливо отмечаем, что концептуальный анализ в рамках лингвокультурологии предоставляет эффективный доступ к выявлению структуры культурного концепта. Любовь, как основное проявление эмотивных ценностей человека, служит одним из ключевых концептов в русской культуре. В данной работе предпринимается попытка моделировать процесс интерпретации культурного концепта, и на этом основании проводится изучение структуры русского концепта «любовь» с помощью статистического анализа. Результаты исследования показывают, что концепт «любовь» состоит из логического и сублогического слоев, который может быть установлен посредством анализа этимологии, словарных толкований, сочетаемости слова и гештальтов. Стоит отметить, что структура концепта «любовь» тесно связана с национальной культуры русского народа. Отличительной чертой русского народа является религиозность, которая глубоко влияет на формирование и развитие личности, ценности и образа мышления народа. Соответственная специфика проявляется в

первую очередь в подчеркивании религиозного характера любви в древнеславянском и древнерусском языках. К тому же, отрицательная оценка любви в большинстве случаев связана с религиозностью. Наряду с этим, русский народ иногда склонен к крайностям, и соответственно, интенсивность является типичной чертой любви. Более того, доминирующее положение пассивного чувства субъекта любви частично связано с пессимизмом русского народа.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 118 с.
2. Ожегов С.И. Любовь // Словарь русского языка. – М.: ОНИКС, 2008. – 232 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 106 с.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 21 с., 423 с.
5. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: МГУ, 1997. – 7 с., 334 с.
6. Черных П.Я. Любовь // Историко-этимологический словарь современного языка. – М.: Русский язык, 1994. – 497 с.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

Р.П. Аведова канд. филол. наук, Л.А. Водяницкая, Л.Н. Горгадзе

Донской государственный технический университет,
кафедра «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация»,
Ростов-на-Дону, AvedovaRP@yandex.ru, lubov.vodyanitskaya@mail.com,
gorgadzeln@yandex.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРАКЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ**

В статье исследуются принципы и приемы языкового воздействия в рамках дискурса анализа; анализируются внутренние особенности коммуникативного акта; воздействие коммуникантов на процесс интеракции. В исследовании рассматривается обусловленность выбора тех или иных коммуникативных стратегий, влияние контекста на принятие коммуникативных решений. В качестве основных, основополагающих условий для создания позитивной, продуктивной интеракции в исследовании выделяются структурное присутствие, имплицитная актуализация и эмоциональная содержательность.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, прием, принцип, интеракция, контекст.

Лингвистов во многих отраслях знаний занимает интерес к дискурсу как к поиску решений для достижения интенционального замысла коммуникантов при использовании крупных лингвистических единиц и структур. Разного рода подходы к проблеме дискурсивного воздействия направлены на необходимость применения языка как динамичного, общественного и интерактивного явления.

В широком смысле, изучение дискурса – это изучение языковых единиц, состоящих более чем из одного предложения, связанных определенной тематической задачей, для нахождения путей и способов достижения поставленной цели в том или ином виде коммуникации.

Коммуникация же обычно строится посредством «структурного» ряда выражений, производимых более чем одним участником, руководствуясь структурой, которая редко осознанно очевидна коммуникантам, ведущим интеракцию. В структуре интеракции (или другого вида беседы), должны присутствовать основные приемы, направленные на правильное построение. Во-первых, в коммуникации должно принимать участие определенное количество коммуникантов. Во-вторых, существуют принципы относительно очередности вступления в интеракцию. В-третьих, существуют принципы, на основании которых некоторые аспекты коммуникации являются социально обязательными, такие как приветствие и прощание [3]. В коммуникации особенно важны и уместны виды реагирования, такие как вопросы-переспросы, вопросы-уточнения, ответы на вопросы и объяснения отказа или причины наряду с другими приемами, задействующими особые экспрессивные выражения, а также способствующие реализации эмоционального эффекта воздействия.

Данная статья посвящена анализу языка в контексте коммуникации, разговора, на материале произведений англоязычных писателей с целью анализа использования языковых принципов и приемов и определению речевых средств, необходимых для построения правильной интеракции, направленной на ее положительное завершение. Материалом исследования выступил язык следующих произведений Роальда Даля «Миссис Биксби и полковничья шуба», Ивлиной «Маленькая прогулка мистера Лавдея».

При написании данной статьи применялись следующие методы: метод функционально-семантического анализа, описательный метод, комплексные приемы лингвистического анализа: описательно-аналитический, семантико-стилистический, прием лингвистической выборки.

Рассмотрим на примерах лингвистические приемы, которые восприимчивы к коммуникативным контекстам и, следовательно, полезны в изучении как дискурса в целом, так и разговора в частности. Для этого остановимся на понятии *контекст*. Контекст высказывания – это обширное понятие. Иногда контекст выступает как лингвистический аспект, охватывающий предыдущие или предвосхищающие знания, выражаемые посредством высказывания в интеракции. Контекст также может расширяться в зависимости от перемены мгновенного физического или социального окружения и, наконец, он может включать в себя общие знания. Все дополнения к интеракции отражаются и влияют на лингвистический и нелингвистический контекст высказывания. Кроме того, язык также имеет структурные приемы, часто именуемые стилистическими вариантами, которые позволяют вливаться в поток коммуникации более легко [1]. Рассмотрим следующий пример:

A: I don't see how the country is going to pull out of the economic slump.

B1: Speaking of economics ...

B2: Speaking of Clinton's economic advisors ...

B3: Speaking of North America ...

Комментарии могут воздействовать на контекст, создавая возможность для возникновения добавочных коммуникативных реакций со стороны второго участника интеракции. В данном случае комментарии создают поле для расширения темы об экономике.

В следующем примере для сохранения коммуникации адресат должен перевести тему разговора, начатого адресантом, в силу незаинтересованности в сообщаемой адресантом информации.

A: I heard a good joke yesterday. How many...

B: Here is the story...

Таким образом, контекст определяет выбор языковых средств, которые, в свою очередь, обуславливают развитие контекстуальной ситуации.

Существует множество способов инициации интеракции. Однако наиболее распространенным вступлением в обычном коммуникативном акте является приветствие [5]. Приветствия, главным образом, служат для того, чтобы предоставить возможность каждому участнику коммуникации по очереди вступить в коммуникативный акт, после чего, как правило, интеракция продолжается или же завершается.

Почему же все-таки должны существовать некие принципы, управляющие ходом дискурса? Причина заключается в том, что для получения информации нельзя говорить всем одновременно, а принципы последовательности помогают минимизировать случаи разрушительной одновременности. Когда в течение некоторого времени несколько коммуникантов разговаривают одновременно, это приводит к замешательству и прерыванию коммуникативного акта.

Английский философ, основатель теории имплицатур Герберт Пол Грайс, полагает, что существуют определенные механизмы, управляющие поведением коммуникантов во время интеракции, которые он называет кооперативным принципом разговора: «Make your conversational contribution such as is required, at the stage at which it occurs, by the accepted purpose or direction of the talk exchange in which you are engaged». Выдвинутый принцип поддерживают четыре разговорные максимы: *качество, количество, отношение и способ*. Кооперативный принцип и максимы Герберта Грайса дают установку на то, что ожидается предпринять коммуникантами в беседе, для того, чтобы общаться максимально эффективным, рациональным и кооперативным образом. Тем не менее, в фактической реальности такое ожидание часто осложняется из-за случаев, когда коммуниканты целенаправленно предоставляют больше или меньше информации, чем того требуется, а также, не говорят искренне и по существу.

Во многих случаях кооперативный принцип коммуникации внешне не действует, хотя все же соблюдается на более глубоком внутреннем уровне. Участники интеракции просто опускают максимум для того, чтобы пустить в ход так называемый «разговорный подтекст» [4]. На примере отрывка из рассказа Роальда Даля «Миссис Биксби и полковничья шуба»

(Royald Dahl "Mrs. Bixby and the Colonel's Coat" («Kiss Kiss»)) можно увидеть, как кооперативный принцип в коммуникации внешне не соблюдается, но тем не менее ведется оживленная беседа, так как участники в ней очень заинтересованы:

"You did? Oh, Cyril, what was it? Was it something good?"

"Good" he cried. "It's fantastic! You wait till you get your eyes on this! You'll swoon!"

"Darling, what is it? Tell me quick!"

"Of course, it's for you. Though ..." [6]

Ответ Сирила не является прямым ответом на вопрос миссис Биксби и понять о чем идет речь можно только по предположению, что его ответ является уместным и информативным и разговор идет о том, что известно обоим собеседникам.

Рассмотрим также и другой пример из рассказа Ивлины Во «Маленькая прогулка мистера Лавдея» (Evelyn Waugh "Mr. Loveday's Little Outing and Other Sad Stories"):

"... After a time Engela remarked, "Don't you ever want to get away?" Mr. Lovely looked at her with his gentle, blue-grey eyes. "I've got very well used to the life, miss. I'm fond of the poor people here, and I think that several of them are quite fond of me. And at least, I think they would miss me if I were to go [7].

В приведенном ситуативном контексте Мистер Лавдэй не сразу отвечает утвердительно, вероятно, будучи не готовым к вопросу, но и не говорит «нет», что дает почву к продолжению интеракции. Видя готовность собеседника к развитию темы, Энджела добивается своей цели, задавая ему вопрос, на который он с готовностью отвечает: "But don't you ever think of being free again?" "Oh, yes, miss, I think of it – almost all the time I think of it."

Рассмотрим принцип *завершения* интеракции. Участники не просто прекращают коммуникацию, но происходит это в определенной церемонии, сначала вводится *предшествующая* часть, где коммуниканты более или менее согласны завершить разговор, далее следует *завершающая* часть, где они действительно прощаются.

Итак, каждый обычный коммуникативный акт имеет свою заметную структуру. Он имеет тенденцию начинаться, длиться и заканчиваться присущими ему ритуальными способами. Смена говорящих людей должна быть методичной и основываться на принципах очередности, а также имеют склонность присутствовать заметные уровни официальности, неофициальности и фамильярности. Кроме того, в языке существуют приемы для плавной интеграции реплик в поток слов и речи.

На базе приведенного материала из англоязычных источников на оригинальном языке было выявлено, что структурное присутствие, имплицитная актуализация и эмоциональная содержательность являются необходимыми условиями для создания позитивной, продуктивной коммуникации и рассматриваемые принципы, и приемы представляют собой императивные лингвистические категории. В заключение можно отметить, что данные лингвистические исследования представляют важность, так как, зная особенности построения правильного разговора можно достичь желаемого результата в свете социальных, лингвистических, политических и деловых событий [2].

Список литературы

1. Akmajian, A. Linguistics: an introduction to Language and Communication. The MIT Press Cambridge, Massachusetts, London, England. – 1995. – P. 95-97.
2. Bangerter A., Cornelissen J. Studying Discourse Processes in Institutional Contexts from: The Routledge Handbook of Discourse Processes. Routledge. – 2017. – P. 69-75.
3. Caldas-Coulthard C. R., Coulthard M. Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. Routledge. – 1996. – P. 15-18.
4. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia Of Language. Cambridge University Press. – 1989. – P. 120-122.
5. Leeuwen T. V. Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. Oxford University Press. – 2008. – P. 5-7.
6. Roald D. Mrs Bixby and the colonel's coat. Cambridge University Press. – 1977.
7. Waugh Evelyn. Mr Loveday's Little Outing & Other Early Stories. Penguin Classics. – 2011.

10.02.04

Р.П. Аведова канд. филол. наук, А.Д. Мельник канд. филол. наук

Донской государственный технический университет,
социально-гуманитарный факультет,
кафедра «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация»,
Ростов-на-Дону, anastasha82@yandex.ru

**ФРАЗЕОСХЕМА «Was für + Sub₁₋₄!»² В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ:
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ, СТРУКТУРНЫЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ,
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Данная статья посвящена описанию фразеосхемы в современном немецком языке «Was für + Sub₁₋₄!»². Актуальность исследования обусловлена не изученностью данного объектного пространства, а также высокой его значимостью для практики коммуникации. В работе представлены результаты многоаспектного анализа исследованной фразеосхемы в немецком языке и речи.

Ключевые слова: *фразеосхема, фразеосинтаксическая схема, синтаксическая фразеология, синтаксическая фразеологическая единица, немецкий язык.*

«В языке не наблюдается однозначного соответствия между содержанием и формальной стороной синтаксических связей, поскольку в современной языковой системе словоформы обладают первичной и вторичной функцией» [2, с. 72], изучаемые фразеологией.

«Несмотря на огромную роль фразеологизмов, до сих пор не сложилось единого мнения об их классификации» [1, с. 5].

Синтаксическая фразеология, находящаяся в фокусе нашего исследования, представлена следующими классами синтаксических фразеологических единиц (СФЕ): коммуникемы, фразеосинтаксические схемы (фразеосхемы), устойчивые модели и устойчивые обороты [3, с. 5].

Проанализируем один из классов подобных единиц на примере СФЕ «Was für + Sub₁₋₄!»² с доминантным компонентом - интеррогативным словом в современном немецком языке.

Исследуем преобладающие черты данной фразеосхемы с точки зрения многоаспектного анализа.

Семантика «Was für + Sub₁₋₄!»²:

1) «удивление с негативным семантическим наполнением, сопровождающееся осуждением, возмущением, порицанием и т. п.»: «Ich sehe ihn an. **Was für ein roher Christ**, denke ich» (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk) [5] («Грубый христианин + удивление с негативной оценкой, осуждением, возмущением, порицанием и т. п.»);

2) «отрицание факта с негативной коннотацией»: Du sollst ihn vergessen, er hat dich verraten! **Was für ein Freund ist das!** (Aus dem Gespräch);

3) «побуждение к прекращению каких-либо действий + осуждение, возмущение и т. п.»: «– Wo soll ich denn hingehen? – Das reicht! – rief Bekannte auf die Streithähne. – **Was ist das für ein Heißluftballon-Streit?**» /N. Nosov. Über den Wolken. Перевод – А. Д. Мельник/ («Перестаньте спорить + возмущение, неодобрение и т. п.»).

Структура «Was für + Sub₁₋₄!»² в большинстве анализируемых примеров актуализирует значение «удивления, включающего негативный денотат осуждения, возмущения, порицания и т. п.».

Следовательно, в рассматриваемой фразеологизированной синтаксической структуре негативный семантический компонент вытесняет положительный, что является специфичной чертой фразеологической системы языка в целом.

Этимологически в качестве основы «Was für + Sub₁₋₄!»² выступает простое предложение свободной синтаксической структуры с интеррогативной семантикой (специальный тип вопроса:

«Aber er hielt nur kurz inne, dann ging das Feuerwerk der Fragen weiter. – **Was für Blumen magst du am liebsten?** – Ich seufzte erleichtert» /S. Meyer. Biss zum Morgengrauen. Перевод – Karsten Kredel/ [5].

В состав данной СФЕ входит обязательный константный (опорный), обязательный вариативный, а также факультативный компоненты.

Обязательный константный компонент актуализируется сложной (двухкомпонентной) структурой, которая образуется сочетанием лексем *was* и *für*, в составе фразеосхемы теряющее свою интеррогативную семантику, что обусловлено переходом всей синтаксической единицы из одного класса по цели высказывания (вопросительного) в другой (повествовательный/восклицательный):

«– Sie hat sie mir ausgedreht! Und mein Bauch! Oh, mein Bauch! **Was für ein Schlag!** – Er braucht uns nichts zu erklären» /E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk/ [5] («Это необычный удар + удивление и негативная оценка предмета речи, порицание и т. п.»).

Обязательный невариативный компонент обладает нулевой лексико-грамматической и морфологической парадигмами, что определяется категориальной и формальной отнесённостью его составляющих к конкретной части речи.

Обязательный вариативный компонент в большинстве случаев актуализируется единичной лексемой, представленной субстантивной формой.

В соответствии с традиционными грамматическими нормативами немецкого языка субстантив в единственном числе часто сопровождается неопределённым артиклем *ein*, указывающим на род и падеж данной части речи: «Was für + ein (eine, einen) + Sub₁₋₄!»²:

«– Sind Sie krank, Miss Eyre? – fragte Bessie, während Abbott rief – **Was für ein Lärm!** Es ging mir durch Mark und Bein!» /Ch. Brontë. Jane Eyre. Перевод – Paola Meister-Calvino/ [5] («Это странный шум + удивление, негативная оценка предмета речи, осуждение и т. п.»).

Обязательному вариативному компоненту в составе «Was für + Sub₁₋₄!»² присуща полная морфологическая парадигма, так как в ней выявляются все падежные формы имени существительного немецкой системы языка: Sub₁₋₄.

Очередность основных компонентов исследованной единицы фиксирована, что проявляется в отсутствии синтаксической парадигмы. При этом у неё имеется структурный вариант, имеющий связь с дистантным расположением её облигаторных элементов: «Was + Präd + Pers. Pron₁ [Sub₁, Demonstr. Pron₁] + für + ein (eine, einen) Sub₁₋₄!»².

Данный вариант структуры не связан с обратимостью следования обязательных компонентов, поэтому он является факультативным:

«– Ich bin hier... mit dir... was, grob gesagt, bedeutet, dass ich lieber sterben würde, als mich von dir fern zu halten. – Ich runzelte die Stirn. – **Was bin ich nur für ein Idiot.** – Das kannst du laut sagen, – stimmte er lachend zu» /S. Meyer. Biss zum Morgengrauen. Перевод – Karsten Kredel/ [5] («Я идиотка + удивление и негативная оценка предмета речи, возмущение и т. п.»).

Установлено, что СФЕ «Was für + Sub₁₋₄!»² присущи все признаки фразеологизации:

идиоматичность;

воспроизводимость;

структурная и семантическая устойчивость;

структурная и смысловая целостность;

стилистическая разговорная маркированность;

экспрессивность.

«Идиоматичность является одним из наиболее важных признаков. Она связана с асимметрией плана выражения и плана содержания фразеосхем» [4, с. 70].

К идиоматичным относится восклицательный знак, сема стилистической маркированности, так как фразеосхема как вид синтаксической конструкции регулярно функционирует в разговорной речи, а в её означающем данный признак не находит отражения.

Продуктивность рассматриваемой СФЕ обуславливает её функциональный и прагматический потенциал как фразеологизированной синтаксической единицы, а, следовательно, влияет на частотность её употребления в речи с учётом различной коммуникативной ситуации. Для таких признаков, как частотность и регулярность, преобладающими выступают также системные особенности данной фразеосхемы, в том числе синтагматические.

Список литературы

1. *Аведова Р.П., Максимец С.В., Мельник А.Д.* Фразеологизмы французского и английского языков: их функционирование и употребление. Ростов-на-Дону, 2019.
2. *Масалова М.Ю., Шелковникова С.В., Аведова Р.П.* О некоторых особенностях омонимии словосочетаний в русском и английском языках // Научный диалог. 2019. № 4. С. 70-82.
3. *Меликян В.Ю.* Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 336 с.
4. *Мельник А.Д.* Фразеосхема «Was für + Sub1-4!» в системе немецкого языка // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2017. № 3. С. 66-74.
5. DWDS. [Elektronische Ressource]. Zugriffsmodus : www.dwds.de.

10.02.04

Н.П. Андреева канд. филол. наук, Г.П. Терентьева, Е.В. Тихонова канд. филол. наук

Омский Государственный технический университет,
факультет гуманитарного образования,
кафедра иностранных языки,
Омск, r-t@bk.ru

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена вопросу разграничения полисемии и омонимии терминологии. В статье многозначность термина рассматривается как внутриотраслевое явление, а омонимия как результат расщепления полисемии может быть как внутриотраслевой, так и междотраслевой.

Ключевые слова: *полисемия, омонимия, терминология, расщепление полисемии.*

Терминология создается и отражает историю развития любой области знания, науки и техники, поскольку терминология является подвижной частью определенной терминосистемы, которая постоянно пополняется новыми терминами в ходе своего становления и развития. Согласно определению В. М. Лейчика, «термин - лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области или деятельности» [4, с.31].

При рассмотрении терминов с лингвистической точки зрения следует остановиться на его семантической структуре, так как большинство терминов имеют несколько значений. В. М. Лейчик, доказывая положение о том, что значением термина является специальное понятие, утверждает, что «в качестве значений терминов выступают весьма специфичные понятия – общие понятия специальных областей знаний или деятельности, представляющие собой единство обозначения (референции, объективного) и осмысления (теории, объективно – субъективного). В этом плане значения терминов сложнее, чем значение нетерминов, поскольку они включают в себя специальный (научный, технический и пр.) компонент» [4, с. 34].

Общепринятой классификации типов лексического значения в терминоведении нет. Согласно предложенной И. В. Арнольд диахронической классификации и синхронической классификации типов лексического значения, основанной на семантических отношениях между значениями, терминологическое значение относится к синхронической классификации по стилистическому принципу. В основе этой классификации находятся стиль и сфера употребления, что позволяет выявить значения, «лишенные стилистической окраски, т. е. стилистически нейтральные значения, и значения стилистически окрашенные, которые подразделяются, в свою очередь, на терминологические, сленговые, поэтические» [1, с.60].

По словам И. В. Арнольд, «в самой природе слова, заключающего всегда обобщение не одного, а нескольких признаков предмета или явления, заложена неизбежность многозначности, так как некоторые из признаков одного понятия оказываются общими с ведущими признаками других понятий» [1, с. 58].

Полисемия (многозначность) – «наличие у единицы языка более одного значения – двух или нескольких» [6, с. 382]. В современной лингвистике и терминоведении разграничивают понятия полисемии и омонимии, но единого мнения по этому вопросу не существует. Проблема многозначности (полисемии) и омонимии является предметом обсуждения многих ученых. Многообразие разных точек зрения способствует дальнейшему ее изучению.

Взаимодействие с окружающей действительностью, развитие науки и техники – все это способствует появлению либо новых значений одного и того же термина, либо появлению новых терминов – омонимов. Омонимия (одноименность) – «в языкознании – звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом. Лексические омонимы – одинаково звучащие слова, не имеющие общих элементов смысла (сем) и несвязанные ассоциативно». [6, с.344 - 345].

О. С. Ахманова выделяет три основных типа омонимов: к первому типу относятся слова с выраженной морфологической структурой, ко второму типу – исконно разные слова и третий тип – это разошедшаяся полисемия. Значения многозначного термина взаимосвязаны, образуя единую систему. Но в процессе своего функционирования связь некоторых значений одного и того же термина может быть потеряна. По словам И. В. Арнольд, «эти значения выйдут из семантической системы слова и образуют свою, новую. Это явление называется распадом полисемии, образовавшиеся при этом слова – омонимами». [1, с. 66].

С. В. Гринев и Е. М. Дубиеник рассматривают два процесса семантического развития слова: в первом из них центральное место занимает первичное значение, а вторичные значения отходят от него, при этом они все связаны с первичным значением; во втором процессе развитие вторичных значений происходит по цепочке. При этом связь некоторых вторичных значений по отношению к первичным значениям трудно прослеживается. В таком случае происходит расщепление полисемии, появляются омонимы [8]. Причины изменения значения терминов можно рассматривать как в диахроническом, так и в синхроническом плане. При рассмотрении этих причин в диахроническом плане можно выделить смысловые изменения, обусловленные как интралингвистическими факторами, так и экстралингвистическими факторами, т.е. с позиции социолингвистического подхода. Поскольку, как справедливо заметил Р. Г. Кобрин, «терминология – это та часть лексики, которая наиболее чувствительна к внешним воздействиям и, следовательно, в ней наиболее четко проявляются воздействия общества на язык» [3].

Исходя из сказанного выше, говоря о полисемии терминов, следует обозначить, что многозначность термина может быть только внутриотраслевым явлением, а омонимия как результат расщепления полисемии может быть как внутриотраслевой, так и межатраслевой.

Рассмотрим механизм превращения омонимов из полисемантических значений терминов путем расщепления полисемии на основе сужения значения на примере английского термина мобильных средств связи (телекоммуникаций) cell. Английский термин cell омонимичен по второму типу классификации основных типов омонимов, предложенной О. С. Ахмановой, т.е. омонимичные группы, представленные этим термином, – исконно разные термины. «В эту группу входят такие случаи, в которых семантическая несовместимость определяется характером их прототипов, то есть семантическими отношениями, установившимися за пределами данной синхронической системы и, поэтому необъяснимыми в рамках этой последней. Вполне понятно, что объяснение здесь может быть только диахроническим, т.е. в терминах уже прежде осуществлявшихся фонетических процессов» [2, с. 7 - 8].

Термин cell может быть изначально омонимичным, т.е. обозначать разные понятия из разных областей науки и техники и образовывать омонимичные группы терминов. Например: cell ~ шайба выпрямителя (в электротехнике); cell ~ изолированная гильза (в электротехнике); cell ~ сегмент ребристого свода (в строительстве); cell ~ пустоты в кирпиче или камне (в строительстве); cell ~ гибкий производственный модуль (в машиностроении); cell ~ растровая ячейка формы глубокой печати (в полиграфии); cell ~ диффузор (в пищевой промышленности).

Проведенный анализ многозначности термина мобильных средств связи (телекоммуникаций) cell показал, что она проявляется в его следующих значениях: 1. cell ~ ячейка, клетка – одна клетка в электронной таблице, образованная пересечением строки и столбца; 2. cell ~ ячейка – пакет фиксированной длины (53 байта), используемый для передачи данных в сетях А Т М; 3. cell ~ сота – в беспроводных сетях – территория, охватываемая действием конкретного приемника/передатчика.

Вследствие расщепления полисемии происходит сужение значений этого термина. При этом остается только первое, доминирующее: *cell* ~ ячейка, клетка, которое образует новые многокомпонентные терминологические сочетания как этой же области науки и техники, так и других областей науки и техники: *cell relay* ~ ячейечная (поэлементная) передача – технология передачи данных ячейками (пакетами) длиной до 53 байта (в области мобильных средств связи (телекоммуникаций)); *cell switching* ~ коммутация ячеек – одна из технологий коммутации в телекоммуникации, основанная на пересылке коротких пакетов фиксированной длины (в области мобильных средств связи (телекоммуникаций)); *cell surgery* ~ клеточная хирургия – модификация живой клеточной структуры с помощью медицинских наномашин (в области медицины, нанотехнологии). В этих примерах терминологические сочетания получились из-за сужения второго и третьего значения, в результате чего появились как внутриотраслевые, так и межотраслевые омонимы.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что явления полисемии и омонимии могут быть присущи одному и тому же термину. Многозначность термина может быть только внутриотраслевым явлением, а омонимия как результат расщепления полисемии может быть как внутриотраслевой, так и межотраслевой.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. Пособие / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 376 с.
2. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 448 с.
3. Кобрин Р.Г. Современная научно-техническая революция и ее влияние на развитие языка. – В кн.: Онтология языка как общественного явления. – М.; 1983. – С. 232.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
5. Большой англо-русский политехнический словарь: В 2т. Около 200000 терминов/С. М. Баринов, А. Б. Борковский, В. А. Владимиров и др. – М., Рус. яз., 1991. – т. I (A-L). – 1991- 701 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил.
7. Пройдаков Э.М., Теплицкий Л.А. Англо-русский толковый словарь по вычислительной технике, Интернету и программированию. – 3-е изд., испр. доп. – М.: Издательско-торговый дом «Русская Редакция», 2002.-640 с.
8. *Sergiusz W. Griniewicz, Elwina M. Dubieniec. Introduction to Linguistics.*-Bialystok, 2001.- С.59-60

10.02.04

**Л.А. Великоредчанина канд. филол. наук, И.И. Донскова канд. филол. наук,
Е.Ю. Пугина канд. филол. наук, С.П. Смыслов канд. филол. наук**

Московский государственный областной университет,
лингвистический факультет,
кафедра теории языка и англистики,
Москва, 10_london@mail.ru, indigoviolet@mail.ru, mirka2011@yandex.ru,
sp_ru@mail.ru

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЙ
ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» И ИХ
ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

Статья посвящена изучению такого культурно-детерминированного класса слов, как реалии донского казачества на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Методом сплошной выборки были отобраны 100 реалий, которые подверглись культурологическому анализу и предметному делению на основе классификации С. Влахова и С. Флорина. В результате сравнительно-сопоставительного анализа англоязычного текста перевода и текста оригинального романа были систематизированы и уточнены методы перевода реалий в условиях двуязычной ситуации, а также выявлены неточности в передаче культурно-маркированных элементов текста, обусловленных выраженной межкультурной асимметрией.

Ключевые слова: культурологический аспект, реалии, донское казачество, перевод, транслитерация, транскрипция, родовидовая замена.

В эпоху глобализации и мультикультурализма и противостоящих этим явлениям идей национальной идентичности, в период возросшего взаимодействия различных языков и культур, вопросы изучения реалий, отражающих самобытную культуру, традиции и менталитет разных народов, приобретают особую значимость.

Новизна исследования состоит в том, что, несмотря на то, что в современном переводоведении ученые уделяют значительное внимание проблемам межкультурной адаптации реалий (Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева, (2003), Пугина Е.Ю., Смыслов С.П., Холстинина Т.В. (2016), остаются частные проблемы их передачи, которые требуют более углубленного изучения, особенно когда они затрагивают культурологический аспект перевода. В художественной литературе достаточно часто встречаются неточности в передаче культурно-детерминированных элементов текста, обусловленных выраженной межкультурной асимметрией.

Актуальность предпринятого исследования определяется необходимостью всестороннего анализа реалий, отражающих национальный колорит языкового сообщества и уточнением моделей их перевода. Также представляется важным познакомиться с культурной и духовной самобытностью различных народов с целью совершенствования межкультурных контактов.

Исследование построено на материале русскоязычного романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», издания 1975 года и его англоязычного перевода, выполненного Стивенем Гарри (Stephen Garry) в 1934 году, и отредактированной версии перевода Гарри, выполненной Робертом Даглишем (Robert Daglish), изданной в 1978 году.

Реалии донского казачества в романе «Тихий Дон» образуют громадный пласт лексики, отражающий образ жизни, традиции и мировоззрение этого уникального сословия в царской России. Рамки данной статьи не позволяют проанализировать все разнообразие реалий,

использованных Шолоховым в романе, поэтому мы ограничились небольшим корпусом 100 национально-маркированных единиц, отобранных методом сплошной выборки. Отобранные реалии были классифицированы на основе предметного деления классификации С. Влахова и С. Флорина. В предметном делении ученые выделяют три подгруппы: географические реалии, этнографические реалии, общественно-политические реалии.

Географические реалии:

1) названия объектов физической географии: *Хопер, Чир, ерик*

2) названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью: *шлях, займище, левада*

3) названия эндемиков: *лазоревый цветок, собачья бесила, придорожный дурнопьян, богородицына травка, татарник, бирюк, кочета*

Этнографические реалии:

1) быт (пища, напитки, одежда, жилье, мебель, посуда, транспорт и другие): *курень, баз, горница, сенцы, камелек, амбар, арапник, арба, бричка, бредень, плетень, цебарка, рогач, дышло, бричка, баклага, чекмень, потник, попона, кизяки, жировка, гас, привада; кисет;*

кулага; квас, бурсаки; куриная кабарга; блинцы с каймаком; холодец из бараньих ножек; кислое молоко; соленый арбуз

тулуп, зипун, шаровары, лампасы, фуражка, гетры с калошами, донская шуба, коклюшковый шарф, шаль, шлычка, завеска, исподница, чирики, утирка, чекмень, бурка, бешимет

2) труд (люди труда, орудие труда, организация труда): *стан, полянка, улеи*

3) искусство и культура (музыка и танцы, музыкальные инструменты, фольклор, театр, другие предметы искусства, исполнители, обычаи, ритуалы, праздники, игры, мифология, культы (служители и последователи), календарь): *Троица, Успение, просфора, образа, первый спас, первый мясоед, веник, сваты, кладка*

4) этнические объекты (этнонимы, клички, названия лиц по месту жительства): *Турки*

5) меры и деньги (единицы мер, денежные единицы): *верста, аришин, вершок*

Общественно-политические реалии:

1) административно-территориальное устройство (административно-территориальные единицы, населенные пункты, части населенного пункта):

юрт, станица, хутор

2) органы и носители власти (органы власти, носители власти): *майдан, атаман*

3) общественно-политическая жизнь (политические организации и политические деятели, патриотические и общественные движения, социальные явления и движения, звания, степени, учреждения, учебные заведения и культурные учреждения, сословия и касты, сословные знаки и символы): *казак*

4) военные реалии (подразделения, оружие, обмундирование, военнослужащие): *вахмистр, войсковой старшина, лагерный сбор, батареец, атаманец, полковой фельдшер, урядник, сотник, сотня, хорунжий, баишлык, шинель, бешимет, палаши, двухвершковый конь, шапка*

С точки зрения перевода реалии донского казачества представляют собой архисложную задачу. Во многих случаях переводчики сохраняли реалии, используя способ транскрипции/транслитерации: *verst/верста, Turks/Турки, kvass/квас, stanitsa/станица*. Использование данного метода является абсолютно оправданным, поскольку позволяет не только передать национальный колорит, но также делает художественный перевод информационно насыщенным.

Одним из эффективных способов передачи реалий является сохранение иноязычных единиц в тексте перевода при помощи транскрипции и транслитерации с дополнительным пояснением их смысла в контексте, в подстрочной сноске:

– *'Won't the ataman* give it us for digging up the mound without permission'?*

* *Atamans were elected by the Cossacks of tsarist Russia for posts of leadership at various levels* [Sholokhov, 60].

Переводчикам в основном удалось раскрыть смысловое содержание и передать эмоциональную окраску реалий, но вместе с тем, выявлены случаи недостаточной семантической интерпретации реалий. Рассмотрим фрагмент из романа: «Григорий пришел с игрищ после первых кочетов... На цыпочках прошел в горницу, разделся, бережно повесил *праздничные, с лампасами, шаровары*, перекрестился, лег» [Шолохов, 18]. – ‘He tiptoed into the room, undressed, carefully hung up his *Sunday trousers*, crossed himself and lay down’ [Sholokhov, 34]. В данном примере реалия *шаровары с лампасами* была передана с помощью выражения *Sunday trousers (праздничные шаровары)*, которое по своей семантике значительно отличается от оригинальной реалии. Шаровары с лампасами – часть традиционной мужской казачьей одежды, которые представляют собой брюки из полотна с лампасами по бокам. Лампасы – просветы контрастного цвета – были важной частью казачьих брюк, поскольку у разных казачьих войск цвет лампасов отличался. Донские казаки носили лампасы красного цвета, который совпадал по цвету с околышем фуражки. В данном случае использованная переводчиками родовидовая замена значительно сузила семантику реалии. Однако, стоит отметить, что в другом контексте *шаровары с лампасами* были переведены выражением *blue striped trousers*, которое является более удачным, хотя выбранный цвет *blue/голубой* представляется спорным переводческим решением.

Следующий пример: «В бричку после первой же кормежки запрягли *двухвершкового* Христинино *коня* и Степанового *вороного*» [Шолохов, 28-29]. – ‘After the first halt for food they harnessed Christonya's and Astakhov's *horses* to the wagon, and the other horses were tethered behind’ [Sholokhov, 55]. Шолохов в подстрочной сноске дает комментарий: двухвершковый конь – конь ростом в два аршина и два вершка. В царскую армию казак обязан был явиться со своим конем не ниже двух аршин и полвершка. Эта информация важная, поскольку речь идет о необходимой экипировке казака. Аршин составляет 71,2 сантиметра, вершок – 4,5 сантиметра, то есть конь должен был быть ростом не ниже полутора метров. Использованный прием генерализации значения в этом случае облегчает понимание для читателя, но, на наш взгляд, информационно обедняет текст.

Реалия *первый мясоед* была использована Шолоховым для определения даты свадьбы и венчания Мелехова Григория: «Свадьбу назначили в *первый мясоед*. Оставалось три недели» [Шолохов, 78]. Мясоед – период, когда по церковному уставу разрешается мясная пища. По православному календарю начало первого (осеннего) мясоеда, который следует за августовским успенским постом, выпадает на 15 августа. Если прибавить три недели, то получается, что свадьбу назначили приблизительно на начало-середину сентября. В английском переводе находим следующее: ‘The wedding was to take place on the first day after Lent’ [Sholokhov, 152]. Переводчики опустили реалию и неверно определили дату свадьбы: Lent – Великий пост – всегда выпадает на весенний период. В первый день после Великого поста по церковному уставу браковенчание никогда не совершается.

В заключение можно констатировать, что роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» характеризуется высокой насыщенностью национально-культурной информацией. В художественном произведении писатель использовал поразительное количество реалий, отражающих национальное своеобразие донского казачества, адаптация которых вызывает значительные трудности у переводчиков. Для нахождения оптимальных переводческих решений переводчику необходимо владеть достоверной культурологической информацией. Способы перевода весьма разнообразны, при передаче реалий представляется целесообразным использовать комбинированный способ, что наглядно было продемонстрировано Стивенем Гарри и Робертом Даглишем – авторами перевода «Тихого Дона». Переводчики использовали разнообразные приемы перевода: способ транскрипции и транслитерации без семантической интерпретации и с пояснением значения в контексте и подстрочной сноске, родовидовые замены, описательный перевод. В некоторых случаях переводчики сохраняли в тексте иноязычные единицы, в других грамотно адаптировали реалии для представителей иной лингвокультуры.

Список литературы

1. Большой толковый словарь донского казачества (проф. В.И. Дегтярев) [Электронный ресурс]. URL: http://m.vk.com>album-75332508_233181587 (дата обращения: 04.01.20.).
2. Влахов С. Непереваемое в переводе / Сергей Влахов, Сидер Флорин. - 2-е изд., испр. и доп. - М. : Высш. шк., 1986. – С. 180–187.
3. Пугина Е.Ю., Смыслов С.П., Холстина Т.В. Восточные реалии: репрезентация при переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 261–269.
4. Смыслов С.П. Индейские этнонимы как переводческая проблема (на материале романа Дж. Ф. Купера «Следопыт») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С.130–133.
5. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста: монография. М.: Прометей, 2003. – С.13–19.
6. Шолохов М.А. Тихий Дон. Роман. Том 1. М.: «Современник», 1975.
7. Шолохов М.А. Тихий Дон. Роман. Том 2. М.: «Современник», 1975.
8. Sholokhov M. And quiet flows the Don. Vol.1. / Translated by Stephen Garry. / Reviewed by Robert Duglish. М.; Электронный ресурс URL: <https://archive.org/details/andquietflowsdon00shol/page/26> (дата обращения: 04.01 - 07.01.2020).

10.02.04

¹А.В. Керешун канд. филол. наук, ²В.В. Гурин канд. филол. наук,
³Ю.Г. Липко канд. филол. наук

¹ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации кафедра иностранных языков №1,

²ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,

Педагогический институт,

кафедра иностранных языков и лингводидактики,

³ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,

сибирско-американский факультет Байкальской международной бизнес-школы,

кафедра гуманитарных дисциплин и иностранных языков,

Иркутск, alko81@yandex.ru, gurinvv83@rambler.ru, jossjulia@gmail.com

О МАНИПУЛЯЦИОННОЙ СИЛЕ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ КАК АРГУМЕНТОВ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ ПРАГМАТИЗМА США

Целью статьи является изучение технологии воздействия в аргументативном дискурсе прагматизма США, где аргументом часто выступает сконструированный возможный мир. Используя интерпретативный метод, теорию возможных миров, семиотическую теорию, авторы приходят к выводу, что конструирование возможных миров обретает манипуляционную силу за счет создания общего контекста интерпретации.

Ключевые слова: *дискурс, прагматизм, возможные миры, аргументация, манипуляция.*

Аргументативный дискурс широко изучается в современной лингвистике. Аргументация как речевая деятельность привлекает ученых способами достижения перлокутивного эффекта. Последний в теории логической аргументации должен достигаться благодаря правильным аргументам, воплощенным в фактах действительности [2, 4].

Развитие аргументативной деятельности в разных сферах и эпохах показывает разнообразие аргументов, часто отходящих от принципов логической аргументации. По мнению Х. Перельмана, аргументация развивается исходя из феноменологического опыта коммуникантов, ее целью становится убеждение оппонента в принятии точки зрения пропонента и наоборот [10]. Такая позиция допускает псевдоаргументы приемлемыми. Однако Ф. Х. Еемерен рассматривает аргументы с точки зрения их ошибочности и скрытого воздействия. Аргументация может быть правильной, если коммуникантам удастся избежать ошибочных аргументов. Исследователь относит аргументацию, содержащую ошибки, к псевдоаргументации, рассматривая её как технологию манипуляции, когда имплицитное содержание псевдоаргументов не считается реципиентом и позволяет перлокутивному эффекту быть достигнутым [1].

Воздействующий компонент присутствует и в философском дискурсе прагматизма США. Одним из наиболее частых аргументов является сконструированный возможный мир как потенциальный механизм манипуляции. Изучение особенностей его использования является целью данного исследования.

Проведем небольшой экскурс в теорию возможных миров, разработанную С. Крипке, Я. Хинтикой, Д. Льюсом. Основной постулат данной теории – идея о наличии множественности миров, их реальности. Согласно теории реальным является тот мир, в котором находится и мыслит себя человек. Наряду с этим реальным миром наличествуют некие иные возможные миры [3, 6, 9]. Основным условием существования и появления возможных миров является человек. Следует отметить, что столь частое использование конструктов возможных миров в философском дискурсе прагматизма обосновано Временем Культуры [5].

Его зарождение пришлось на период становления американской нации с новой картиной мира, для которой была характерна двойственность. Тогда американцы были ещё во власти европейской культуры и в тоже время оказались в совершенно новых условиях существования, требующих активного действия и деятельности. Необходимо было создать новую идеологию, сформировать ценности, удовлетворяющие обстоятельствам освоения нового мира. Очевидно, что описанная ситуация потенциально благоприятна для конструирования возможных миров.

Специфика существования в новых условиях определяла специфику аргументации дискурса. Отсутствие достаточного опыта существования в новом мире не могло дать соответствующего количества достоверных фактов и знаний, которые могли быть использованы для построения правильной аргументации. Поэтому аргументами нередко становились конструкторы возможных миров.

У. Джеймс в своих лекциях утверждает, что прагматизм является наиболее приемлемым методом разрешения спорных вопросов. Нередко философ сводит несколько течений в одной точке, противопоставляя им прагматизм. В таких ситуациях он прибегает к конструированию возможного мира. Обратимся к следующему примеру:

Imagine, in fact, the entire contents of the world to be once for all irrevocably given. Imagine it to end this very moment, and to have no future; and then let a theist and a materialist apply their rival explanations to its history. The theist shows how a God made it; the materialist shows, and we will suppose with equal success, how it resulted from blind physical forces. Then let the pragmatist be asked to choose between their theories. How can he apply his test if the world is already completed? Concepts for him are things to come back into experience with, things to make us look for differences. But by hypothesis there is to be no more experience and no possible differences can now be looked for... The pragmatist must consequently say that the two theories, in spite their different-sounding names, mean exactly the same thing, and that the dispute is purely verbal [8, с. 37].

Признаком конструирования возможного мира в данном высказывании является императивный глагол *imagine*. Философ предлагает своим слушателям вообразить конец света и вводит в эту ситуацию теиста, материалиста и прагматика для объяснения происшедшего. Интересно, что к процессу конструирования У. Джеймс приобщает самих слушателей. Именно они должны творить этот мир, давая слово представителям различных философских течений: then let a theist and a materialist apply their rival explanations to its history; then let the pragmatist be asked... Вовлекая слушателя в процесс конструирования, философ создает общий контекст интерпретации, в котором он оказывается потенциально на стороне философа, во власти его дискурса.

Манипуляционная сила конструирования также заключается в свободе действий. Возможный мир становится «собственностью» философа. Сконструированный теист и материалист говорят то, что воображает У. Джеймс: The theist shows how a God made it; the materialist shows how it resulted from blind physical forces; the pragmatist must consequently say that the two theories ... mean exactly the same thing, and that the dispute is purely verbal. Однако здесь высказывания философа представляются как реально существующие. Они не вводятся лексикой или грамматикой со значением воображения. В модусе высказывания используется глагол в Present Simple: The theist shows, the materialist shows. Для слушателя, вовлеченного в конструирование, такой модус заставляет считывать диктумную часть высказывания как факт, модель мышления теистов и материалистов, существующую в реальном мире. В воображаемую ситуацию помещается не двойник воображающего, а некто другой. Конструирующий наблюдает за ситуацией со стороны. Это позволяет У. Джеймсу создать впечатление об объективности исследования и дает возможность убедить слушающего в истинности утверждений.

Если обратиться к дискурсу Дж. Дьюи, можно отметить конструирование возможных миров иного характера. В своих работах он стремится доказать истинность собственных утверждений. Одним из методов доказательства он избирает воображаемую контраргументацию, большое множество примеров которой наблюдается в работе *The Logic of Judgments of Practise*. Философ выводит термин ценностного суждения, раскрывает его содержание и обосновывает его необходимость:

By a value judgment, then, I mean simply a judgment having goods and bads for its subject-matter. Such being the case, it may well be asked: Why give it special consideration? Why should logic, in addition to a theory of judgment, bother with value-judgment as a special class any more than with dog-judgment or granite-judgment? And my answer is there is no reason, save that value-judgments are a species of practical judgments: and that the failure to observe this fact has resulted – so it seems to me – in much confusion, especially in moral theories about the judgment of good, right and standards. And, I have no doubt, the same confusion has affected for evil the economic theory of valuation of commodities and services [7, с. 226].

Маркером возможного мира является модальный глагол *may*, употребляемый в значении предположения: *it may well be asked*. В этом возможном мире разворачивается диалог между философом и сконструированным Другим. Последний представлен как неопределенный оппонент. Философ выступает в роли пропонента. Позиция сконструированного Другого-оппонента, вводится при помощи пассивного глагола: *be asked*. Пассивность дает возможность соотнести позицию пропонента с неопределенным количеством Других.

За высказыванием конфронтации следует ряд вопросов Другого-оппонента, направленных на выяснение необходимости изучения ценностного суждения, обоснованности проявления интереса логики к выделению суждения: *Why give it special consideration? Why should logic, in addition to a theory of judgment, bother with value-judgment as a special class any more than with dog-judgment or granite-judgment?* Содержание вопросов также позволяет характеризовать оппонента как эксперта в философии со специальными знаниями логики и теории суждений.

Таким образом, для сконструированного Другого-оппонента характерны признаки неопределенного множества, стоящего за безличной пассивной конструкцией, и знания, проявленные в вопросах. Единение этих признаков позволяет определить Другого-оппонента как экспертное сообщество философов. Если помнить, что объективность и истинность утверждений достигается через процесс верификации (которая в данном случае представлена в форме контраргументации), то можно говорить о намеренном конструировании такого оппонента. Его статус обуславливает успешность и убедительность верификации идей Дж. Дьюи.

Анализ дискурсов философов показал несколько особенных признаков конструирования возможных миров как аргументов. Отступая от правил логической аргументации, эти конструкты приобретают манипуляционную силу, заключающуюся в свободе выбора философа конструировать условия, Других, объекты наиболее подходящих ему для верификации знаний. Возможный мир используется в аргументации как общий контекст интерпретаций, создаваемый за счет вовлечения адресата в конструирование возможного мира для формирования равноценной интерпретанты у адресата в отношении понятий, истинность которых философ защищает.

Список литературы

1. Еемерен Ф.Х. ванн. Аргументация, коммуникация и ошибки. СПб.: Васильевский остров, 1992. 207 с.
2. Каверин Б.И. Логика и теория аргументации: уч. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 287 с.
3. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1982. № 13. С. 340 – 376.
4. Рузавин Г.И. Логика и аргументация. М.: Культура и спорт, 1997. 349 с.
5. Смирнова У.В. Эвристическая роль понятия «время культуры N» при анализе дискурса // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 407-409.
6. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 451 с.
7. Dewey J. The Logic of Judgments of Practise // Pragmatic Philosophy. An antology. New York: Doubleday and Company, 1966. P. 216-247.
8. James W. Pragmatism. New York: Dover Publications, 1995. 116 p.
9. Lewis D. On the Plurality of Worlds. New York: Basic Blackwell Ltd., 1986. 276 p.
10. Perelman Ch. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. London : University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.

10.02.04

Т.Е. Краутман канд. филол. наук

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Симферополь, fhntvrf.ru@mail.ru

ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА ЗАКОНА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Статья посвящена изучению влияния языковых систем при переводе текста закона. Выявляются причины возникновения беспереводного употребления английских слов. Анализируются переводы текста закона с английского языка на русский с позиции наличия ложных друзей переводчика и их влияния на лексическую сочетаемость и стилистическую согласованность перевода и оригинала.

Ключевые слова: *перевод, текст закона, юридический текст, лексическая сочетаемость, значение слова.*

В современной лингвистике принято рассматривать перевод текста закона в рамках стилистических особенностей научно-деловой литературы и документации, основной характеристикой которых является однородность содержания, проявляющаяся в стандартном наборе синтаксических и лексических элементов языка перевода и оригинала. Неизменным требованием к вторичному тексту остается достижение эквивалентности и адекватности оригинальному материалу. Однако в настоящее время международная ситуация требует отождествления профессии юриста и переводчика и применения творческого подхода, основывающегося на глубоких знаниях предмета, особенностей развития и функционирования отечественной и зарубежной законодательных систем в совокупности с умением применить лингвистические приемы и способы подачи правовой информации. Данное положение подтверждается работой «Лингвистика перевода» [4] В.Н. Комисарова. Определяя основные требования к переводчику научно-технических текстов, которые необходимы для достижения эквивалентности перевода оригиналу, исследователь выделяет знание терминологии и предмета, умение обеспечить адекватное описание ситуации.

На практике в работах будущих юристов при переводе текста закона с английского языка на русский часто встречаются многочисленные кальки, нарушения лексической сочетаемости и стилистического согласования. Мнимая идентичность элементов английского и русского языков по функциям и звуковому выражению приводят к возникновению ошибок в словоупотреблении и переводе. В сфере юриспруденции и вопросах, касающихся перевода и толкования текста закона, полное или частичное искажение смысла высказывания свидетельствует не только о непрофессионализме переводчика, но может повлечь за собой судебные разбирательства. Степень достижения адекватности перевода оригиналу в работе с юридическим текстом на английском языке влияет на выполнение его предписывающей функции. Невозможность полного копирования формы оригинала приводит к необходимости поиска различных лексических и грамматических трансформаций, которые были рассмотрены в статье «Лексико-грамматические трансформации при переводе текста закона с английского языка на русский» [5]. Как указывает В.В. Алимов [1], адекватность частей перевода, которые могут состоять из лексических единиц, фраз, предложений, составляет адекватность всего текста, являющаяся отражением взаимодействия двух языков, мышления и подготовленности переводчика.

Одной из трудностей, с которой сталкивается переводчик, является переводимость лексики и специальной терминологии, которая связана с особенностями мировоззрения представителей разных языковых систем и глубиной познания картины мира. Ложно отождествляемые русские и английские термины в области предметно-логического содержания свидетельствуют о своеобразии свойств и отношений явлений объективного мира, характерных для конкретной языковой системы. Так Б.Н. Климзо [3] выделяет целый ряд лексических категорий (например, технические неологизмы, «громкие слова», слова-ловушки, слова-подножки) способных оказывать негативное влияние на качество перевода, среди которых особую трудность представляют ложные друзья переводчика.

Под ложными друзьями переводчика в современном языкознании принято понимать лексические единицы, не переводимые с одного языка на другой, так как они совпадают в плане выражения и создают семантические ассоциации, но в плане содержания частично или полностью не соответствуют друг другу.

На материале практического исследования, которым послужили определения терроризма и финансовых фондов из текстов законов Турецкой Республики 1991 г. и острова Мэн 2012 г. был проведен анализ переводов, выполненных студентами юридических специальностей. Показательным является перевод отрывка: «*Article 1. Terrorism is any kind of act done by one or more persons belonging to an organization with the aim of changing the characteristics of the Republic...*»

1. *Статья 1.* Терроризм – это любое действие, совершаемое одним или несколькими лицами, принадлежащими к организации с целью изменения *строя* Республики...

2. *Артикль 1.* Терроризм является определенным *актом*, совершаемым одним или несколькими людьми, принадлежащими к организации с целью изменения *характеристик* Республики...

3. *Статья 1.* Терроризм – это какой-либо вид действия, совершенный одной или несколькими лицами, относящимися к организации с целью изменения характеристик Республики...

Из переводов следует, что слова *article*, *characteristics*, *act* являются ложными друзьями переводчика, представляя собой некую форму омонимии. Перевод 2 характеризуется полным влиянием графической и фонетической формы английского слова без учета его семантики в области юриспруденции. Обращение к англо-русскому юридическому толковому словарю позволило бы переводчику выяснить особенности значений юридических терминов и выбрать корректный перевод согласно контексту:

Article – 1. Статья, пункт, параграф; 2. Вещь, предмет, товар; 3. Отдавать по договору в обучение; 4. Предъявлять обвинение [6].

Article n. a paragraph or section of any writing such as each portion of a will, corporate charter (articles of incorporation), or different sections of a statute [7].

Act – 1. Действие, деяние; 2. Закон; 3. Акт, документ; 4. Акт (как наименование международного договора); 5. Шотл. заносить, делать запись; 6. Поступать, действовать [6].

Act – 1. n. in general, any action by a person. 2. n. a statutory plan passed by Congress or any legislature which is a «bill» until enacted and becomes law. 3. v. for a court to make a decision and rule on a motion or petition, as in «the court will act on your motion for a new trial» [7].

В переводе 1 слово *characteristics* подвергается интерференции родного языка и переводится студентом, как *строй*, по аналогии с формулировками, существующими в текстах законов на русском языке. При этом англо-русские юридические словари не дают подобной трактовки этого слова.

Употребление беспереводной формы английских слов и терминов в переводах юристов имеет следующие причины:

1. Внешнее графическое и фонетическое сходство английских и русских слов, то есть этимологический буквализм;

2. Замена контекстуальной семантики слова или термина на его более распространенное значение.

3. Взаимовлияния языков, обусловленные историческими и генетическими связями, также являются предпосылками возникновения ложных друзей переводчика. В случае с русским и английским языками имеют место интернациональные, псевдоинтернациональные заимствования и их производные из третьего языка.

4. Отношения эквивалентности или безэквивалентности лексики двух языков лежат, по мнению В.В. Акуленко [2], в основе происхождения трудных друзей переводчика. Автор выделяет межъязыковые категории, способствующие возникновению беспереводной лексики:

- абсолютная или относительная синонимия, при которой значение и употребление лексики и терминологии двух языков полностью или частично совпадают;
- омонимия, при которой лексика и терминология двух языков отличается по значению, но схожа по звуковой или графической форме;
- паронимия, при которой имеющие некоторую схожесть формы, лексика и термины двух языков способны вызывать ложные ассоциации, при этом отличаются в семантике.

Таким образом, перевод текста закона с английского языка на русский должен основываться на совокупности знаний в области юриспруденции и лингвистики, а также учитывать исторические и культурные особенности развития страны и ее правовой системы. При этом большое значение приобретает качество обучения иностранному языку будущих юристов, в процессе которого особое внимание необходимо уделить теории и практике перевода, стилистическим и синтаксическим особенностям юридических текстов, влиянию терминологического и нетерминологического значений слов на эквивалентность текста перевода оригиналу. Важно развить навык работы со специальными словарями и способствовать приобретению страноведческих знаний, раскрывающих историю и особенности законодательной системы конкретного иностранного государства.

Список литературы:

1. Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие / В.В. Алимов // Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 160 с.
2. Акуленко В.В. О ложных друзьях переводчика / В.В. Акуленко // http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/akulenko.shtml
3. Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы / Б.Н. Климзо // 2-е изд. переработанное и дополненное. – М.: «Р. Валент», 2006. – 508 с.
4. Комисаров В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комисаров // Предисловие М.Я. Цвиллинга. Изд. 3-е.: М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 179с.
5. Краутман Т.Е. Лексико-грамматические трансформации при переводе текста закона с английского языка на русский / Т.Е. Краутман // Казанская наука. №8 2019. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – С. 50 – 52.
6. Мамулян А.С, Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь / А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 816 с.
7. Legal Dictionary// URL: <https://dictionary.law.com/>

10.02.04

М.В. Кычкова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгород, margarita.valeryevna93@yandex.ru

**ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА «СТРАННОСТЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО РОМАНА
ДЖОНАТАНА ФРАНЗЕНА «СВОБОДА»)**

В статье рассматривается аксиологическая специфика концепта «странность» в литературе творчества Джонатана Франзена на примере его современного американского романа «Свобода». Цель исследования заключается в анализе концепта «странность» с точки зрения аксиологической лингвистики. В работе полученные результаты обобщаются и интерпретируются с точки зрения аксиологической лингвистики, а также приводится вывод согласно которому, оценка зависит от субъективного отношения языковой личности.

Ключевые слова: *концепт, ценность, оценка, аксиология, аксиологическая лингвистика.*

В современном языкознании ведущим принципом исследования языка является антропоцентризм, согласно которому изучение языка невозможно без человека. В русле антропоцентризма уделяется особое внимание новому направлению, которое формируется на базе лингвистики и аксиологии.

Актуальность работы заключается в антропоцентрической направленности, характерной для современной лингвистики, а также в возрастающем интересе ученых к лингвоаксиологическим исследованиям.

Научная новизна определяется в недостаточном исследовании специфики концепта «странность» в английском языке с позиции аксиологической лингвистики.

Цель работы заключается в выявлении явных и скрытых оценочных смыслов концепта «странность» в произведении Дж. Франзена «Свобода».

Лингвоаксиология динамично развивающееся направление в современной лингвистике, возникшая в междисциплинарном пространстве, изучающая категорию ценностей и их изменения в культурно-историческом процессе. Посредством аксиологического анализа различных концептов выявляются ценностные предпочтения не только конкретной языковой личности, а национального языкового сознания в целом.

Оценка и ценность являются центральными понятиями аксиологической лингвистики. Оценка отражает картину мира человека, которая тесно связана со сложившимися в обществе ценностями, она также является субъективным видением, которое зависит от интересов, желаний, целей и др. языковой личности и может рассматриваться как «способ установления значимости чего-либо для действующего и познающего субъекта» [1].

Знания о ценности являются средством познания явлений объективного мира, сознания, мышления и развития отдельных языковых социумов. На каждом этапе развития общества формируются свои ценности, которые меняются от поколения к поколению, и также зависимы от различных факторов таких как развитие общества, социального статуса личности и прочее. Как считает И. В. Чекулай, «ценность является квалификационным представлением о людях, живых существах, вещах, природных и социальных феноменах и тому подобному, а оценка – это отражение ценности в формах экспликации человеческих знаний, и прежде всего – в форме языковых единиц, в том числе и фразеологических» [3].

Концепт является центральным понятием многих гуманитарных дисциплин, поэтому точного и общепринятого определения данного термина не существует. В аксиологической лингвистике концепт интерпретируется как единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [2].

В данной работе мы проанализируем концепт «странность» с позиции аксиологии на примере некоторых цитат из произведения Дж. Франзена «Свобода». Концепт «странность» представлен лексемами на английском языке «strange» и «weird», под которыми понимается в качестве ментального образования, представление о ком-то или, о чем то, что выделяется в обществе, в человеке или в его поведении и т.д.

Роман Джанатана Франзена «Свобода» был опубликован в 2010 году и признан как одно из лучших произведений современности. В центре сюжета история об идеальной американской семье Уолтера Берглунд и Патти. Они образованы, заботятся об окружающем мире, однако несмотря на это они сталкиваются со многими потрясениями.

Пример 1. *“When she was told that Seth and Merrie Paulsen were throwing a big Halloween party for their twins and had deliberately invited every child on the block except Connie Monaghan, Patty would only say that this was very **weird**”* [4].

В представленном примере лексема “weird” имеет как отрицательную, так и нейтральную оценку всего происходящего. С одной стороны, Патти примерная жена, добродушная ко всем людям, которая не осуждает других, несмотря на то, что ее соседи поступают неправильно, она не придает этому никакого значения, для нее это всего лишь странно. Однако у читателей возникает негативное отношение к Сет и Мерри Полсен, которые не пригласили ребенка на вечеринку из-за того, что его мать бросала бычки в их бассейн, таким образом они хотели ее проучить.

Пример 2. *“But for many years the worst that Patty would say of Carol was that single moms had a hard life and if Carol was sometimes **weird** to her it was probably just to save her pride”* [4].

В рассматриваемой цитате лексема “weird” выражает скрытое негативное оценочное суждение автора. Кэрл каждый четверг оставляла ребенка Патти и поздно приходила домой, она также кормила ребенка переваренными полуфабрикатами, перестала следить за домом. Однако Патти не была способна говорить хорошо или плохо о других, поэтому воспринимала возникшую ситуацию, как обычное явление.

Пример 3. *“And, I swear to God, it is like clockwork, every fifteen minutes, I swear he’s lying there staring at his alarm clock, every fifteen minutes he calls out, ‘Still awake! I’m still awake!’ In this tone of contempt, or sarcasm, it’s **weird**”* [4].

В приведенной примере концепт “weird” имеет скрытое положительное оценочное суждение. На первый взгляд лексема имеет негативную оценку, так как главная героиня Патти описывает поведение своего любимого сына с неким раздражением повествует о том, как он ее постоянно специально будит. Однако в действительности она обожает своего сына и считает его поведение особенным, нежели странным.

Пример 4. *“Richard might have persisted with the Traumatiks, and launched further records into the void, were it not for a **strange** accident that could only have befallen Herrera, his old friend and bassist <...>”* [4].

С одной стороны, под выражением “strange accident” (странное происшествие) может иметься ввиду какое-то неожиданное приятное событие, а с другой несчастный случай. Для того чтобы определить какую оценку представляет собой данная лексема, следует обратиться к контексту. Однажды Эррера получил серьезные травмы из-за того, что плохо припарковал свой грузовик, который в последствии прижал его к стене. Но Эррера не обратился к врачу, как оказалось, позже у него был разрыв селезенки, перелом ключицы, пробито легкое и сломаны пять ребер. Поэтому выражение «странное происшествие» представляет собой ярко выраженную скрытую негативную оценку из-за своей

безответственности и неорганизованности молодой человек чуть не лишился жизни.

Пример 5. “<...> he kept succumbing to moral disapproval of the father, who seemed to Joey the source of all that was amoral in Connie herself, her **strange** indifference to rules and conventions, her boundless capacity for idolatrous love, her irresistible intensity” [4].

В данном предложении говорится об отце Конни, который давно умер, но вызывал ненависть у Джоуи. Отец бросил дочь, оставив ей один дом, поэтому Конни не поддерживала с ним отношения, ведь он не проявлял должного внимания к своему дитя не воспитывал, не интересовался ее проблемами, не принимал участия в ее жизни. Только деньги напоминали об отце, поэтому лексема *strange* (странного) имеет негативную оценку, которая отображает отношение Джоуи к данной ситуации.

Из приведенных выше примеров мы пришли к выводу, что концепт «странность» имеет три оценочных суждения: 1) явную отрицательную оценку; 2) скрытую отрицательную или положительную оценку; 3) нейтральную с точки зрения главной героини Патти.

Таким образом, концепт «странность» имеет отрицательную, положительную и нейтральную оценку, которая зависит не только от конкретного человека, находящего в определенной ситуации, но также от социальных, морально-этических, культурных и других факторов. Оценочные смыслы представленного концепта в романе Дж. Франзена напрямую зависят от субъективного мнения главных героев.

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики диктует изучение языка в тесной связи с человеком. В художественных произведениях главные герои посредством того как они оценивают людей, явления, события и т.д. проявляются их ценностные предпочтения. Вне контекста оценочные суждения могут приобретать иные значения, поэтому все три компонента (оценка, ценность, контекст) находятся в непосредственной связи друг с другом.

Список литературы

1. Абушенко В.Л. Оценка // Всемирная энциклопедия. Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест. Современный литератор, 2001. С. 755.
2. Кубрякова Е.С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л.Н. Чурилина. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 416 с.
3. Чекулай И.В., Прохорова О.Н. Аксиологическая специфика концепта Власть в семантической структуре фразеологических единиц русского и английского языков // «Научный результат» Белгород: НИУ Белгу, 2014. – С. 72-79.
4. Jonatan Franzen Freedom [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/271669-jonathan-franzen-freedom.html> (дата обращения 15.03.2020)

10.02.04

А.В. Останина

Московский городской педагогический университет,
Институт гуманитарных наук,
кафедра зарубежной филологии,
Москва, ostanina.anastasya@mail.ru

ЦИТАТА КАК ПРИЕМ КОСВЕННОЙ ПОРТРЕТИЗАЦИИ

В статье рассматриваются возможности и варианты цитирования в современных англоязычных публикациях. Особое внимание уделяется выбору лексических единиц, которые используются в СМИ для введения цитаты в текст. В статье дается классификация цитирования, в качестве аргументации авторской точки зрения приводятся примеры из аутентичных источников.

Ключевые слова: *политическая лингвистика, медийный дискурс, цитирование в политических статьях.*

Цитирование является одним из наиболее рекуррентно используемых приемов в разных публикационных жанрах, в том числе и в текстах средств массовой информации. Цитата представляет собой буквальную выдержку прецедентного текста, встраиваемую в текст-реципиент. Её объем зависит от цели и функции использования и может варьироваться от отдельного слова до сверхфразового единства. Цитата может быть оформлена как прямая речь, как самостоятельное высказывание или включена в собственный текст автора как его фрагмент. Как правило, цитата заключается в кавычки. В текстах, относящихся к разным типам дискурса, авторство источника может или должно быть указано (например, ссылкой на автора в научном тексте), может быть обозначено контекстуально (в случае обсуждения и комментирования некоторых событий и публикаций, в частности, в средствах массовой информации: «как отмечает / пишет / считает N» и может быть имплицировано (если авторство цитируемого общеизвестно).

Цитирование может быть полным и неполным, то есть цитата может приводиться дословно или с изменениями. Также цитирование может быть прерывным или непрерывным, иными словами, цитируемый текст вставляется полностью или разбивается на части. Такое тип называется фрагментарным. Любое из названных видов цитирования может быть косвенным, аллюзивным или скрытым. Косвенное цитирование является пересказом чужих слов с использованием косвенной речи. Аллюзивное цитирование – это видоизмененный оригинальный текст, имеющий намек на первоисточник. Скрытое цитирование не имеет ссылок на источники или формальные маркеры. Это полностью переработанный автором чужой текст [1, с.290].

В зависимости от вида текста и места использования цитаты, изменяется ее функция. Цитата может иметь ассоциативную функцию, когда она имеет отсылку к определённому тексту или событию. Наиболее значимыми функциями являются информативная, когда цитата используется в качестве расширения информативного пространства, акцентируя наиболее значимые моменты и детализируя репрезентативную базу, и аргументативная, состоящая в подтверждении достоверности какого-либо высказывания или, наоборот, его опровержении. В политических текстах цитирование чаще всего имеет воздействующую функцию, оно служит для выражения авторской оценки и формирования у читателей определенного образа описываемого объекта или субъекта [2, с.23]. Путём подбора определенной цитаты автор может акцентировать или завуалировать те качества, признаки, свойства личности, объекта или ситуации, которые в определенном контексте незначимы или противоречат общему модусу высказывания.

Поскольку одной из функций СМИ является воздействие на аудиторию, в том числе и в плане манипулирования мнением, резонно предположить, что цитирование является одним из способов реализации этих функций.

Существуют разные модели введения цитаты в текст статьи. Наиболее частотной моделью является прямая речь, которая подчиняясь алгоритму грамматического оформления может вводиться специальными тематическими глаголами (say, tell, ask, add, cite, describe) и глаголы, имеющие процессуальный признак (write, push), например, “In another lengthy, abrasive press conference, *he pushed* a conspiracy theory speculating that hospital staff may be stealing N95 masks and selling them on the black market” [6]. В связи с широким распространением новых форм и видов социальных сетей появляются неологизмы сленга, которые обозначают размещение сообщения, например, *твитнуть*, произошедшее от социальной сети твиттер. В англоязычных газетных публикациях это уже нормативный глагол, вводящий цитату: “*That’s the difference between impeachment and criminal prosecution, she tweeted*” [9]. *After the announcement he tweeted the phrase “witch hunt” in capital letters*” [9].

Выбор глаголов для введения цитаты, как правило, является не случайным, так как с его помощью можно сообщить цитате отрицательную или положительную оценку, а также охарактеризовать говорящего. В частности, в предложении: “*After opening his remarks by boasting that “Iran will never be allowed to have a nuclear weapon” while he is president, Mr Trump declared that Americans “should be extremely grateful and happy” that none of their countrymen were harmed in last night’s attack, which many observers judged to be a measured response by Tehran to the drone strike he ordered against Islamic Revolutionary Guard Corps general Qassem Soleimani last week*” [3].

Рассмотрим разницу между используемыми глаголами to say, to boast, to declare в словаре: to say – 1. to express something using words, 2. to think something or to have opinion, 3. to give information or orders in writing, numbers, pictures etc; to boast – 1. talk with excessive pride and self-satisfaction, 2. talk very proudly, in a way that other people may find *irritating* or *offensive*; to declare – to announce officially that something is true or happening, 2. to say something, especially in a formal or impressive way. [7]

Дефиниционный анализ слов свидетельствует о том, что в семантической структуре слов boast и declare есть семы с потенциально отрицательными оценочными обертонами, и использование данных глаголов сообщает содержанию цитаты негативную коннотацию, тем самым создавая отрицательный портрет автора цитируемого текста. Отрицательная оценка дается и в цитате: ““*I got impeached for absolutely no reason, Mr Trump complained during a rant that included at least nine denials that he knows Lev Parnas...*” [4], to complain - express *dissatisfaction* or *annoyance* about something, *grieve*; to grieve – be in distress, intense sorrow (about something one *cannot improve, change or evade*), глагол *жаловаться* может вызывать чувство сострадания, раздражения, непонимания, отторжения, и неприятия и много еще разных эмоций. В данном случае глагол complain сообщает высказыванию отрицательную коннотацию и вызывает негативные эмоции по отношению к президенту США, который в силу возлагаемых на него президентских обязанностей по определению не должен показывать свои слабости.

Помимо прямого цитирования, в статьях часто встречается косвенное цитирование и сложное цитирование, то есть использование нескольких способов передачи чужой речи. Косвенная речь может вводиться с помощью глаголов речи, глаголов волевой семантики (claim, regard, confirm). “He *confirmed* that there were no casualties in the ballistic missile attacks, which hit Ain al-Asad base in the western province of Anbar, and Erbil city, the capital of the Iraqi Kurdistan region” [3]. Необходимо отметить, что, используя косвенную речь, автор не даёт ссылок на цитату, тем самым сообщая ей возможность неоднозначного толкования. Примером сложного цитирования является следующий: “Trump said the Chinese leadership was much smarter than Obama and his team. “It’s like the New England Patriots and Tom Brady [playing] a high school team” [8]. В данном примере цитата вводится предложением, и она подтверждает вышесказанные слова, то есть сначала автор передает информацию с помощью

косвенной речи, а потом уже вставляет цитату, которая её подтверждает.

Анализ пяти англоязычных статей газеты The Guardian показал, что из 60 цитат 38 являются прямыми, 15 косвенными и 7 смешанными, что подтверждает существенную функциональную нагрузку – 37% непрямого цитирования и, соответственно, его прагматическую значимость.

В силу чрезвычайной доказательной силы, которой обладают корректно используемые цитаты, важность тщательности их отбора вряд ли можно подвергнуть сомнению, поскольку в любом речевом действии цитата служит средством реализации коммуникативного намерения. В зависимости от вида цитаты, места ее использования и метода введения в текст, она может приобретать дополнительные функции, способствуя, в том числе, созданию разных приемов в публицистических статьях. Цитата маркируется определенной оценкой и внедряется в массовое сознание читателей. Эффективным приемом является введение двусмысленной цитаты, так как в определенном контексте она приобретает оценку, соответствующую интенции автора публикации. Политики, как правило, цитируют авторитетных политиков, находящихся в данный момент у власти, исторических личностей, так как таким образом они демонстрируют свою приверженность определенной идеологии, с целью завоевать доверие у аудитории. В этом случае актуализируется воздействующая функция. В СМИ цитаты могут использоваться в совершенно иных целях, например, с тем чтобы дискредитировать политика, подорвать его авторитет, и в целом создать отрицательный образ. В настоящее время англоязычные СМИ атакуют личность Дональда Трампа и используют любое оружие против него, включая его же цитаты. В частности, в одной из статей газеты The Independent, обличая президента во лжи, автор статьи упоминает известную фразу “war on Christmas”, говоря о неисполненном обещании Трампа вернуть в речь фразу Merry Christmas: “However, impeachment was not the only thing on the president's mind as he began his speech by repeating one of his strangest lies about a supposed “war on Christmas”[5]. Для создания определенного (ангажированного) мнения о президенте США, могут быть использованы цитаты других политиков. Во многих источниках появляется информация о том, что Высший руководитель Ирана Али Хаминей назвал президента США Дональда Трампа *клоуном*. В газете The Guardian данное сообщение выглядит таким образом: “Iran’s supreme leader has described Donald Trump as a “clown” who only pretends to support the Iranian people but will push a poisonous dagger into their backs, as he struck a defiant tone in his first Friday sermon in Tehran in eight years”. Следует отметить, что издательство не дает полной цитаты высшего руководителя Ирана, а использует только одно слово, которое в данном контексте является оскорбительным для президента США. Также автор не дает ссылок на источник речи, когда она происходила и где, что позволяет усомниться в правдивости данного утверждения.

Таким образом, можно сказать, что образ политика может формироваться в СМИ, в частности, формируется в англоязычных СМИ с помощью использования цитат самого политика, чей образ необходимо построить или другого политика, который высказывает своё мнение. Авторы статей не дают самостоятельно какой-либо оценки. Их задача состоит в использовании цитаты в таком ключе, чтобы характер оценки являлся очевидным или был выводим из импликаций. В случае с Дональдом Трампом, СМИ в настоящее время используют цитаты, характеризующие президента США с отрицательной стороны. При этом, для создания его образа широко используются как цитаты самого президента США, так и цитаты других политиков. В большинстве случаев контекст текста, включающего цитату, детерминирует отрицательные коннотации.

Список литературы

1. Максимов В.И. Стилистика и литературное редактирование. – М.: Гардарики, 2004. – 651 с.
2. Саблина М.В. Цитата и цитирование в текстах современных российских газет: дис. канд. фил. наук. – М., 2011. – 172 с.
3. Andrew Feinberg. Iran tensions: Trump rows back on further threats and claims Tehran ‘appears to be standing down’ // The independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/iran-sanctions-trump-iraq-missile-attack-us-bases-a9275851.html> (дата обращения: 25.03.2020).
4. Clark Mindock. Trump gives furious defence against impeachment as historic trials begins // The independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-impeachment-trial-today-twitter-press-conference-senate-a9287651.html> (дата обращения: 27.03.2020).
5. Conrad Duncan. ‘It’s so unfair’: Trump rages about impeachment in bizarre speech to students as he claims he revived phrase ‘Merry Christmas’ // The independent. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-impeachment-speech-merry-christmas-nancy-pelosi-turning-point-usa-a9256866.html> (дата обращения: 02.04.2020).
6. David Smith. Trump says keeping US Covid-19 deaths to 100,000 would be a ‘very good job’ // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/30/trump-says-keeping-us-covid-19-deaths-to-100000-would-be-a-very-good-job> (дата обращения: 21.03.2020).
7. Macmillan English dictionary. Reference and Electronic media division of Bloomsbury publishing plc. – 2007. – 1747 p.
8. Rupert Neate. Donald Trump announces US presidential run with eccentric speech// The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/jun/16/donald-trump-announces-run-president> (дата обращения: 26.03.2020).
9. Tom McCarthy, Lauren Gambino. ‘Solemn step’: Democrats unveil articles of impeachment against Trump // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/dec/10/donald-trump-articles-of-impeachment-democrats-congress> (дата обращения: 25.03.2020).

10.02.04

¹Е.В. Плисов д-р филол. наук, ²А.М. Хамидулин

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина»,
факультет гуманитарных наук,

¹кафедра теории и практики иностранных языков и лингводидактики,²кафедра философии и теологии,

Нижегород, e_plissov@mail.ru, captain.nemo.2012@yandex.ru

ОБРАЗ СЛОВА В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье описываются лексические репрезентации образа слова в языковой картине мира носителей английского языка. Интерпретация значения проводилась с привлечением культурологического и исторического материала, были выявлены символические значения этого слова в составе фразеологических единиц.

Ключевые слова: *национально-культурная специфика, языковая картина мира, фразеологическая единица, символическое значение.*

Культура народа, отражаясь в языке, придает ему особую специфику и уникальность. Язык, в свою очередь, отражает культурно-национальную ментальность языкового сообщества: языковые картины мира фиксируют, хранят и отображают представление о мире различных народов, наполняя особым содержанием единицы языка, которые впоследствии становятся определенными символами, эталонами в данной культуре [5; 7; 8; 9]. Исследователи отмечают: «Каждый язык имеет свое уникальное семантическое пространство, и только в контексте этого пространства можно осмыслить специфику отдельного фрагмента лингвокультуры. Носители различных языков воспринимают один и тот же объект через призму родного языка, что делает представления об этом объекте почти всегда лингвоспецифичными» [6, с. 30]. Целью настоящей работы является анализ символических значений концепта *word* в английской культуре на материале фразеологических единиц (ФЕ), а также с привлечением данных этимологических словарей.

Образ *слова* ('word') в английском языке складывался на протяжении веков. По данным этимологического словаря У. Скита, слово 'word' в английском языке в среднеанглийском периоде его развития имело форму *word*, соотносящуюся со словом *word* в англосаксонском языке, со словом *woord* в нидерландском, со словом *ord* в датском и шведском языках, а также со словом *wort* в немецком и *waurd* в готском [10, с. 722].

В свою очередь, автор Большого этимологического словаря английского языка М.М. Маковский выявляет исходные метафорические образы-символы, лежащие в основе английских слов, которые мотивировали их значения, при этом ученый наряду с лингвистическими методами использует культурно-исторические методы этимологизирования и учитывает древнюю символику. Согласно этимологической справке автора в отношении происхождения английского слова 'word' (слово), в древности как и речь, обозначало «то, что льется»: индоевропейский **uer-* «издавать звуки», но тохарский *A war* «жидкость; вода»; древнеанглийский *wyrðan* «irrigare», «rigare». Также считалось, что с помощью *слова* творило Божество, таким образом, *слово* является символом Творения: индоевропейское **uer-* «творить; рожать», русское *рекать* «говорить», но английское диалектное *reek* «род, племя»; индоевропейское **kens-* «громко говорить», но индоевропейское **gen-* «рожать». *Словом* можно нанести ущерб: русское *орать*, но русское *раз-орить*; ирландское *briathar* «слово», но валлийское *brwydr* «битва»; индоевропейское **uek-* «говорить», но и индоевропейское **ueik-* «бить, ударять». *Слово* является символом сверхъестественной Силы (латышское *vara* «сила») и символом Судьбы (древнеиндийское *wyrð* «судьба»). Автор отмечает, что *слово* отождествлялось с Макрокосмом,

символизируемым Мировым Древом: латышское *veris* «лес, дерево», а также древнеанглийское *swir* «Столб-Божество». Слово также являлось символом божественного Огня и Воды (индоевропейское **uer-* «гореть», но также тохарское А *war* «вода»). Слово – Первопредмет, явленный Божеством: тохарский А *wram* «предмет, вещь», слово как оружие – английское *sword* «меч». Слово – олицетворение божественного Духа (тохарское А *wras* «*haleine*»), Оберег (хеттское *warrai* «*protect*», *warras* «*help*»), символ Божественного Движения (древнеанглийское *worian* «*move*») [4, с. 505].

В свою очередь, нами были проанализированы ФЕ из ряда словарей [1; 2; 3], как элементы отражения национальной культуры в языке, и, как результат, выявлены следующие символические значения концепта «слово» ('word') в английской культуре:

1. Символ речи, высказывания, разговора. *Get a word in edgeways; household word; burning words; wild and whirling words; a word spoken is past recalling; when the word is out, it belongs to another; mark my words!; not a word!; without a word; not to have a word to throw at a dog; without many words; in a few words; in a (или one) word; in so many words; put into words; have no words; one picture is worth ten thousand words; say a few words; take the word; have a word with somebody; make words; a word or two.* Пренебрежение к пустым разговорам выражено следующими ФЕ: *mere words will not fill a bushel; waste one's words; use words lightly; words are but wind; good words and no deeds; words pay no debts; fine words butter no parsnips; actions speak louder than words; not in words, but in deeds.*

2. Символ чести, веры, речительства. *Give (pass, pawn или pledge) one's word; keep one's word; stand by one's word; eat (swallow) one's word; be as good as one's word; be better than one's word; be worse than one's word (также break one's word, depart from one's word или go back on one's word); one's word is as good as one's bond; an Englishman's word is his bond; one's word is law; one's word of honour; take somebody at his word.*

3. Символ гнева, брани. *Bandy words; good words; barbed words; hard (high, hot, sharp или warm) words; hard words break no bones; have words with somebody; a word and a blow; a word of a sort.*

4. Символ известия, новостей. *Bring word; get (или have) word; leave word; send word (of); what's the good word?; word came; write word (of).*

5. Символ святости, правды, доброты. *God's word; many a true word is spoken in jest; good words cost nothing and are worth much.*

6. Символ себялюбия, лести, лицемерия. *Big words; throw a word to somebody as a bone to a dog; fair (или good) words; fine words dress ill deeds.*

7. Символ прозорливости, ума. *Words are the wise man's counters and the fool's money; take the words out of somebody's mouth; put words in somebody's mouth; go behind somebody's words; be unable to put two words together; a word to the wise is enough; a word is sufficient to a wise man.*

8. Символ секрета, совета. *A word in season; a word in your ear; a word out of season.*

9. Символ силы, приказа, действия. *Many words cut (или hurt) more than swords; sticks and stones may break my bones, but words will never hurt me; get the word; pass the word; word of command; sharp's the word; at a (или one) word; on или with the word.*

Данные ФЕ и паремии возникли на основе метонимического переноса названия единицы речи. В результате их анализа может быть сделан вывод о том, что в английском языке слово чаще обозначает вербальный либо письменный знак, выражающий какую-либо мысль, предмет или понятие, именуется собой общение, речь, разговор. В то же время, рассмотренные ФЕ и паремии позволяют заключить, что концепт 'word' (слово) в английском языке обладает своим уникальным смыслом. Здесь слово имеет коннотацию власти, выступает как символ оружия, приказа, распоряжения, правила, закона, повеления, команды к действию. Проанализированные ФЕ свидетельствуют о том, что слово также репрезентирует гневное, резкое общение, является символом новой информации, фактов, а также совета, секретных сведений. Слово является символом обещания, клятвы, зарока, обета. Оно наделено силой, способной как погубить человека, изменить его судьбу, так и спасти. Слово понимается как

повеление, а также обязательство, исполнение которого является делом чести.

Таким образом, проведенный анализ ФЕ и паремий позволяет сделать вывод о наличии как универсального восприятия концепта «слово» у носителей разных языков, так и специфических представлений о данном понятии в английском языке, поскольку, несмотря на культурную интеграцию, в каждом языке по-прежнему устойчиво сохраняется отражение элементов уникальной национальной культуры и сам национальный язык выступает ее частью.

Список литературы

1. Англо-русский фразеологический словарь / Сост. А.В. Кунин. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 1456 с.
2. Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Издательство «Русский язык», 2000. – 705 с.
3. Кузьмин С.С., Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь пословиц и поговорок. – СПб.: МИК / Лань, 1996. – 352 с.
4. Маковский М.М. Большой этимологический словарь современного английского языка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 528 с.
5. Наумова Е.В., Плисов Е.В. Специфика функционирования фразеологических единиц в художественном тексте (на материале русского и немецкого языков) // Функциональные аспекты языка: традиции и перспективы. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2014. – С. 96-105.
6. Плисов Е.В. Образ хлеба в русской, немецкой и английской картинах мира // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – №2. – С. 20-31.
7. Прокопьева Н.Н. Оценочный потенциал немецких фразеологизмов и паремий, вербализующих концепт «возраст» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2010. – №12. – С. 99-106.
8. Сулима И.И. Бытийный статус языка в образовании // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7. – №4. – С. 16.
9. Фёдоров В.В. Формирование и развитие фразеологического фонда передовой газетной статьи (на материале американской прессы 1970-1990 гг.): дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1998. – 201 с.
10. An Etymological Dictionary of the English Language / by the rev. Walter W. Skeat. – New York: Oxford University Press, 2006. – 780 p.

10.02.04

М.В. Салтыкова, М.В. Биянова, О.В. Ельцова, Е.Э. Калинина

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко,
кафедра иностранных языков и удмуртской филологии,
Глазов, mary-alex77@mail.ru, m.bianova@mail.ru, eltzowa@mail.ru, ekalinina1979@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ САМОКОРРЕКЦИИ И САМОКОНТРОЛЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ И НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКАМ

В работе рассматривается психологический механизм исправления ошибок в устной речи при изучении иностранных языков. Авторы анализируют зависимость между характером ошибки и ее коррекции как со стороны преподавателя, так и самим говорящим. Предложены методы, использование которых в педагогической практике ВУЗа способствует формированию готовности студентов к коррекции и самокоррекции собственной речевой деятельности на занятиях по иностранным языкам.

Ключевые слова: самокоррекция, самоконтроль, взаимоконтроль, самостоятельная работа, обучение студентов языковых профилей, методы формирования готовности к самоконтролю.

Основная практическая цель обучения иностранному языку в вузе состоит в совершенствовании умений и навыков понимания интенции других людей и выражении своих мыслей в устной и письменной формах. Критерием сформированности коммуникативного навыка являются высокая качественность речи и оптимальная скорость высказывания.

Применительно к объекту нашего рассмотрения – устной речи – одним из основных показателей качественности служит безошибочность речевого высказывания. Если правильность речи определяет уровень совершенства выполняемого действия, то, вероятно, ошибки и особенно характер их исправления самим говорящим могут характеризовать путь, который проходит ученик в процессе овладения иноязычной речью. Крупный американский психолог Дж.А. Миллер писал: «Ошибки происходят из психологических ограничений, накладываемых на тех, кто пользуется языком, а не из самого языка» [2].

Неслучайно проблема ошибок в речевой деятельности (их природа, классификация, коррекция, диагностирование и предсказуемость) оказалась в настоящее время в центре внимания лингвистов и лингводидактов (З.М. Цветкова, И.Д. Салистра, Р.Н. Разумовская, И.П. Павлова, И.И. Китросская, Б.Ф. Воронин, F.French).

Предметом данной статьи является психологический механизм исправления ошибок самим говорящим. С психологической точки зрения всякое речевое действие – это реализация определенной языковой программы мозга, заданной ситуацией общения. Исправление допущенной в речевом высказывании ошибки самим говорящим наступает в результате сличения данной речевой реализации с программой. Сличение это может осуществляться как в процессе произнесения (текущее сличение), так и после произнесения (отсроченное сличение).

Самокоррекция ошибочных действий предполагает наличие образца, с которым сравнивается производимое действие. В процессе обучения речи на иностранном языке формирование внутренней программы, схемы речевого действия является одной из основных задач обучения. Повторение за преподавателем звуковых и речевых образцов, заставляет «подравнивать» произношение обучающихся под внешний образец, формирует таким образом их собственную программу действия. Аналогичным образом преподаватель может зрительно предъявить обучающимся образец, написав его на доске или указав в книге.

Со временем наступает такой период в обучении, когда преподавателю уже не нужно каждый раз восстанавливать внешний образец, обучающиеся сами могут воспроизвести требуемое действие. Это свидетельствует о том, что у обучающихся сформирована внутренняя программа, по которой они выполняют действие.

Следует отметить две особенности в процессе формирования внутренней программы: 1) сам факт предъявления внешнего образца еще не означает формирование программы, между осознанием структуры внешнего образца и переводением его во внутреннее поле, т.е. в план внутренней программы, лежит большой и методически ответственный период тренировочной работы; 2) формирование собственной программы действия должно осуществляться при постоянном внешнем контроле со стороны преподавателя. Этот этап зачастую выпадает из общего круга методических проблем, решаемых преподавателем.

В основе целенаправленного формирования самоконтроля должна лежать система методов, позволяющая реализовать отработку данного навыка. Т. М. Чурекова, Н. В. Съедина выделяют три группы методов, способствующих формированию готовности к самоконтролю: методы стимулирования положительной мотивации, методы организации взаимоконтроля, методы организации самостоятельной работы [6].

1) Методы стимулирования положительной мотивации в формировании готовности студентов к самоконтролю

Problem solving (решение проблемных задач) – упражнение, в котором студенты, анализируя проблемную ситуацию, подробно излагают пути их умозрительного разрешения, что способствует повышению мотивации и стимулированию речевой активности обучающихся.

Controlled discussion (учебная дискуссия) направлена на вовлечение студентов в активное обсуждение разных точек зрения по той или иной проблеме, побуждение их к осмыслению аргументации чужой и своей позиции, на стимулирование познавательного интереса.

Der Redestab (говорящая палка) – метод развития свободного говорения. Говорящий держит в руках палку-указку или нечто похожее, высказывает собственное мнение по проблеме. После этого он передает жезл речи. Суть метода заключается не только в том, чтобы говорить, но и в том, чтобы сконцентрироваться на монологе, на теме, наиболее важной в момент говорения.

Ролевая игра – это упражнение, в котором обучающиеся, исполняя попеременно различные социальные и психологические роли, осваивают общение в пределах социального контакта и в условиях, максимально близких к условиям реального общения [5].

Методы организации взаимоконтроля в формировании готовности студентов к самоконтролю

Рецензирование – метод взаимоконтроля устных ответов друг друга. Главная цель любого рецензирования – удостовериться и в случае необходимости добиться от автора следования стандартам, принятым в конкретной области или науке в целом.

Методы организации самостоятельной работы в формировании готовности студентов к самоконтролю

Переработка и синтезирование полученной информации, а также соблюдение определенного порядка работы, четкости, краткости, точности изложения – очень важные и неотъемлемые операции самоконтроля [6], которые могут быть сформированы при выполнении следующих упражнений.

Consciousness-raising activities Упражнения на осознание языковой формы высказывания способствуют более полному и глубокому пониманию языкового явления, его осмысленному усвоению, более точному использованию в речи, влияют на формирование механизма самоконтроля за собственной речевой деятельностью, поскольку они содержат образцы аутентичной речи, отбираемые из компьютерной базы данных, и позволяют обучающемуся, самостоятельно выводит правило в результате наблюдения за образцами речи.

Мозговой штурм – это коммуникативное упражнение, в ходе которого студенты разрабатывают семантические поля на определенную тему. Результаты представляются в графически упорядоченном и логически связанном виде.

Method 635 (Метод 635) Суть метода заключается в том, что шесть участников получают лист бумаги с таблицей. Таблица состоит из 18 ячеек с тремя столбцами и шестью строками. Каждому участнику предлагается сформулировать в первой строке по заданному вопросу три идеи (по одной на каждый столбец). Лист передается через три-пять минут по часовой стрелке участникам. Каждый участник должен попытаться подобрать, дополнить и развить уже упомянутые идеи.

Mapping / Mind-mapping Составление семантической карты / интеллектуальной карты – упражнение, в котором, как и при «мозговом штурме», реализуются приемы порождения семантических ассоциаций. Основные понятия обсуждаемой темы или проблемы представляются в графически упорядоченном и логически связанном виде.

Таким образом, самооценка и самоконтроль являются важным компонентом учебной деятельности студентов. Необходимым условием для успешного осуществления данных действий являются умение выделять наиболее существенные моменты в учебном материале, активизация познавательной деятельности студентов, развитие умений действовать в ситуации выбора, повышенная концентрация внимания и ответственности. Предложенные в данной статье методы аудиторной работы на занятиях по иностранному языку призваны сформировать готовность студентов к самооценке и самоконтролю.

Список литературы

1. Бердичевский, А.Л. Русский язык: сферы общения / А. Л. Бердичевский, Н. Н. Соловьева. - М.: Русский язык. 2002. - 150 с.
2. Миллер Дж. Психолингвисты // Теория речевой деятельности / Под.ред. А.А. Леонтьева. М., 1968.
3. Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / Сост. Леонтьев А.А. – М.: Рус.яз., 1991(Методика и психология обучения иностранным языкам). – 360 с.
4. Панина Т.С. Современные методы активизации обучения: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Т. С. Панина, Л. С. Вавилова - М.: Академия, 2006. - 176 с.
5. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989.
6. Чурекова Т.М., Съедина Н.В. Методы формирования готовности студентов к самоконтролю в процессе обучения / Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1. С 105-108.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Я.В. Борушкова

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
факультет иностранных языков,
кафедра французского языка,
Москва, deneb743@gmail.com

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ СТРАН ЗАПАДНОЙ АФРИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АФРИКАНСКИХ ВАРИАНТОВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

В работе представлены характеристика и лексико-семантические особенности языковой картины мира в ораторской речи политических деятелей франкоговорящих стран Западной Африки, также были рассмотрены понятия «картина мира», «национальная языковая картина мира», «речевое воздействие».

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, национальная языковая картина мира, ораторская речь, речевое воздействие, культурный социум, язык.

В современном многополярном мире, когда межнациональное сотрудничество имеет политическое, экономическое, социальное и культурное значение и ведет к постоянному расширению и укреплению языковых контактов, необходимость исследования языковой картины мира значительно возросла.

Многие отечественные ученые (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, О. А. Корнилов, Е. С. Кубрякова и др.) внесли серьезный вклад в изучение данного вопроса. Некоторые исследователи (М. В. Завьялова, Ю. А. Рылов и др.) обратились к сопоставительному анализу языковой картины мира народов, говорящих на разных языках, уделяя особое внимание лексике и стилистике, поскольку именно в лексико-семантических и стилистических особенностях наиболее ярко выражена самобытность языковой картины мира отдельного культурного социума.

Предметом исследования является ораторская речь политических деятелей на материалах выступлений, опубликованных в официальных местных интернет-изданиях. Возрастающая роль политики в жизни общества и ее влияние на события мирового масштаба, а также специфика развития французского языка и формирование языковой картины мира в африканских франкоязычных странах обуславливают актуальность нашей работы и ее теоретическое и практическое значение.

Новизна исследования заключается в анализе африканских вариантов французского языка, в частности, особенностей французского языка в ораторской речи политических деятелей стран Западной Африки.

Цель данного исследования мы видим в выявлении лексико-семантических особенностей языковой картины мира в ораторской речи политиков африканских франкоязычных стран.

На протяжении всей своей жизни человек накапливает знания об окружающем его мире, основываясь на своих ощущениях, восприятии, понимании происходящих событий и изменений. Он размышляет о смысле жизни и месте человека во Вселенной. Как замечает швейцарский психолог М. Босс: «То, что необходимая структура человеческого бытия состоит из понимания бытия — это не теоретический постулат, а факт» [8]. Таким образом, формируется картина мира человека. В картине мира заключается "специфика человека и его бытия, взаимоотношение его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [7].

Важной составляющей человеческого мышления, которая участвует в формировании картины мира, является язык. В нем отражаются особенности национальной культуры, «полноценное знакомство с которой обязательно предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, не только знание ее исторической, географической, экономической и прочих детерминант, но и попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры, с их «точки зрения». Сделать это можно не иначе как узнав язык, на котором говорят представители данного культурного социума» [3, с. 78]. Следовательно, к одной из составляющих картины мира можно отнести языковую картину мира. В нашем исследовании мы опираемся на определение языковой картины мира, данное З. Д. Поповой и И. А. Стерниным: «Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [6].

В национальных языковых картинах мира содержится общественно-исторический опыт отдельного культурного социума. Это значит, что нормы поведения, взгляды на жизнь, видение предметов и явлений, система ценностей, мироощущение, менталитет народа отражаются в национальном языке, и поэтому так важно рассматривать национальную языковую картину мира, ибо общезыковая картина мира по сути своей крайне абстрактна и ее практически невозможно рассматривать без привязки к конкретному языку. Конечно, некоторые ученые (А. Вежбицкая) придерживаются мнения, что существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура, что указывает на «психологическое единство человечества». Тем не менее, «все то, что находится за пределами единого понятийного базиса (т. е. все национально-специфические нюансы мироосмысления, мироощущения и мирооценки), накладывается на универсальную логико-понятийную основу и образует ту часть национальной языковой картины мира, которая и несет в себе национальную специфику и которая заставляет усомниться в реальности проникновения в эту сферу носителей другой культуры и другого сознания» [3, с. 141]. Язык подобен «призме», через которую человек воспринимает окружающую действительность, и которая влияет на формирование самобытного мышления представителей разных культур. Но и культура и исторический опыт народа, в свою очередь, оказывают влияние на язык, призванный, помимо коммуникативной задачи, генерировать и накапливать этническое знание, являющееся языковой картиной мира данного социума.

Ярким примером такого явления взаимопроникновения культуры и языка можно назвать французский язык, который представлен не только на своей исторической родине, во Франции, но и в других странах мира. Вместе с тем необходимо отметить, что на каждом из ареалов распространения он характеризуется фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями. Так, франкоговорящие страны Западной Африки имеют общую колониальную историю. Французский язык появляется на этих территориях вместе с колонизаторами в конце XIX века и постепенно начинает претерпевать изменения в новых условиях. После освобождения в странах Африки сначала отмечается тенденция к отказу от французского языка и переходу на местные национальные языки. Но позднее стало ясно, что эту задачу осуществить непросто. В большинстве африканских стран население разговаривает на разных местных языках и диалектах, в связи с чем результатом выбора официальным лишь одного из местных языков могло стать ущемление интересов значительной части населения. Также следует отметить неспособность местных языков выполнять все необходимые функции в условиях современного государства. Так, например, отсутствие современной терминологии в высокоинтеллектуальных сферах могло бы привести к неспособности государства должным образом адаптироваться к стремительно изменяющейся общественной формации. Французский язык же обладает всеми

необходимыми качествами для выполнения роли официального государственного или вспомогательного языка в сфере публичного общения. Оказавшись в новых условиях, где литературным языком владела лишь «элита общества», он стал претерпевать серьезные изменения на бытовом уровне общения, где фонетика, грамматика и лексика подверглись огромному влиянию со стороны местных языков. Перед нами яркий пример того, как взаимодействуют языки в одном культурном социуме, но мы наблюдаем уже взаимодействие не только языков, а языковых картин мира, их воздействие друг на друга. Уже сложившаяся культура меняет новый язык, но меняется и картина мира людей с появлением и развитием нового языка в их культуре.

Рассматривая особенности национальной языковой картины мира в франкоязычных странах Западной Африки, мы бы хотели остановиться на ораторской речи политических деятелей этих стран. Политика играет одну из ключевых ролей в жизни человеческого общества, оказывает влияние на общественную и частную жизнь человека. В эру информационных технологий, когда информация стала распространяться во все уголки государства, политическая жизнь оказалась на виду у всех слоев населения. Поэтому сейчас для политических деятелей так важно находиться в постоянном взаимодействии с людьми, оказывать влияние на формирование общественного мнения, манипулировать настроениями народных масс. Ораторская речь стала не только способом «эффективного выражения мысли определенного содержания перед относительно компетентной аудиторией, имеющей сравнительно высокий уровень речевой культуры» [4], но и средством общения с народом, когда политик должен уметь донести свою мысль до людей, прибегая к различным способам речевого воздействия. По мнению О.С. Иссерс речевым воздействием можно назвать «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности, планируемой эффективности» [2]. Для политического деятеля важно построить свою речь таким образом, чтобы аудитория не воспринимала его позицию, как навязанную ей, а скорее, как свою собственную. «Если вы обнаружили что-то свое в том мире, который «рисует» ваш партнер, убеждение состоялось» [1].

К одному из способов речевого воздействия можно отнести внушение. Е.В. Шелестюк понимает под этим термином «воздействие на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающее воздействие на его ум, волю, поведение и осуществляющееся за счет ослабления контрольно-регулятивной функции сознания, снижения сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания благодаря отсутствию целенаправленного активного понимания, развернутого логического анализа и оценки со стороны реципиента» [9]. Если убеждение предполагает логическую аргументацию, приведение доказательств и обращение к рациональному мышлению, что обычно мы наблюдаем во время дебатов, прений, иногда интервью, то к внушению зачастую политические деятели прибегают в своих выступлениях перед аудиторией особенно во время обращений к народу со сцены или в средствах массовой информации.

Так, министр сельского хозяйства Республики Кот-д'Ивуар Кобенан Аджумани выступил с речью перед народом в связи с возросшей критикой со стороны некоторых политиков, в том числе представителей оппозиции, в адрес работы правительства и объявления премьер-министром о своем решении перейти на самоизоляцию из-за пандемии коронавируса. В своем обращении министр не раз прибегал к лексическим приемам речевого воздействия, учитывая специфику картины мира реципиента в лице взрослого населения Кот-д'Ивуара.

Au lieu de formuler des prières pour que Dieu Tout Puissant le préserve, on préfère libérer des commentaires qui transpirent la haine et le mépris. Quelle société sommes-nous en train de devenir ? – Вместо того, чтобы молить Всевышнего о нашем спасении, мы предпочитаем распространять высказывания полные ненависти и презрения. В какое общество мы превращаемся?

La victoire contre ce virus n'est pas un vœu pieu, il dépend avant tout du comportement de tout un chacun. – Победа над вирусом – не просто иллюзорное желание, все зависит в первую очередь от поведения каждого из нас.

Несмотря на то, что Республика Кот-д'Ивуар является светским государством, исторически сложилось, что население этой страны и, в целом, всего региона долгое время являлись язычниками, и вера в высшие силы у большинства укоренилась в подсознании. Аджумани не раз обращается к такой лексике, чтобы затронуть чувства людей, изменить их восприятие ситуации. (*formuler des prières/prier* – молиться, *Dieu Tout Puissant* – Бог всемогущий, *un vœu pieu* – утопичная мечта/иллюзорное желание (лексема «vœu/ букв. обет, зарок/ также содержит в себе религиозную семантику), *toucher du bois* – трогать дерево/стучать по дереву (суеверный жест, применяемый, чтобы отогнать зло)).

Car, et je touche du bois, si le Gouvernement venait à échouer et que le virus se répandait partout, ce serait l'anéantissement total, l'hécatombe. – Потому что, не дай Бог, если политика Правительства провалится, и вирус распространится по всей стране, то это обернется массовой гибелью, бойней.

Министр употребляет гиперболические выражения, что диктуется стремлением убедить, поразить аудиторию, воздействовать на эмоции. Неслучайно выбор его падает на слова *anéantissement total* (массовое уничтожение/гибель), *hécatombe* (бойня, массовое убийство), когда жителей Кот-д'Ивуара объединяет еще не забытое жестокое колониальное прошлое и постоянные гражданские войны. В сочетании с выражением *je touche du bois* эффект эмоционального воздействия от данной фразы лишь усиливается.

Как мы уже упоминали, в Кот-д'Ивуаре и в регионе, в целом, долгое время было распространено язычество, а именно традиционные религии, включающие в себя разнообразные представления, относящиеся к шаманизму, анимизму, тотемизму, культу предков, культу вождей и др. Верования эти давно стали частью культуры народа, мироощущения и мировосприятия, что несомненно нашло отражение и в языке.

Il y'a comme des forces occultes, tapies dans l'ombre, mais que l'on distingue clairement, qui prient pour que le Gouvernement échoue dans cette guerre contre le coronavirus. – Словно существуют скрытые силы, притаившиеся в тени, но ясно различимые нами, которые молятся о поражении Правительства в этой войне против коронавируса.

Quand le Président de la République, SEM Alassane Ouattara prend un décret pour gérer plus efficacement la situation, il y a de petits «sorciers» qui se livrent à des incantations bizarres dont l'objet consiste à jeter le discrédit sur les plus hautes autorités de l'Etat,... – Когда Президент Республики Его превосходительство Алаассан Уатара принимает экстренные меры для более эффективного контроля над ситуацией, появляются «колдунишки», которые творят странные заклятия с целью подорвать доверие к высшему руководству государства.

Здесь министр Кобенан Аджумани включает в свою речь целый стилистический прием прототипную метафору, которая является отражением коллективного сознания, поскольку выражает социокультурные установки и ценностные ориентиры общества. Прототипные метафоры в ораторских речах отражают, прежде всего, картину мира тех, к кому они направлены. Именно поэтому мы наблюдаем использование такой лексики как *forces occultes* – тайные силы (учитывая особенности картины мира реципиента, автор отдал предпочтение прилагательному *occulte*, значение которого включает такие семы как оккультный, тайный, скрытый, а не *clandestin* – тайный, скрытый, подпольный), *de petits «sorciers»* – «колдунишки» (*sorcier* – колдун, чародей, знахарь), *incantations bizarres* – странные заклятия (*incantation* – колдовство, чары; заклинание, заклятие).

Таким образом, ораторская речь политических деятелей франкоязычных стран Западной Африки насыщена лексикой, отражающей национальную языковую картину мира населения этого региона. Использование такой лексики в политическом тексте представляет собой не только возможность привлечь внимание и перестроить мышление реципиента (потенциальных избирателей), но даже манипулировать адресатом, а именно избирателями, воздействие как на сознательный, так и бессознательный уровень психики реципиента.

Мы считаем, что национальная языковая картина мира содержит в себе уникальную проекцию бытия, поскольку именно язык выполняет важную функцию генерирования и передачи от поколения к поколению комплекса знаний и представлений отдельного культурного социума о мире. Поэтому следует отметить значимость исследований в данной области и подчеркнуть необходимость дальнейшего изучения ораторской речи политических деятелей франкоязычных стран Западной Африки ввиду уникальной языковой картины мира данного языкового сообщества.

Список литературы

1. Бушев А.Б. Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. М., 2018, с. 138.
2. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М., 2009, с. 20.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е издание, М.: ЧеРО, 2003. – с. 78, с. 141.
4. Кохтев Н.Н. Ораторская речь: стиль и композиция. М., 1992. – с. 9-10
5. Кубряков Е.С. Роль словообразования в формировании картины мира. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 142 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – науч. издание. - Воронеж, 2007. - с. 38.
7. Постовалова В.И. Картина мира и жизнедеятельности человека// Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира/ отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. с. 11.
8. Сидорова Н.А. Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации: дис. д-р. филол. наук: 10.02.19. - Военный университет, Москва, 2011 - с. 23.
9. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие. Онтология и методология исследования. М., 2014, с. 48.

Ссылки на интернет-источники

10. «L'Intelligent d'Abidjan» (Quotidien Ivoirien d'informations générales) Статья «Covid 19-Kobenan Adjoumani: «Certains médias essaient de saboter les efforts contre la maladie» от 25.03.2020 (<https://www.lintelligentdabidjan.info/news/covid-19-kobenan-adjoumani-certains-medias-essaient-de-saboter-les-efforts-contre-la-maladie/>)

10.02.19

В.В. Лебедева, О.И. Томтосова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра восточных языков и страноведения,
Якутск, levik93@inbox.ru; scovorodosyan@gmail.com

КОНЦЕПТ «ИСКУССТВО» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена исследованию концепта «искусство» в корейском языке. Исследование проведено на материале анализа ассоциативного опроса корейцев по методу анализа гештальта Ю.Н. Караулова. В результате анализа выявляются признаки, которые являются ядром и периферией концепта «искусство» в языковом сознании корейцев.

Ключевые слова: *концепт, искусство, корейский язык, семантический гештальт, ядро, периферия.*

Изучение проблемы влияния языка на когнитивные процессы стоит в науке уже очень давно, начиная с гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа, которая определяет мышление как структуру языка. Даже сейчас лингвисты всего мира пытаются понять, как функционирует язык в процессе создания определенных концептов, понятий или категорий в человеческом сознании. Одним из важнейших вопросов в их исследованиях является определение того, в какой степени язык влияет на сознание, и наоборот, сознание – на язык, а также соотношение степени взаимного влияния. В связи с этим исследование концепта в современной лингвистике является одним из актуальных тем в науке о языке.

В рамках данной статьи проводится исследование концепта «искусство» в языковом сознании носителей корейского языка на материале ассоциативного опроса. Опрос был проведен среди корейцев на основе интернет-платформы Google, на основе которого мы получили 170 реакций. Опрос состоял из 15 слов, среди которых были 5 слов-стимулов концепта «искусство / 예술»: «숨씨 / умение», «요령 / главная мысль, смысл», «재능 / талант», «지식 / познание», «기술 / технология» [4].

Для обработки полученных материалов опроса с целью анализа концепта нами была использована модель семантического гештальта Ю.Н. Караулова.

Первоначальная структура любого концепта имеет для человека вид гештальта (нем. Gestalt – «образ», «вид»), не имеющего собственного специального плана выражения и являющийся «чистым содержанием». То есть единицы гештальта целостны и не могут существовать вне целого [1, с. 149]. «Семантический гештальт» это метод классификации ассоциативного поля, на основе которого возможно выделить «ядерные» и «периферийные» признаки концепта. Для анализа ассоциаций Караулов Ю.Н. предлагает разделить полученные данные на семантические зоны, которые можно составить на основе вопросительных местоимений: 1) кто; 2) что; 3) какой; 4) что делать;

Ю.Н. Караулов считает, что «семантический гештальт» наиболее эффективный метод анализа и структурирования материалов различных языков в исследованиях посвящённых национально-культурным особенностям языкового сознания. Так как семантический гештальт обладает такими характеристиками, как комплексность, вариативная гибкость и функциональность, то он более целесообразен [2, с. 191-206].

Таким образом, полученные реакции корейцев на слова стимулы концепта «искусство» мы распределили по семантической близости, выделив семантические признаки. Концепт «искусство» в языковом сознании носителей корейского языка по результатам данного распределения можно представить в виде окружности (рис. 1).

Рис. 1 – Ассоциативное поле концепта «искусство»

Как мы видим, из Рис. 1 ядром концепта «искусство» в корейском языке является признак «навык таланты», вошедшие в него реакции: 능력 / способность 3,42 %, 일 / дело 3,14 %, 재주 / талант 1,13 %, 뛰어나다 / превосходить 3,14 %, 알다 / знать 1,57 %.

На ближней периферии находится признак «культура» и «наука»: 미술 / изобразительное искусство 2,55 %, 요리 / готовка 2,27 %, 작품 / произведение 1,57 %, 전시 / выставка 1,57 %, также: 공부 / учеба 3,12%, 학교 / школа 2,27 %, 과학 / наука 2,27 %.

На дальней периферии находится такой признак как «качество»: 노련함 / искусный 1,99 %, 예쁘다 / красивый 1,57 %, 아름다운 / прекрасный 1,4 %.

Крайняя периферия признак «чувства»: 생각 / мысль 1,57 %, 의미 / значение, смысл 1,4 %, 열정 / страсть 0,28 %.

Стоит отметить, что вся лексика корейского языка делится на три большие группы: исконно-корейская лексика, сино-корейская лексика (한자어) и заимствования из иностранных языков (차용어) [3, с. 83]. В данной работе мы используем слово «예술» для обозначения понятия «искусство» в корейском языке. «예술» – является словом, составляющие которого относятся к сино-корейской лексике и могут записываться китайскими иероглифами 藝 (심을 예) – «чувство» и 術 (재주 술) – «дарование» [5].

В этой работе для детерминации слова «예술 / искусство» мы привели дефиниции из различных толковых словарей корейского языка. Описания, приведённые в словарях, помогут получить не только лингвокультурное определение, но и общую информацию о понятии, которое сложилось в науке этой страны. Для исследования мы использовали определения таких толковых словарей корейского языка как: Большой стандартизированный словарь корейского языка <표준국어대사전>, электронный словарь корейского языка Таым <다음국어사전>, электронный словарь «Ури маль сэм» <우리말샘>.

Дефиниции слова «искусство» в вышеперечисленных словарях:

1. 예술 (藝術) Искусство:

1) *сущ. слово, означающее объединение талант и способности;*

2) *сущ. особенный материал, мастерство, манера и так далее, продукт объективизации ощущений человека, его выражение представлений о красоте. Используется в таких выражениях как «искусство среды» и «синтетическое искусство»;*

3) *сущ. слово, которым в метафорическом смысле называют технику, полученную посредством опыта в возвышенном направлении* [6].

2. 예술 (藝術) Искусство:

1) *сущ. в переносном смысле, внешний вид, вкус и все то, что относят к очень высокому уровню* [8].

3. 예술 (藝術) Искусство:

1) *сущ. продукт всей человеческой активности, всё созданное человеком, с целью творчества и выражения самого себя;*

2) *сущ. в переносном смысле, некий выдающийся талант или способность, грациозные и прекрасные предметы;*

3) *сущ. слово, объединяющее эстетику и технику* [7].

Из представленных выше дефиниций искусства мы видим, что наиболее частым толкованием этого слова являются таланты и способности, и такие выражения как: «продукт человеческой активности». Мы можем сделать вывод о том, что в научном понимании искусство – это именно то, что создано человеком, плод человеческого прогресса и эстетики.

Таким образом, в результате проведенного морфолого-синтаксического анализа полученных реакций в ходе ассоциативного опроса корейцев, мы пришли к выводу о том, что в корейском языке ядро концепта «예술 / искусство» представлено признаком «навык, таланты». Это является подтверждением того, что корейцы воспринимают искусство через навыки и таланты, которыми обладает человек. Для них искусство не теоретическая, а прикладная категория.

Список литературы

1. Друзина Н.В. Концепт: понятие, структура, типология // Вестник саратовского государственного социально-экономического университета, Саратов: 2005, №10. С. 177.
2. Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ, Братислава. М., 1999 – 409 с.
3. Jae Jung Song. The Korean Language: structure, use and context / Jae Jang Song / New York: Routledge, 2005. – 182 с.
4. ABC Thesaurus 동의어 사전: URL: https://korean.abcthesaurus.com/browse_synonyms/synonyms_for_ (дата обращения: 31.03.2020).
5. 네이버 한자 사전 URL: <https://hanja.dict.naver.com/word?q=藝術> (дата обращения: 31.03.2020)
6. 국립국어원 표준국어대사전 URL: https://stdict.korean.go.kr/search/searchView.do?word_no=238898&searchKeywordTo=3 (дата обращения: 02.12.2019)
7. 국립국어원 우리말샘 URL: https://opendict.korean.go.kr/search/searchResult?focus_name=query&query=예술 (дата обращения: 02.12.2019)
8. 다음국어사전 URL <https://alldic.daum.net/word/view.do?wordid=kkw000184614&supid=kku000232686> (дата обращения: 02.12.2019)

10.02.19

**Т.Б. Маклакова канд. филол. наук, Ю.В. Туфанова канд. филол. наук,
М.Н. Чупановская канд. филол. наук**

Иркутский государственный университет,
Международный институт экономики и лингвистики,
кафедра лингвистики и лингводидактики,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков,
Иркутский государственный университет,
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации,
кафедра русского языка и общего языкознания,
Иркутск, tanya-834@mail.ru, ttufanova@mail.ru, mariya-chupanovskaya@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Статья посвящена описанию особенностей функционирования лингвистической вежливости в условиях виртуальной коммуникации. Авторы рассматривают вербальные и невербальные способы выражения вежливости с коммуникативно-прагматической точки зрения. На основе анализа полученных эмпирических данных было выявлено, что в ситуации молодёжного виртуального общения стандартные этикетные формы вежливости подвергаются значительной трансформации, а также дополняются или замещаются невербальными компонентами.

Ключевые слова: *лингвистическая вежливость, виртуальная коммуникация, молодёжь.*

Коммуникация (общение) является неотъемлемой частью жизни человека и базисным элементом существования любого общества. Именно поэтому исследования проблем человеческого общения привлекают внимание представителей самых разных научных направлений. Одной из ключевых черт современной лингвистики является направленность на комплексное изучение языкового общения. Так, в лингвистической прагматике межличностное общение исследуется в комплексе с основными видами человеческой деятельности [8]. Наиболее эффективной линией поведения признается стремление коммуникативных партнеров к «кооперации» или сотрудничеству. Кооперативное коммуникативное поведение подразумевает координацию своего поведения с действиями собеседника, соблюдение принципов взаимоуважения и доброжелательности.

Как и любое другое действие, общение имеет свою цель. Цель его заключается в «передаче/получении/обмене информацией», то есть в том или ином «воздействии на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» [3, с. 79]. При этом вежливость, как линия поведения, максимально учитывающая чувства и интересы собеседников, способствует достижению целей коммуникации. Являясь универсальным способом сохранения социальной гармонии в обществе, лингвистическая вежливость способствует эффективному взаимодействию собеседников и успешной реализации их коммуникативных намерений [6].

Таким образом, актуальность выбранной темы определяется: 1) направленностью современной лингвистики на исследование вопросов межличностной коммуникации; 2) необходимостью расширения знаний о закономерностях осуществления процесса человеческого общения; 3) значимостью вежливости в различных сферах человеческого общения; 4) всё большим переходом коммуникативного процесса в виртуальную среду.

Основной целью работы является выявление коммуникативно-прагматических особенностей вербального выражения вежливости в ситуации виртуального общения в молодёжной среде.

Рассматривая лингвистическую вежливость в ситуации виртуальной коммуникации, необходимо, прежде всего, определить суть понятия вежливости. Вежливость относится к личностным характеристикам человека, показывает его моральную зрелость. Вежливый человек – «соблюдающий правила приличия, воспитанный, учтивый» [4, с. 72]. Лингвистическая вежливость в свою очередь – это «проявление уважения к партнеру, выраженное с помощью языковых единиц» [6, с. 51]. Вежливость – это одно из моральных качеств человека, которое оказывает влияние его поведение. Однако нередко люди соблюдают общепринятые нормы и правила поведения, поскольку «предпочтительнее всего подгонять свое поведение под более или менее устоявшиеся формы, за которые никто не отвечает» [5, с. 609].

Что касается коммуникативного поведения молодых людей, то оно, напротив, отличается тем, что, зная коммуникативные правила и нормы, молодежь нередко предпочитает эти нормы нарушать. Нормой коммуникативного поведения считается уместное употребление формул вежливости.

Лингвистическая вежливость отличается устойчивой прикреплённостью к определенным коммуникативным ситуациям, модели которых имеются в нашем языковом сознании. Ситуация виртуальной коммуникации имеет свои особенности и отличительные черты [10].

Виртуальная коммуникация – это дистанционное общение при помощи электронных средств связи в социальных сетях и мессенджерах. Необходимость приспособиться к этой ситуации определяет выбор варианта вербального и/или невербального (эмоджи) выражения речевой интенции коммуникантов. Основными признаками виртуальной коммуникации в молодёжной среде являются дистанционность (использование социальных сетей и мессенджеров) и неофициальность общения. В подобных ситуациях такие формулы вежливости, как приветствие, прощание, комплимент, извинение, выражение благодарности, поздравление позволяют адресанту акцентировать внимание на своих коммуникативных интенциях, сообщить о доброжелательном и уважительном отношении к собеседнику. Иначе говоря, с помощью формул вежливости адресант показывает адресату своё отношение к нему.

Можно утверждать, что воздействие на адресата в ситуации виртуального общения осуществляется в том числе при помощи эмоций [9]. Используя формулы вежливости, адресант воздействует на адресата, желая так изменить его эмоциональное состояние, чтобы это способствовало достижению поставленных целей. Стоит отметить, что, помимо эмоционального также здесь присутствует и рациональный фактор. При этом адресат может использовать различные способы воздействия. Так, употребление, помимо непосредственно формул вежливости, слов-интенсификаторов, повторов, невербальных компонентов (эмоджи) увеличивает воздействие всего сообщения.

Для того чтобы выявить коммуникативно-прагматические особенности вербального выражения вежливости в ситуации виртуального общения в молодёжной среде, было проведено исследование (анкетирование) среди студенческой молодёжи города Иркутска. Респондентам была предложена анкета, представленная в таблице 1.

Таблица 1.

Учебное заведение	
Факультет/институт	
Пол	
Возраст	
1. Какие вежливые слова вы используете в реальном повседневном общении со сверстниками?	
2. Какие вежливые слова вы используете в повседневном виртуальном общении со сверстниками?	
3. Для чего молодые люди используют (если используют) вежливые слова в повседневном реальном общении со сверстниками?	
4. Для чего молодые люди используют (если используют) вежливые слова в повседневном виртуальном общении со сверстниками?	

В анкетировании приняли участие студенты Иркутского государственного университета, Иркутского Национального Исследовательского Технического Университета и Иркутского государственного университета путей сообщений, в количестве 500 человек.

Анализ полученных данных показал, что большая часть (около 85%) респондентов считают вежливость необходимым компонентом общения, не только в реальной жизни, но и в виртуальной (интернете). Что косвенно подтверждает данные опроса ВЦИОМ (Всероссийского центра изучения общественного мнения) 2019 года. Согласно которому более половины (52%) россиян характеризуют молодежь как культурную и **вежливую** часть населения [1]. Тем не менее, наше исследование показало, что около 15% опрошенных студентов не видят особой необходимости в использовании вежливых слов.

В большинстве случаев воздействие на адресата в ситуации виртуального общения носит комплексный характер и включает не только вербальные, но и невербальные (эмодзи) компоненты. Итоги проведенного исследования согласуются с тезисом о том, что «типичными мотивами человеческого поведения являются следующие: уберечься от плохого, сохранить хорошее, добиться лучшего» [2, с. 103]. Большинство (85 %) респондентов считают, что своевременное и уместное использование вежливых слов помогает сохранять добрые взаимоотношения, демонстрировать симпатию и избегать конфликтов.

Неофициальность общения определяет употребление стилистически сниженных средств выражения лингвистической вежливости. В частности, употреблением *ты*-форм. В повседневном реальном общении молодые люди обычно (83%) используют такие вежливые слова как: *здравствуй, привет, спасибо, большое спасибо, пожалуйста, спокойно ночи, поздравляю, удачи, благодарю, приятного аппетита, извини, прости меня* и другие.

Проанализированные данные показали, что в условиях виртуальной коммуникации, прослеживается отчётливая тенденция к сокращению вербальных форм выражения вежливости, которые сохраняют при этом свою смысловую нагрузку, например: *пж (пожалуйста), спс (спасибо), споки (спокойно ночи), с др (с днём рождения)* и другие.

Таким образом, очевидны существенные различия между формами выражения вежливости, используемыми в реальном и виртуальном общении современной молодёжи. В реальной коммуникации употребляются стандартные этикетные формулы вежливости, в то время как в виртуальном общении они подвергаются значительному сокращению и трансформации, а также дополняются или полностью замещаются невербальными компонентами (эмодзи).

В целом речевое поведение молодого человека в ситуации виртуального общения является отражением уровня его культуры, накопленного жизненного опыта и индивидуальных особенностей его коммуникативной личности. Использование формул вежливости помогает молодому человеку выражать свои коммуникативные намерения в форме, приемлемой в данной ситуации и в данном сообществе.

Список литературы

1. ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения), 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9772> (дата обращения: 22.01.2020)
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: УРСС, 2003. – 285 с.
3. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / ред. и пер. А. Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
6. Туфанова Ю.В. Функциональные особенности лингвистической вежливости в коммуникативной ситуации извинения // Вестник ИрГТУ. – Иркутск: ИрГТУ, 2014. – Вып.2. – С. 316-321.
7. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
8. Brown, P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: CUP, 1994. – 345p.
9. Halperin E., Tagar M.R. “Emotions in conflicts: understanding emotional processes sheds light on the nature and potential resolution of intractable conflicts // Current Opinion in Psychology. Science Direct. 2017. Vol. 17. P. 94-98. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352250X16302111> (дата обращения: 28.01.2020)
10. Wu J., Mattingly E., Kraemer P. Communication in virtual environments: The influence of spatial cues and gender on verbal behavior // Computers in Human Behavior. Elsevier. 2015. Vol. 52. P. 59. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563215004203> (дата обращения: 28.01.2020)

10.02.19

В.Г. Моргун

Сибирский федеральный университет, ИФиЯК,
кафедра теории германских языков,
Красноярск, morgun.vichka@bk.ru

«НАЦИОНАЛЬНОЕ» И «УНИВЕРСАЛЬНОЕ» В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА КИТАЯ

В результате «реформы открытости» в Китае сформировались: школа советской теории перевода, школа западной (универсальной) теории перевода и школа теории перевода с китайской спецификой. В статье даётся анализ универсальных и национальных аспектов переводоведения.

Ключевые слова: *теория перевода, перевод, советская школа переводоведения, западная школа перевода, школа перевода с китайской спецификой.*

С началом политики реформ и открытости в Китае перевод стал неотъемлемой частью взаимосвязанных процессов глобализации, интернационализации и локализации. После открытия границ в Китае возросли потребности международных контактов во всех сферах человеческой жизнедеятельности, что стало мощным стимулом для роста теоретических исследований переводческой деятельности и изучения особенностей искусства перевода в КНР. Теория перевода в Китае – это развивающееся направление, которое на основе анализа текущих проблем переводоведения, формирует новые перспективы развития китайских переводческих исследований, концепций и идей.

В работах Сюй Цзюня отмечается, что китайские учёные недостаточно внимания уделяют фундаментальным вопросам перевода, поскольку «не имеют высокой теоретической чувствительности и склонности переводчика к межкультурным исследованиям» [25]. Однако, Ван Дунфэн утверждает, что переводческие проблемы в КНР требуют междисциплинарных исследований и сравнительно-сопоставительного анализа с зарубежными теориями перевода. Учёный считает, что китайские исследователи должны иметь всесторонне развитую систему знаний (специфичную китайскую), чтобы преодолеть односторонность и субъективность перевода [27]. Основной целью китайских переводоведов является описание теоретических основ, принципов и факторов развития перевода в перспективе трёх существующих направлений на территории КНР, а именно: школы советской теории перевода, школы западной (универсальной) школы перевода и школы теории перевода с китайской спецификой [28].

Советская теория перевода оказывает большое влияние на формирование и развитие новой теории перевода в Китае: до «культурной революции» советская теория перевода обеспечивала китайских исследователей справочным и учебным материалом, который позволял изучать перевод и его особенности в КНР. В научных статьях современные китайские переводоведы полагаются на идеи советских теоретиков: Л.Н. Соболева, М.М. Морозова, Л.С. Бархударова, Г.Р. Гачечиладзе, И.А. Кашкина, З.Д. Львовской, А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова, Н.М. Любимова, Л.А. Черняховской, Р.К. Миньяр-Белоручева [26].

В начале 50-х гг. XX в. китайские учёные позаимствовали у советской школы теории перевода два основных направления: лингвистическую теорию перевода и художественную теорию перевода. Вместе с тем лингвистическая теория перевода позволила осознать китайским учёным важность термина «перевод», что вследствие позволило изучить теорию перевода в Китае в «速成儿童» (процессе быстрого взросления) [1]. В то время как, художественная теория перевода была трактована как единый эталон, согласно которому необходимо было соблюдать эстетику языка в бытовом, официально-деловом и художественном стилях [13].

Более того, китайский теоретик Линь Юйтан выделил три основных принципа достижения достоверности перевода: 忠实 (искренность), 声音 (звучание), 美 (красота) [4]. Также на основе двух этих течений китайские переводоведы изучили и переосмыслили дефиниции: «эквивалентность», «прагматика перевода» В.Н. Комиссарова, «описательный перевод» Л.С. Бархударова, «социальные маркеры языка», «денотат», «референт» А.Д. Швейцера, которые позже использовались Сюй Дяосянем в работе «Исследование зарубежной теории перевода», Сай И и Дуань Цзиньхуа в «Советская теория перевода» [33].

Позже современные представители советской школы перевода в КНР во главе с Ван Лэем, Дуань Цзиньхуа, Цай И, Ян Ши модернизировали в своих исследованиях основные советские идеи и концепции: 1) проблематику изучения перевода; 2) теоретические основы перевода; 3) исследование процесса перевода; 4) стандарты перевода [27].

Другой важный момент состоит в том, что особое внимание китайские переводоведы уделяли частной теории перевода в аспекте русско-китайской языковой пары, поскольку некоторые положения советских теоретиков не соотносились с грамматикой и синтаксисом китайского языка, а именно:

- сбалансированность теоретического материала (возникает необходимость отойти от советских учений и увеличить число китайских исследований в разделе теории перевода);
- изучение основной проблематики перевода, например: преобразование перевода, оценка перевода, стандарты перевода, культура перевода и психология перевода;
- описание взаимосвязи между писателем и переводчиком;
- влияние представителей советско-российской теории перевода на формирование переводческих дисциплин и практик перевода в Китае;
- описание советской теории перевода в КНР с точки зрения конструирования мышления и динамического развития перевода [34].

Представители западной (универсальной) школы теории перевода в КНР утверждают, что «... в мире не существует теоретической модели перевода, применимой к различным языковым системам и типам языков», однако в настоящее время «Китай имеет тенденцию рассматривать достижения или модели индоевропейской теории перевода как «универсальную» истину» [35].

С развитием новых западных направлений в теории перевода основной задачей китайских учёных стало описание существующих школ теории перевода на территории КНР и интегрирование задач и методов исследования перевода в китайский язык и культуру. Так, например, Тан Зайси отметил, что западная школа теории перевода в Китае изучает новые концепты развития современного перевода, а именно: теорию множественной комплементарности и теорию гармонии как переводческий стандарт [22]. Первая теория отвечает за передачу функций и эстетики перевода, в то время как вторая – за связь переводчика и читателя.

Ли Венге разделив западную теорию перевода на несколько направлений, отметил, что китайские представители внесли особый вклад в теорию перевода, исследовав положения межъязыкового перевода как основного аспекта переводоведения в Китае после «реформы открытости», в котором возникает «необходимость новых норм и критериев перевода» [18]. То есть, переводовед настаивает, чтобы теория перевода изучалась только в разрезе китайской языковой реалии, поскольку реалии отражают национальную специфику культуры: устойчивое выражение 低头族 («нация повисших голов») означает представителей нового поколения, которые всё время проводят за телефоном [5]. Более того, теоретические исследования должны быть систематизированы, а перевод необходимо исследовать с точки зрения культурологии [21].

Таким образом, необходимо отметить, что теория перевода Китая имеет много общего с западной: 1) первые теоретические материалы были взяты из пособий и учебников западных учёных, 2) переводоведы выделяли свод законов и правил перевода; 3) одной из ключевых задач остаётся исследование «смыслового» / «дословного» перевода [24].

В качестве отличительных черт данных школ необходимо указать разные способы анализа перевода. Китайские переводоведы универсальной школы перевода в Китае полагаются на 悟性思维 (мышление восприятия), в то время как западные представители на 理性思维 (мышление разума). Вторым наиболее важным отличием модернизированной западной школы в Китае является способ описания теорий и их положений. Универсальная школа использует расширенный терминологический аппарат, конкретизирует каждую отдельную проблему теории перевода, в то время, как задачей западной школы переводоведения в Китае является донесение мысли простыми словами [19].

«Переводоведение с китайской спецификой» – это уникальное переводческое направление в Китае, которое заключается в переходе от западных учений к собственно китайским с учётом таких факторов, как 民族 (национальность) и 特点 (особенность) [32]. В связи с этим современные китайские переводоведы отмечают три основных причины для создания школы теории перевода с китайской спецификой:

1. Китайский язык и китайская культура – уникальны, в связи с чем теория перевода в КНР должна иметь собственный характер.

2. «Китайские особенности переводческой науки» – это новое мышление, новая перспектива в построении теоретического дискурса перевода в КНР [20].

Китайский теоретик Чжан Байран также отмечает, что существовали другие основания и предпосылки к формированию китайской переводоведческой школы:

1. Большое количество теоретического материала по переводу китайского языка, его диалектов, языков меньшинств, которые требуют обработки и систематизации.

2. Проведение реформы «открытости», в связи с чем укрепилось сотрудничество китайских учёных с зарубежными коллегами, информационный обмен стал общедоступным.

3. Изучение междисциплинарных связей переводоведения с такими науками как: лингвистика, психология, социология, антропология, педагогика и другие [31].

Одной из центральных особенностей китайского переводоведения является восприятие метафоричности термина «перевод» и его интерпретация в разрезе современных парадигм и методов исследования. В то время как зарубежные учёные утверждают, что перевод – это «не наука, а искусство» (оригинал: *not a science but an exact art*) [14], «вся письменность – это перевод» (оригинал: *all writing is translation*) [8], китайские деятели дают более яркое описание данному термину.

Так, например, Кумараджива ещё в IV в. сравнил процесс перевода с «кормлением людей пережёванной пищей» – 有似嚼飯與人 [12]. Данная метафора описывает процесс перевода с позиции восприятия исходного текста переводчиком. Дао Ань сравнивает перевод с «разбавленным вином» – 葡萄酒之被水者也 [9], объясняя, что целевой текст – это вода, которая не похожа на оригинал – вино. Китайский переводовед Сён Хуэй утверждает, что «перевод – это процесс создания картины» – 翻譯應當像臨畫 [16]. Переводчик – это «художник», который подбирает лексические и грамматические единицы как краски для холста. Таким образом, китайские учёные доказывают то, что сущность переводческой деятельности может рассматриваться в разных ипостасях, а поле для различных интерпретаций и осмыслений теории перевода практически безгранично.

С начала 1980-х годов в Китае большая часть внимания уделялась направленности перевода – переводу с иностранного языка на целевой язык и наоборот [7]. Из-за недостатка теоретических основ и справочных материалов многие китайские учёные ощутили необходимость сформулировать положения направленности, основными терминами которого стали 译入 – «внутренний» перевод, 译出 – «внешний» перевод.

Китайские практики и теоретики рассматривают «внутренний» перевод как поступательный акт, посредством которого иностранная культура проникает в китайскую культуру – сопоставим со стратегией доместикации; «внешний» перевод рассматривается как поступательный акт, посредством которого китайская культура перемещается в мировую культуру и теории перевода.

Так, например, Вэй Чэнби в своей работе отметил, что основной задачей переводчиков является трансформация текстов, согласно культурным особенностям, то есть используя стратегии «внутреннего» или «внешнего» перевода: 已分付催花莺燕借春看 / «Then the command your oriole and the swallows to hasten the flowers of spring» («внутренний» перевод: «I've told the swallows to lend us a view of spring») / «Тогда приказываю твоим иволге и ласточке поторопить весенние цветы» («внутренний» перевод: «Я сказал, что с приходом ласточек мы увидим весну») [29]. Лексема 莺燕 в переводе с китайского языка означает вид весенних птиц «иволга-ласточка», которые знаменуют приход весны. Поскольку в европейской культуре данной лексической единицы не существует, то китайские переводчики использовали «внешний» перевод для передачи культурных особенностей.

Более того, «внутренний» перевод – это исследование онтологии, которое является основной задачей в исследовании перевода, базовой теоретической модели перевода, сущности перевода, принципов, стандартов, переводческого мышления, вопросов переводимости и другое. «Внешний» перевод – это изучение перевода в междисциплинарной перспективе, исследования по вопросам повышения квалификации переводчиков, составления справочных и учебных материалов по переводу [15].

В 2020 году китайскими учёными были рассмотрены проблемы возвращения к фундаментальной философии прикладных переводческих исследований, проблемы профессионального образования переводчиков, а также определены направления его развития с точки зрения отраслевых и стратегических потребностей страны. Принятый в 2015 году «Национальный стандарт качества обучения переводчиков в Высшей школе» оказывает большое влияние на современные концепции и модели профессионального образования переводчиков, педагогическую концепцию и другое. Количество и доля научных работ по художественному переводу сократились в 2015 году, но остаются важной областью переводческих исследований [25].

Китайские учёные отмечают, что в настоящий момент основной задачей теории перевода с китайской спецификой является достижение баланса между наследованием традиционных китайских идей и внедрением зарубежных концепций, между популяризацией национальных особенностей и уважением к универсальности перевода, между заимствованием идей перевода и развитием национальных теоретических концепций [23]. Так, например, китайские переводоведы выделили 5 современных направлений школы теории перевода с китайской спецификой: 1) исследование аудиовизуального перевода; 2) экотранслатология, 3) лингводидактика перевода (создание пособий по теории перевода); 4) образовательные стандарты по подготовке педагогических кадров в сфере переводоведения; 5) исследования в области лингвистических услуг [34].

В современной реалии аудиовизуальный перевод с/на китайский язык является одной из самых трудных задач современников, поскольку китайский язык имеет большую разницу в темпе речи и средней длине языковых сегментов. Основными проблемами китайских переводчиков и теоретиков являются 1) отсутствие модели анализа и перевода текстов с/на китайский язык; 2) отсутствие переводческой компетенции и 3) лакуарность в языке и культуре [6].

Согласно второму направлению китайской школы теории перевода, а именно экотранслатологии, перевод – это процесс адаптации текста в условиях новой переводческой экосреды; в то время как экосреда – эта коммуникативная ситуация, основные компоненты которой: текст, автор, переводчик, рабочие языки, социальные/культурные аспекты [10]. Модель экотранслатологии в Китае отличается от западной теории транслатологии тем, что первая ориентируется на переводчика как на объекте [11], а вторая фокусируется на исходный и целевой тексты [10]. Основными проблемами китайских переводчиков и теоретиков данного направления являются 1) переводческие искажения; 2) низкая степень адаптивности переводчика; 3) искажение/игнорирование языковых и культурных составляющих текстов.

Стоит отметить, что в настоящее время китайское правительство и образовательные учреждения работают над созданием пособий и учебников, описывающих систему теории перевода и практику [30], поскольку пособия не соответствуют современным стандартам. Более того, из-за отсутствия прикладных материалов в китайско-русской паре возникают затруднения в понимании специфики перевода, транслатологии отдельных типов текста и языковых фигур [1]. В связи с этим учёные отмечают необходимость создания учебников согласно следующим критериям: 1) учебники, ориентированные на обучение навыков разных видов перевода; 2) в учебниках должен быть включён спектр разных жанров текстов, но с единой тематикой; 3) учебники, ориентированные на специализацию учащегося [2].

Направление образовательных стандартов в сфере переводоведения в Китае приобретает особую актуальность в связи с тем, что не имеет достаточно развитое научно-методологическое обоснование [3]. В настоящий момент в Китае создаются Ассоциации специалистов перевода, Государственные комитеты образования по обучению иностранным языкам на локальном уровне, что не является достаточным для организации профессионального обучения по специальности «Перевод» [1].

Китайский деятель Гу Сяюнь отмечает, что отрасль лингвистических услуг выходит далеко за рамки традиционной индустрии перевода и становится важной частью глобализации [17]. Для ведения профессиональной деятельности переводчика на территории КНР после окончания университета необходимо получить сертификат Всекитайского переводческого экзамена (全国翻译专业资格 / CATPI), который бы подтверждал категорию 三级译 (3-я категория) / 二级译者 (вторая категория) / 一级译者 (первая категория) / 高级译者 (наивысшая категория).

Основными факторами исследования данной сферы являются: 1) малоизученность индустрии перевода в Китае; 2) экономическая глобализация (увеличение языковых пар для ведения международного бизнеса); 3) развитие компьютерных технологий в сфере услуг.

Таким образом, в связи с уязвимостью объяснительного потенциала западных и советских теоретических концепций в отношении частной теории перевода китайского языка, а также лакуарности китайских теоретических исследований в настоящее время в Китае возникает собственное национальное направление теории перевода с «китайской спецификой». Основными составляющими развития китайской науки о переводе и её становления в мировой практике являются: заимствование и модернизация зарубежных задач и методов исследования, синтез полученных знаний и сохранение китайской традиции.

Список литературы

1. Ван М. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2014. – 158 с.
2. Ван Ш. Особенности учебных пособий по обучению устному переводу для китайских студентов-филологов // Преподаватель XXI век. – 2016. – С. 178–184.
3. Ван Я. Исследование преподавания устного перевода с русского языка // Преподавание русского языка в Китае. – Пекин, 2003. – С. 8–15.
4. Линь Ю. О переводе. – Чанчунь, 1984.
5. Привороцкая Т.В. Языковые реалии как отражение национально-культурной специфики на материале рассказа Лу Синя «Лекарство» // Молодой ученый, 2015. – № 10 (90). – С. 1434–1437. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/90/18828/> (дата обращения: 23.04.2020).
6. Привороцкая Т.В., Гураль С.К. Обучение аудиовизуальному переводу посредством анализа кинодискурса. – 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journals.tsu.ru/uploads/import/1387/files/033-171.pdf> (дата обращения: 19.04.2020).
7. Beeby A. Direction of translation (directionality). In: Mona BAKER, ed. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. – London/New York: Routledge, 1998. – P. 63–67.
8. Chesterman A. Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory. – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – P. 14.
9. Dao A. Biqui dajie xu. In: Luo, X. (ed). Fanyi Lunji (An Anthology of Essays on Translation). – Beijing: The Commercial Press, 1984. – P. 27–28.
10. Hu G. Translation as Adaption and Selection // Perspectives: Studies in Translatology. – 2003. – Vol. 11 (4). – P. 287.
11. Hu G. Translato-Centredness // Perspectives: Studies in Translatology. – 2004. – Vol. 12 (2). – 192 p.
12. Kumārajīva. 4 th Century. Wei seng rui lun xifang citi (On style). In: Luo, Xi. (ed). Fanyi Lunji (An Anthology of Essays on Translation). – Beijing: The Commercial Press, 1984. – 32 p.
13. Liu M. Ptospects of theoretical studies on translation // Chinese Translators Journal, 1996. – № 6 (2).
14. Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation. – Oxford: OUP, 1975. – P. 295.
15. 阿依达得。浅谈从中国翻译理论的发展看中国翻译的发展方向。[Айдад. О направлении развития китайского перевода]. – 理论广角, 2014年。 – 224页。
16. 顧美芬。我成了翻譯:從事口譯及筆譯的心路歷程。[Гу Мейфен. Я стал переводчиком: мысленное путешествие, связанное с толкованием и переводом]. – 道聲出版, 2010 – 238页。
17. 郭晓勇。中国语言服务行业发展状况、问题及对策。[Гуо Сяюун. Состояние развития, проблемы и меры противодействия индустрии обслуживания на китайском языке]. – 中国国际语言服务行业大会上的主旨发言, 2010。
18. 李文革。西方翻译理论流派研究。[Ли Венге. Исследование западных теорий перевода]. – 北京: 中国社会科学出版社, 2004年。 – 53–56页。
19. 刘必庆。汉英对比研究与翻译。[Лю Мицин. Сравнительный анализ перевода китайского и английского языков]. – 南昌, 1991。 – 125页。
20. 鲁伟, 李德凤。中国特色的翻译学: 误区还是必然? [Лу Вэй, Ли Дефэн. Переводческие исследования с китайскими характеристиками: недоразумение или неизбежность?]. – 中国科技翻译, 2010。 – 第 2。 – 11–14页。
21. 潘文国。当代西方的翻译学研究兼谈“翻译学”的学科性问题。[Пан Венго. Проблематика современного западного переводоведения]. – 中国翻译, 2002 (1)。 – 6页。
22. 谭载喜。西方翻译简史。[Тан Зайси. Краткая история западного перевода]. – 北京: 商务印书馆, 2004年。 – 10–14页。

23. 谭载喜。中国翻译研究 40 年：作为亲历者眼中的译学开放、传承与发展。[Тан Зайси. 40 лет китайских переводческих исследований: открытость, наследование и развитие переводческих исследований]. – 外国语, 2018 年。 – 第 41 卷第 5 期。 – 2–8 页。
24. 吴义诚。中西翻译理论的比较。[У Ичэн. Сравнение китайских и западных теорий перевода]. – 外国语。 – 第三期。 – 47–51 页。
25. 许艺, 刘建珠, 赵护林。中国翻译研究年度评析 2014: 特点、问题与趋势。[Сюй Йи, Лю Цзяньчжу, Чжао Хулинь. Ежегодный обзор китайских исследований перевода 2014: особенности, проблемы и тенденции]. – 广东外语外贸大学学报, 2015 年。 – 第 5 期。 – 60–64 页。
26. 杨仕章。俄罗斯语言翻译学研究。[Ян Шижан. Теория перевода в России]. – 外语与外语教学, 2005。 – 第 5 期。 – 第 194 期。 – 51–55 页。
27. 王东风。中国翻译研究的过去, 现在与未来。[Ван Дунфэн. Прошлое, настоящее и будущее китайского перевода]. – 外国语, 2014 (4)。 – 7–8 页。
28. 王寅。认知翻译研究: 理论与方法。[Ван Инь. Исследование когнитивного перевода: теория и методы]. – 外语与外语教学, 2014 (2)。 – 1–8 页。
29. 魏城堡。论牡丹亭 英译策略的运用和局限。[Вэй Чэнби. О применении и ограничениях стратегии перевода на английский язык]. – 2011 年。 – 第 4 卷。 – 第 1 期。 – 162–168 页。
30. 张柏然。建立中国特色翻译理论。[Чжан Байран. Создание теории перевода с китайскими особенностями]. – 常州工学院学报(社科版), 2008 年。 – 第 26。 – 卷第 3 期。 – 79–83 页。
31. 张柏然, 姜秋霞。对建立中国翻译学的一些思考。[Чжан Байран, Цзян Цюся. Некоторые мысли об организации изучения китайского перевода]. – 中国翻译, 1997 (2)。 – 7–9 页。
32. 张娜娜, 王磊。论俄罗斯三位翻译家的翻译语用学思想。[Чжан Нана, Ван Лэй. О переводческой прагматике мыслей трёх русских переводчиков]. – 山东电力高等专科学校学报, 2011。 – 26–30 页。
33. 张南峰, 陈德鸿。西方翻译理论精选。[Чжан Наньфэн, Чэнь Дэхун. Избранные западные теории перевода]. – 香港: 香港城市大学出版社, 2000 年。 – 186 页。
34. 赵云龙。中国翻译学研究十五年 (2001–2015)。[Чжао Юньлун. Пятнадцать лет изучения китайского перевода (2001–2015)]. – 中国翻译, 2017 (1)。 – 11–17 页。
35. 朱纯深。走出误区踏进世界。中国译学: 反思与前瞻。[Чжу Чуньшен. Выйти из недоразумения и шагнуть в мир. Китайские переводческие исследования: размышления и перспективы]. – 中国翻译, 2000 (2)。 – 2–9 页。

10.02.19

Е.О. Чурюканова канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево, edellvise@yandex.ru

ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы вариативности языка, включая территориальную и социальную разновидности. Анализируются вопросы соотношения языка, варианта, субъязыка. В связи с чем, одним из аспектов вариативности определяются гендер как критерий языковых различий. Анализируются вопросы соотношения мужского и женского гендерлектов. Рассматриваются проблемы мужской и женской речевой стратегии. В основу исследования положена гипотеза, что язык мужчины и женщин носит дифференцирующий характер на всех языковых уровнях. Приводятся примеры гендерных различий в речевом поведении на уровне произношения. В статье анализируются психолингвистические связи различий гендерлектов с социальным статусом мужчины и женщины.

Ключевые слова: язык, вариант, субъязык, гендер, речевая стратегия, произношение, уровни языка, вокабуляр, культурный фон, феминизм, патриархальность.

Английский язык представляет собой весьма неоднородное явление. Зачастую стандарт, принятый за основу в методическом аспекте, имеет своё вариативное проявление в различных формах существования английского языка. Неоднородность, вариативность связана с тем, что общеанглийский язык, как некий эталон, стандарт, подвержен различным дифференцирующим процессам, что связано с его функционированием в разных регионах земного шара. Безусловно, носители различных территориальных вариантов не будут испытывать трудности в общении друг с другом, однако, определённые лингвистические факторы, или языковые маркеры – фонетические, лексические, грамматические – будут выполнять роль некоторых сигналов о принадлежности к другой национальности.

Большинство ученых склоняются к тому, что основное различие между вариантами общеанглийского языка кроется на лексическом уровне. Этот факт обусловлен разным культурным, или экстралингвистическим фоном, который детерминирует развитие и пополнение словаря. Само понятие культурный фон свидетельствует о тесной связи между языком (или вариантом языка, и людьми, говорящими на этом языке. Поскольку язык функционирует только в социуме, является самым важным орудием коммуникации между людьми, то именно культурного фона предопределяет варьирование национального словаря. Культурный фон, или экстралингвистическая реальность, определяется всеми гранями человеческого бытия, начиная от бытовых понятий и заканчивая явлениями высокого искусства. Будучи частью социума, разделяя его интересы или конфликтуя с ним, человек является носителем собственной культуры, уровень которой предопределяется воспитанием, образованием, внутренними потребностями и особенностями индивида.

Таким образом, лексический слой языка, детерминированный субъективными и объективными культурными факторами, является самым разнообразным в сравнительном аспекте.

Анализ вариативности в языке или варианте языка является довольно традиционным. Это определяется тем, что языковая стабильность не является присущим языку явлением, скорее приходится говорить о языковом разнообразии, формировании константных вариантов языковой реальности.

Одним из актуальных на сегодняшний день разделов языкознания является гендерная лингвистика, призванная ответить на вопрос, какова доля женского и мужского начал в языке. Известно, что мужчины и женщины по-разному воспринимают действительность и оперируют фактами действительности. Это обусловлено женскими и мужскими психотипами. Психотипы детерминируются определенными чертами характера, манерой общаться, наличием интересов, что в совокупности формирует модели речевого поведения. Модель речевого поведения зависит от возраста, жизненного опыта, воспитания, культурных традиций и прочих условий жизни. Таким образом, нельзя утверждать о наличии чисто женского речевого психотипа или мужского речевого психотипа. В нашей статье мы попытаемся представить самые общие речевые характеристики, свойственные мужчинам и женщинам в целом. Речевая гендерная вариативность – это важнейший образующий фактор любого национального языка или варианта языка.

Актуальным на сегодняшний день является анализ гендерных особенностей, или гендерлектов, поскольку современное общество подвергает тщательному анализу реализации феминистических принципов не только в жизни, но и в языке. Будучи изначально патриархальным, общество детерминировало мужское начало и в языке, с доминированием мужских форм в лексике и грамматике. Особенно ярко данный факт находит своё подтверждение в пословицах и поговорках, которые, как известно, выражают народную мудрость, например:

He laughs best, who laughs last (Хорошо смеется тот, кто смеется последним), где и в английском, и в русском вариантах наблюдается обобщение по мужскому типу. Сюда же относится целый ряд примеров: He, who knows everything, knows nothing. (Тот, кто знает все, не знает ничего). He that mischief hatches mischief catches

Есть и женские варианты поговорок, например: Necessity is the mother of invention (Сравните русский вариант: Голь на выдумки хитра).

В языке превалирует мужское сознание при образовании грамматических форм и конструкций. Особенно отчетливо это проявляется в связи с личными местоимениями в нейтральных (неопределенно-личных) предложениях, например: If anyone comes late, he should apologize.

Предложения, построенные по мужскому типу, так же как и словообразовательные модели по мужскому типу (businessman, chairman), вызывают нападки со стороны феминистически настроенных лиц. В связи с этим явлением новым для современного английского языка является образование словообразовательных и синтаксических моделей по женскому типу (businesswoman, chairwoman); If anyone is ready, she can handle in the results of the test. Таким образом правомерно говорить о существовании чисто женских и чисто мужских моделей в английском языке.

Рассмотрим явление гендерных особенностей на различных уровнях языка. Вполне прогнозируемы дифференцирующие элементы на лексическом уровне. Мужской гендерлект (языковой вариант, дифференцирующийся по половому признаку) отличается силовым, брутальным аспектом. Поэтому выражение Oh, my Gosh! (О, Боже!) несколько умаляет мужское достоинство. Сюда же относятся словообразовательные модели уменьшительно-ласкательного характера (например, cutie).

Особенность социальных вариантов заключается в том, что дифференциация наблюдается внутри одного языка, поэтому актуальным представляется анализ причин возникновения различий внутри одной социальной группы.

Гендерные различия весьма объективны. Женская и мужская реальности, находящиеся в привычном нам смысле в непосредственной связи, всё же имеют разные природы существования, что не может не повлиять на орфоэпическую и фонетическую сторону речи.

Несомненно, различные природные характеристики накладывают отпечаток на стиль произношения мужчин и женщин. Гендерная фонетика изучает языковую дифференциацию речи по половому признаку. Выделяются мужская и женская фонетические субкультуры. Основой фонетических различий служит, прежде всего, исторически обусловленное

неравное положение мужчин и женщин. Изначально женщина занимала вторичное положение в обществе, поэтому и речь женщины во многом определялась социальными запретами. На современном этапе общественного развития женщина всё более приравнивается к мужчине.

Если попытаться сравнить гендерные различия мужского и женского произношения в английском языке, то можно отметить, что женщины выбирают более престижный (нормированный) вариант произношения, то есть избегают использования просторечных, стилистически сниженных или диалектических вариантов. Например, звук [ŋ], встречающийся в финальной позиции слов, имеет свой диалектный, или просторечный, антагоним [n], что свойственно для некоторых диалектов, например, кокни. Женщины и мужчины имеют отличительные черты произношения этих антагонимов: если мужское произношение характеризуется более просторечным [n] – [sprɪn], то женщины предпочитают более престижный, нормированный вариант [sprɪŋ]. То же самое можно отметить в случае произношения инициального [h]. Известно, что диалектное произношение характеризуется нулевой формой звука [h] в начале слов, например, [ho:s] – [o:s], [haus] – [aus], что типично для речи кокни. Мужчины и женщины выбирают разные варианты произнесения этих слов: если речь мужчины характеризуется нестандартным произношением, то женщины предпочитают использовать нормированный, более престижный вариант.

Психологи связывают нормированность женского произношения с воспитательной функцией женщины в семье и в профессиональной сфере. Общеизвестным является тот факт, что женщина проводит в семье, с детьми, больше времени, чем мужчина, в связи с чем ей приходится доминировать в исполнении воспитательной роли в семье, где женщина насаждает некий поведенческий и речевой (произносительный) стандарт. То же самое можно отметить и в профессиональной деятельности женщины. Поскольку работа учителя, воспитателя, няни, гувернантки предполагает женскую модель социального поведения. Отсюда общество детерминировало женщину на выполнение этой социальной роли, где она закладывает нормы, или стандарт как повседневного (социального) поведения, так и речевого.

Необходимо отметить, что указанная особенность является стереотипной, во многом определяется воспитанием, социальным статусом, средой. Фонетические особенности речи являются весьма динамичными, подверженными изменениям, разного рода ассимиляциям, что весьма затрудняет их анализ и описание произносительной стороны речи в целом. Однако гендерные различия в произношении являются неоспоримым фактом и их дальнейшее описание представляет несомненный интерес для языкознания.

Список литературы

1. Barber Charles, *Linguistic Change in Present-day English*. London: Oliver & Boyd, 1964. – 154 p.
2. Coggle Paul *Do You Speak Estuary?: The New Standard English - How to Spot it and Speak*. (Paperback, 1993)
3. *Cruttenden Alan*. *Gimson's Pronunciation of English* 7th edition. — Hodder Education Publishers, 2008. — 384 p.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Р.Р. Хуснулина
«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В
ИНТЕРПРЕТАЦИИ КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА
ЦЗАН ЧЖУНЛУНЯ

Ключевые слова: трансформации, характер, находки, перевод, отражать, методология.

В статье рассматривается специфика функционирования переводческих преобразований в переводе Цзан Чжунлунем повести Ф.М. Достоевского «Записки из подполья». Цзан Чжунлунь не только перевёл «Записки из подполья», но и прямо указал на характер главного героя этой. Он назвал свой перевод «Раздвоение личности» (2004). По нему можно также определить, как развивалась переводческая наука в Китае; как Цзан Чжунлунь отразил историко-методологические основы перевода своего времени.

Е.Л. Александров, С.Ю. Яблонская
ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ
ПОЗИЦИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ»
(НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ВЗГЛЯДОВ Ф. ДОСТОЕВСКОГО)

Ключевые слова: духовно-нравственные категории, соборность, компетентностный подход.

В работе представлены философские идеи Ф. Достоевского, дающие вариант авторитетного ответа на вечные вопросы бытия, способствующие формированию мировоззренческой позиции студентов при изучении дисциплины «Философия».

Е.Л. Александров, С.Ю. Яблонская
ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ КОМПЕТЕНЦИИ
ТОЛЕРАНТНОГО ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И
КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ НА ПРАКТИЧЕСКИХ
ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ (НА
ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»)

Ключевые слова: гуманизм, патриотизм, интернациональное братство, компетентностный подход.

В работе представлен анализ идейно-художественного своеобразия повести А. Платонова «Джан», пронизанной идеями гуманизма, патриотизма, интернационального братства как вариант реализации компетенции толерантного восприятия социальных и культурных различий на практических занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи».

Е.П. Гурова
ПОВЕСТЬ Ф.М. РЕШЕТНИКОВА «ПОДЛИПОВЦЫ»: НОВОЕ
ПРОЧТЕНИЕ

Ключевые слова: «Подлиповцы», художественное пространство, народное восприятие, реализм, мифологизм.

Фигуры писателей-шестидесятников многочисленны во второй половине XIX века, но при этом до настоящего времени малозаметны. Малоисследованы их наследия и зачастую локализованы; ограничен круг тем, затронутых исследователями.

Данная статья посвящена новому взгляду на творчество Ф.М. Решетникова и новому прочтению его повести «Подлиповцы».

А.А. Красноярова
«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
1940–2010-х гг.

Ключевые слова: «китайский текст», «тематический текст», Китай в русской литературе, образ Китая, история развития «китайского текста», русская литература XX – XIX века.

В статье представлен анализ китайского текста в русской литературе, 1940 – 2010 гг. В современном литературоведении стало широко распространенным исследование различных вариантов «тематических текстов», среди которых новым

R.R. Khusnulina
"NOTES FROM THE UNDERGROUND" BY
F.M. DOSTOEVSKY IN THE INTERPRETATION OF THE
CHINESE TRANSLATOR TSANG ZHONGLUN

Keywords: transformations, the character, foundations, translation, to reflect, methodology.

The article deals with the specifics of the functioning of translation transformations in Tsang Zhonglun's translation of Dostoevsky's novel "Notes from the underground". Zang Zhonglun not only translated "Notes from underground", but also directly pointed out the features of the main character. He called his translation "Split personality" (2004). It can also determine how translation science developed in China; how the Tsang Zhonglun reflected the historical and methodological foundations of translation in their time.

E.L. Aleksandrov, S.Y. Yablonskaya
EXPERIENCE OF FORMATION A WORLD-VIEW POSITION
AS A KEY COMPETENCE OF THE "PHILOSOPHY"
DISCIPLINE (ON THE EXAMPLE OF THE SYSTEM OF
VIEWS OF F. DOSTOEVSKY)

Keywords: spiritual and moral category, collegiality, competence-based approach.

The paper presents the philosophical ideas of F. Dostoevsky, giving a variant of an authoritative answer to the eternal questions of being, contributing to the formation of the students worldview when studying the discipline "Philosophy".

E.L. Aleksandrov, S.Y. Yablonskaya
FORMATION OF STUDENTS COMPETENCE OF
TOLERANT PERCEPTIONS OF SOCIAL AND CULTURAL
DIFFERENCES IN PRACTICAL LESSONS IN RUSSIAN
LANGUAGE AND SPEECH CULTURE (ON THE EXAMPLE
OF ANALYSIS OF THE NOVEL OF
A. PLATONOV "DZHAN")

Keywords: humanism, patriotism, international brotherhood, competence-based approach.

The paper presents an analysis of the ideological and artistic originality of A. Platonov's novel "Jan", which is imbued with the ideas of humanism, patriotism, and international brotherhood as a variant of implementing the competence of tolerant perception of social and cultural differences in practical classes in the discipline "Russian language and culture of speech".

E.P. Gurova
THE STORY OF F.M. RESHETNIKOV «PODLIPOVTSY»: NEW
READING

Keywords: «Podlipovtsy», art space, popular perception, realism, mythologism.

The figures of sixties writers are numerous in the second half of the 19th century, but at the same time they are still hardly noticeable. There are few studies of their heritage and are often localized; limited range of topics raised by researchers.

This article is devoted to a new look at the work of F.M. Reshetnikov and a new reading of his story «Podlipovtsy».

A.A. Krasnoyarova
«CHINESE TEXT» IN RUSSIAN LITERATURE 1940–2010's.

Keywords: "Chinese text", "thematic text", China in Russian literature, the image of China, the history of the development of the "Chinese text", Russian literature of the XX - XIX century. *The article presents an analysis of the Chinese text in Russian literature, 1940 - 2010. In modern literary criticism, the study of various versions of "thematic texts" has become widespread, among which the "Chinese text" is a new direction. The "Chinese text" of Russian literature (starting from the first decades of the*

направлением является «китайский текст». «Китайский текст» русской литературы (начиная с первых десятилетий XIX в.) был ориентирован на активное взаимодействие с «массовой» литературой и соотносится с проблемами межкультурной коммуникации и транскультурного диалога, с постановкой и решением проблемы понимания – непонимания, возникающей между отдельными людьми и народами. В настоящей статье рассматривается история развития «китайского текста» русской литературы в 1940 – 2010-е гг. и выделяется несколько периодов, каждому из которых дано определённое условное название.

В.А. Гапутина, Е.А. Будник
«INSTAGRAM» КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС:
ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ТЕХНОЛОГИИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ БЛОГОВ

Ключевые слова: социальные сети, Инстаграм, лингвистические блоги

В настоящей статье рассматривается образовательный потенциал лингвистического блога @great_russian, созданного на платформе социальной сети «Instagram» в России. Авторы статьи приходят к выводу, что контент постов блога, соответствующий актуальным вопросам современной лингвистики, игровые принципы подачи материала, публикация заданий и опросов стимулируют интерес читателей к русскому языку и творческому познанию, способствуют повышению уровня грамотности.

Аль-хадитхи Басим Хашиа Абдулраззак
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ РЯД БРАТ, БРАТИШКА,
БРАТЕЦ, БРАТУШКА... КАК ОБРАЩЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: лексическая семантика, прагматика, термина родства, обращение.

В статье рассматривается структура и прагматическая семантика имен родства открытого лексического ряда: брат, братишка, братец, братушка... как обращения в современном русском языке ... Выделяется 5 основных прагматических зон семантики обращений: временная, возрастная, социальная, гендерная и культурно-языковая. Отмечается, что содержание прагматической семантики обращений важно как при обучении русских, так и иностранных студентов.

Е.Е. Дымонт
СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ПЕРФЕКТНЫХ СЛОВОФОРМ
С ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ В
ТЕАТРАЛЬНОМ МОНОЛОГЕ А. БАРИККО «НОВЕЧЕНТО»

Ключевые слова: перфект, перфектное значение, акциональный перфект, экспериенциальный перфект.

Рассматриваются основные способы передачи перфектного значения в русском тексте, переведенном с итальянского, на материале перевода театрального монолога современного итальянского писателя А. Барикко. Выявляется специфика оттенков перфектного значения, передаваемых русскими словоформами, в сопоставлении с итальянским перфектом.

М.Ю. Масалова, С.В. Шелковникова
ПУНКТУАЦИОННЫЕ И ИНТОНАЦИОННЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ДЕОМОНИМИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ
СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Ключевые слова: деомонимизация, пунктуация, интонация, знаки препинания, сложные синтаксические конструкции, запятая, точка, точка с запятой.

В статье рассматриваются основные закономерности устранения синтаксической неоднозначности с помощью знаков препинания на письме и интонации в устной речи. Доказано, что использование определенных пунктуационных средств зависит от структуры предложения. Особое внимание уделяется деомонимизации усложненных сложных синтаксических конструкций, обладающих многослойной семантикой и объемной структурой.

19th century) was focused on active interaction with "mass" literature and correlated with the problems of intercultural communication and transcultural dialogue, with the formulation and solution of the problem of understanding - misunderstanding that arises between individuals and peoples .

This article discusses the history of the development of the "Chinese text" of Russian literature in the 1940–2010s. and there are several periods, each of which is given a specific conditional name.

V.A. Gaputina, E.A. Budnik
INSTAGRAM AS AN EDUCATIONAL RESOURCE:
HEURISTIC POTENTIAL AND TECHNOLOGIES OF
LINGUISTIC BLOGS

Keywords: social network, Instagram, linguistic blog.

This article discusses the educational potential of the @great_russian linguistic Instagram blog. The authors of the article come to the conclusion that the content of the blog posts corresponding to the relevant issues of modern linguistics, the gaming approach of material submission, the posts of tasks and surveys stimulate readers' interest in the Russian language and creative knowledge, and contribute to increasing the level of literacy.

Al-hadithi Basim Khashea Abdulrazzak
WORD-FORMATION SERIES BROTHER, BROTHER,
BROTHER, BROTHER ... AS TREATMENT IN MODERN
RUSSIAN

Keywords: lexical semantics, pragmatics, kinship terms, conversion.

The article considers the structure and pragmatic semantics of kinship names of an open lexical series: brother, brotishka, brotushka.... as addresses in modern Russian ... there are 5 main pragmatic zones of the semantics of addresses: temporary, age, social, gender, and cultural-linguistic. It is noted that the content of pragmatic semantics of appeals is important both for teaching Russian and foreign students.

E.E. Dymont
WAYS TO TRANSLATE PERFECT WORD FORMS FROM
ITALIAN TO RUSSIAN IN A. BARIKCO'S THEATRICAL
MONOLOGUE «NOVECENTO»

Keywords: perfect, perfect value, perfect action, perfect experientially.

Russian translation of a theatrical monologue by a contemporary Italian writer A. Barikko is used as the main means of transmitting the perfect meaning in a Russian text translated from Italian. The author reveals the specifics of the shades of perfect meaning transmitted by Russian word forms in comparison with the Italian perfect.

M.Y. Masalova, S.V. Shelkovnikova
PUNCTUATION AND INTONATION PECULIARITIES OF
AMBIGUITY AVOIDANCE IN COMPLEX SYNTACTIC
CONSTRUCTIONS

Keywords: ambiguity avoidance, punctuation, intonation, punctuation marks, complex syntactic constructions, comma, full point, semicolon.

The paper considers the main ways of avoiding syntactic ambiguity in writing and of intonation in oral speech. It is proved that the usage of certain punctuation means depends on sentence structure. Special attention is given to ambiguity avoidance in complex syntactic constructions that have complex semantics and an extended structure.

Сюе Вэньбо

АНАЛИЗ ЭМОТИВНОГО КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ*Ключевые слова: структура концепта, модель интерпретации концепта, «любовь», культурная значимость.**Данная статья посвящена изучению структуры эмотивного концепта «любовь» в русском языке в лингвокультурологическом аспекте. По теориям лингвокультурологии у концепта многомерная структура. С одной стороны, в работе рассматриваем структуру концепта; с другой стороны, анализируем этимологию, словарные толкования и геистальты эмотивного концепта «любовь» для того, чтобы полностью выявить соответствующую концептуальную структуру, в которой отражаются специфики национальной культуры русского народа.*Р. П. Аведова, Л. А. Водяницкая, Л. Н. Горгадзе
ЯЗЫКОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ В КОНТЕКСТЕ
ИНТЕРАКЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ*Ключевые слова: дискурс, коммуникация, прием, принцип, интеракция, контекст.**В статье исследуются принципы и приемы языкового воздействия в рамках дискурс анализа; анализируются внутренние особенности коммуникативного акта; воздействие коммуникантов на процесс интеракции. В исследовании рассматривается обусловленность выбора тех или иных коммуникативных стратегий, влияние контекста на принятие коммуникативных решений. В качестве основных, основополагающих условий для создания позитивной, продуктивной интеракции в исследовании выделяются структурное присутствие, имплицитная актуализация и эмоциональная содержательность.*

Р.П. Аведова, А.Д. Мельник

ФРАЗЕОСХЕМА «Was für + Sub₁₋₄!»² В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ:
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ, СТРУКТУРНЫЙ,
СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*Ключевые слова: фразеосхема, фразеосинтаксическая схема, синтаксическая фразеология, синтаксическая фразеологическая единица, немецкий язык.**Данная статья посвящена описанию фразеосхемы в современном немецком языке «Was für + Sub₁₋₄!»². Актуальность исследования обусловлена не изученностью данного объектного пространства, а также высокой его значимостью для практики коммуникации. В работе представлены результаты многоаспектного анализа исследованной фразеосхемы в немецком языке и речи.*Н.П. Андреева, Г.П. Терентьева, Е.В. Тихонова
К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОЛИСЕМИИ И
ОМОНИМИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ*Ключевые слова: полисемия, омонимия, терминология, расщепление полисемии.**Статья посвящена вопросу разграничения полисемии и омонимии терминологии. В статье многозначность термина рассматривается как внутриотраслевое явление, а омонимия как результат расщепления полисемии может быть как внутриотраслевой, так и межотраслевой.*Л.А. Великорежданова, И.И. Донскова, Е.Ю. Пугина,
С.П. СмысловЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕАЛИЙ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В РОМАНЕ М.А.
ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» И ИХ ПЕРЕВОД НА
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК*Ключевые слова: культурологический аспект, реалии, донское казачество, перевод, транслитерация, транскрипция, родовидовая замена.**Статья посвящена изучению такого культурно-детерминированного класса слов, как реалии донского*

Xue Wenbo

ANALYSIS OF RUSSIAN EMOTIONAL WORD «LOVE»:
LINGUISTICS ACROSS CULTURES ASPECT*Keywords: conceptual structure, mode of conceptual interpretation, «love», cultural significance.**The article analyzes the structure of Russian emotional concept «love» from linguistics across cultures aspect. According to the theory of linguistics across cultures, concept has a multi-level structure. On one hand, we discuss the conceptual structure; on the other hand, taking the cultural concept «love» in Russian as an example, we analyze its etymology, dictionary definitions and gestalts in order to clarify the corresponding conceptual structure, which reflects the characteristics of Russian ethnic culture.*R.P. Avedova, L.A. Vodyanitskaya, L.N. Gorgadze
LANGUAGE TECHNIQUES AND TOOLS IN THE CONTEXT
OF INTERACTION IN THE ENGLISH DISCOURSE*Keywords: discourse, conversation, device, principle, interaction, context.**The article examines the principles and tools of language impact in the framework of discourse analysis. It studies the internal features of a communicative act; the impact of interlocutors on the interaction process. The study examines the choice of certain communicative strategies, the influence of context on the implementation of communicative decisions. Structural presence, implicit actualization and emotional content are proved as the basic, fundamental conditions for creating a positive, productive interaction.*

R.P. Avedova, A.D. Melnik

FIXED PHRASE SCHEME "Was für + Sub₁₋₄!"² IN GERMAN:
ETYMOLOGICAL, STRUCTURAL, SEMANTIC,
PHRASEOLOGICAL ASPECTS*Keywords: phraseoscheme, phraseosyntactic scheme, syntactic phraseology, syntactic phraseological unit, German language. This article is devoted to the description of the fixed phrase scheme in modern German "Was für + Sub₁₋₄!"². The relevance of the research is due to the lack of knowledge of this material as well as its high significance for the practice of communication. The paper presents the results of a multi-aspect analysis to study this fixed phrase scheme in the German language and speech.*N.P. Andreeva, G.P. Terentyeva, E.V. Tikhonova
DIFFERENTIATION OF POLYSEMY AND HOMONYMY OF
TERMINOLOGY*Keywords: polysemy, homonymy, terminology, split of polysemy. The paper deals with differentiation of polysemy and homonymy of terminology. The paper considers homonymy of terminology as the result of the split of polysemy. It is clear from the paper that polysemy of terminology is intra-branch, homonymy is an intra-branch phenomenon and inter-branch phenomenon.*L.A. Velikoredchanina, I.I. Donskova, E.Yu. Pugina,
S.P. SmyslovLINGUISTIC AND CULTURAL PECULIARITIES OF DON
COSSACKS REALITIES IN THE NOVEL 'AND QUIET
FLOWS THE DON' BY M.A. SHOLOKHOV AND THEIR
TRANSLATION IN TO ENGLISH*Keywords: cultural aspect, realities, Don Cossacks, translation, transliteration, transcription, subsumption.**The article is devoted to the study of such a culturally determined class of words as the realities of the Don Cossacks based on the material of M.A. Sholokhov 'And Quiet Flows the Don'. Using a*

казачества на материале романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Методом сплошной выборки были отобраны 100 реалий, которые подверглись культурологическому анализу и предметному делению на основе классификации С. Влахова и С. Флорина. В результате сравнительно-сопоставительного анализа англоязычного текста перевода и текста оригинального романа были систематизированы и уточнены методы перевода реалий в условиях двуязычной ситуации, а также выявлены неточности в передаче культурно-маркированных элементов текста, обусловленных выраженной межкультурной асимметрией.

А.В. Керешун, В.В. Гуринов, Ю.Г. Липко
О МАНИПУЛЯЦИОННОЙ СИЛЕ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ
КАК АРГУМЕНТОВ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ
ПРАГМАТИЗМА США

Ключевые слова: дискурс, прагматизм, возможные миры, аргументация, манипуляция.

Целью статьи является изучение технологий воздействия в аргументативном дискурсе прагматизма США, где аргументом часто выступает сконструированный возможный мир. Используя интерпретативный метод, теорию возможных миров, семиотическую теорию, авторы приходят к выводу, что конструирование возможных миров обретает манипуляционную силу за счет создания общего контекста интерпретации.

Т.Е. Краутман
ЛОЖНЫЕ ДРУЗЬЯ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ТЕКСТА ЗАКОНА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
Ключевые слова: перевод, текст закона, юридический текст,

лексическая сочетаемость, значение слова.

Статья посвящена изучению влияния языковых систем при переводе текста закона. Выявляются причины возникновения беспереводного употребления английских слов. Анализируются переводы текста закона с английского языка на русский с позиции наличия ложных друзей переводчика и их влияния на лексическую сочетаемость и стилистическую согласованность перевода и оригинала.

М.В. Кычкова
ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА
«СТРАННОСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО
РОМАНА ДЖОНАТОНА ФРАНЗЕНА «СВОБОДА»)

Ключевые слова: концепт, ценность, оценка, аксиология, аксиологическая лингвистика.

В статье рассматривается аксиологическая специфика концепта «странность» в литературе творчества Джонатана Франзена на примере его современного американского романа «Свобода». Цель исследования заключается в анализе концепта «странность» с точки зрения аксиологической лингвистики. В работе полученные результаты обобщаются и интерпретируются с точки зрения аксиологической лингвистики, а также приводится вывод согласно которому, оценка зависит от субъективного отношения языковой личности.

А.В. Останина
ЦИТАТА КАК ПРИЕМ КОСВЕННОЙ ПОРТРЕТИЗАЦИИ

Ключевые слова: политическая лингвистика, медийный дискурс, цитирование в политических статьях.

В статье рассматриваются возможности и варианты цитирования в современных англоязычных публикациях. Особое внимание уделяется выбору лексических единиц, которые используются в СМИ для введения цитаты в текст. В статье дается классификация цитирования, в качестве аргументации авторской точки зрения приводятся примеры из аутентичных источников.

continuous sampling method 100 realities were revealed for culturological analysis and subject division based on the classification of S. Vlahov and S. Florin. As a result of a comparative analysis of the English translation text and the original novel, the methods for translating realities in a bilingual situation were systematized as well as the inaccuracies in the transmission of culturally determined text elements caused by pronounced intercultural asymmetry were described. Keywords: cultural aspect, realities, Don Cossacks, translation, transliteration, transcription, subsumption

A.V. Kereshun, V.V. Gurin, Yu.G. Lipko
ON THE MANIPULATING FORCE OF POSSIBLE WORLDS
AS ARGUMENTS IN THE DISCOURSE OF THE USA
PRAGMATIC PHILOSOPHY

Keywords: discourse, pragmatism, possible worlds, argumentation, manipulation.

The article investigates manipulative technologies based on creation of possible worlds, which are used as arguments in the USA philosophic discourse of pragmatism. In the frame of an interpretative approach the analysis was conducted by means of the semiotic theory and the theory of possible worlds. The analysis shows that the philosophers try to persuade their readers/listeners to form an equivalent interpretation of the key notion, which they consider true.

T.E. Krautman
FALSE FRIENDS OF THE TRANSLATOR IN THE
TRANSLATION OF THE TEXT OF LAW FROM ENGLISH
TO RUSSIAN

Keywords: translation, text of the law, legal text, lexical compatibility, word meaning.

The article is devoted to the study of the influence of language systems in the translation of the text of law. The causes of the non-translational use of English words are identified. The author analyzes the translations of the text of the law from English into Russian from the standpoint of the presence of "false friends of the translator" and their influence on the lexical compatibility and stylistic consistency of the translation and the original.

M.V. Kychkova
LINGVOAXIOLOGICAL IDENTITY OF THE CONCEPT OF
"STRANGE" (ON THE MATERIAL OF THE AMERICAN
NOVEL JONATHAN FRANZEN "FREEDOM")

Keywords: concept, value, evaluation, axiology, axiological linguistics.

The article considers the axiological specifics of the concept of "strange" in the literature of Jonathan Franzen's creativity on the example of his modern American novel "Freedom". The purpose of the research is to analyze the concept of "strange" from the point of view of axiological linguistics. The results obtained are summarized and interpreted from the point of view of axiological linguistics, and the conclusion is made according to which the assessment depends on the subjective relation of the linguistic personality.

A.V. Ostanina
CITATION AS A TECHNIQUE OF INDIRECT PORTRAITING

Keywords: political discourse, media discourse, citation in political articles.

The article deals with various aspects of the citation in English-language articles. Particular attention is paid to the choice of lexical units which are used in media texts to introduce citations into the text. The article offers the citations classification and examples supporting the authors viewpoint.

Е.В. Плисов, А.М. Хамидулин
ОБРАЗ СЛОВА В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ
МИРА

Ключевые слова: национально-культурная специфика, языковая картина мира, фразеологическая единица, символическое значение.

В статье описываются лексические репрезентации образа слова в языковой картине мира носителей английского языка. Интерпретация значения проводилась с привлечением культурологического и исторического материала, были выявлены символические значения этого слова в составе фразеологических единиц.

М.В. Салтыкова, М.В. Бианова, О.В. Ельцова, Е.Э. Калинина
ФОРМИРОВАНИЕ САМОКОРРЕКЦИИ И САМОКОНТРОЛЯ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ И НЕМЕЦКОМУ
ЯЗЫКАМ

Ключевые слова: самокоррекция, самоконтроль, взаимоконтроль, самостоятельная работа, обучение студентов языковых профилей, методы формирования готовности к самоконтролю.

В работе рассматривается психологический механизм исправления ошибок в устной речи при изучении иностранных языков. Авторы анализируют зависимость между характером ошибки и ее коррекции как со стороны преподавателя, так и самим говорящим. Предложены методы, использование которых в педагогической практике ВУЗа способствует формированию готовности студентов к коррекции и самокоррекции собственной речевой деятельности на занятиях по иностранным языкам.

Я.В. Борушкова
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ СТРАН ЗАПАДНОЙ АФРИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АФРИКАНСКИХ ВАРИАНТОВ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, национальная языковая картина мира, ораторская речь, речевое воздействие, культурный социум, язык.

В работе представлены характеристика и лексико-семантические особенности языковой картины мира в ораторской речи политических деятелей франкоговорящих стран Западной Африки, также были рассмотрены понятия «картина мира», «национальная языковая картина мира», «речевое воздействие».

В.В. Лебедева, О.И. Томтосова
КОНЦЕПТ «ИСКУССТВО» В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: концепт, искусство, корейский язык, семантический геистальт, ядро, периферия.

Данная статья посвящена исследованию концепта «искусство» в корейском языке. Исследование проведено на материале анализа ассоциативного опроса корейцев по методу анализа геистальта Ю.Н. Караулова. В результате анализа выявляются признаки, которые являются ядром и периферией концепта «искусство» в языковом сознании корейцев.

Т.Б. Маклакова, Ю.В. Туфанова, М.Н. Чупановская
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В ВИРТУАЛЬНОМ
ОБЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Ключевые слова: лингвистическая вежливость, виртуальная коммуникация, молодёжь.

Статья посвящена описанию особенностей функционирования лингвистической вежливости в условиях виртуальной коммуникации. Авторы рассматривают вербальные и невербальные способы выражения вежливости с коммуникативно-прагматической точки зрения. На основе анализа полученных эмпирических данных было выявлено, что в ситуации молодёжного виртуального общения стандартные этикетные формы вежливости подвергаются значительной трансформации, а также дополняются или замещаются невербальными компонентами.

Е.В. Plisov, A.M. Khamidulin
WORD IMAGE IN THE ENGLISH LANGUAGE PICTURE OF
THE WORLD

Keywords: national-cultural specificity, language picture of the world, phraseological unit, symbolic meaning

The article describes the lexical representations of the image of the word in the linguistic picture of the world of native English speakers. The interpretation of the meaning was carried out with the involvement of cultural and historical material, the symbolic meanings of this word were revealed as part of phraseological units.

M.V. Saltykova, M.V. Biyanova, O.V. Eltsova, E.E. Kalinina
FORMATION OF SELF-CORRECTION AND SELF-
CONTROL IN ENGLISH AND GERMAN CLASSES IN AN
INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION

Keywords: self-correction, self-control, mutual control, independent work, teaching students majoring in foreign languages, methods of formation of readiness for self-control
The paper considers the psychological mechanism of correcting errors in oral speech when learning foreign languages. The authors analyze the relationship between the nature of the error and its correction by both the teacher and the speaker. Methods are proposed, the use of which in the pedagogical practice of the University contributes to the formation of students' readiness to correct and self-correct their own speech activity in foreign language classes.

Y.V. Borushkova
THE LINGUISTIC WORLD VIEW IN THE SPEECHES OF
POLITICAL FIGURES OF WEST AFRICAN FRENCH
SPEAKING COUNTRIES (BASED ON THE MATERIAL OF
THE AFRICAN VARIANTS OF THE FRENCH LANGUAGE)
Keywords: world view, linguistic world view, national linguistic world view, speech, linguistic manipulation, cultural society, language.

This work introduces the characteristic and lexical-semantic specifics of the linguistic world view in the speeches of political figures of West African French-speaking countries. This work also considers such concepts as "linguistic world view", "national linguistic world view", "linguistic manipulation".

V.V. Lebedeva, O.I. Tomtosova
FEATURES OF THE CONCEPT OF "ART" IN KOREAN AND
RUSSIAN LANGUAGES

Keywords: concept, art, Korean, semantic gestalt, core, periphery.

This article is devoted to the study of the concept of "art" in Korean language. The study was conducted on the analysis of the associative survey among Koreans by the method of Y.N. Karaulov's gestalt analysis. The gestalt analysis' results reveal the core and periphery of the concept of "art" in the linguistic consciousness of Koreans.

T.B. Maklakova, Y.V. Tufanova, M.N. Chupanovskaya
LINGUISTIC POLITENESS IN VIRTUAL
COMMUNICATION OF MODERN YOUTH

Keywords: linguistic politeness, virtual communication, young people.

The article is devoted to the description of the functioning of linguistic politeness in virtual communication. The authors consider verbal and nonverbal ways of expressing politeness from communicative-pragmatic point of view. Based on the analysis of the obtained empirical data, it was revealed that in the situation of youth virtual communication, standard etiquette forms of politeness undergo significant transformation, and are also supplemented or replaced by nonverbal components.

В.Г. Моргун
«НАЦИОНАЛЬНОЕ» И «УНИВЕРСАЛЬНОЕ»
В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА КИТАЯ

Ключевые слова: теория перевода, перевод, советская школа переводоведения, западная школа перевода, школа перевода с китайской спецификой.

В результате «реформы открытости» в Китае сформировались: школа советской теории перевода, школа западной (универсальной) теории перевода и школа теории перевода с китайской спецификой. В статье даётся анализ универсальных и национальных аспектов переводоведения.

Е.О. Чурюканова
ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО
ПРОИЗНОШЕНИЯ

Ключевые слова: язык, вариант, субязык, гендер, речевая стратегия, произношение, уровни языка, вокабуляр, культурный фон, феминизм, патриархальность.

В статье рассматриваются вопросы вариативности языка, включая территориальную и социальную разновидности. Анализируются вопросы соотношения языка, варианта, субязыка. В связи с чем, одним из аспектов вариативности определятся гендер как критерий языковых различий. Анализируются вопросы соотношения мужского и женского гендерлектов. Рассматриваются проблемы мужской и женской речевой стратегии. В основу исследования положена гипотеза, что язык мужчины и женщины носит дифференцирующий характер на всех языковых уровнях. Приводятся примеры гендерных различий в речевом поведении на уровне произношения. В статье анализируются психолингвистические связи различий гендерлектов с социальным статусом мужчины и женщины.

V.G. Morgun
“NATIONAL” AND “UNIVERSAL” IN CHINESE
TRANSLATION STUDIES

Keywords: translation theory, translation, Soviet school of translation studies, Western school of translation studies, translation school with Chinese specifics.

As a result of the "reform and openness" in China, the school of Soviet translation theory, the school of Western (universal) translation theory, and the school of translation theory with Chinese specifics were formed. The article analyzes the universal and national aspects of translation studies.

E.O. Churyukanova
GENDER DIFFERENTIATION OF ENGLISH
PRONUNCIATION

Keywords: language, variant, sublanguage, gender, speech strategy, pronunciation, language levels, vocabulary, cultural background, feminism, patriarchy.

The article discusses the issues of language variability, including territorial and social varieties. The questions of correlation of language, variant, sublanguage are analyzed. In this connection, one of the aspects of variability will be determined by gender as a criterion of linguistic differences. The question of the ratio of male and female genderlects is analyzed. The problems of male and female speech strategy are considered. The study is based on the hypothesis that the language of men and women is differentiating in nature at all language levels. Examples of gender differences in speech behavior at the pronunciation level are given. The article analyzes the psycholinguistic relationship of gender differences with the social status of men and women.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№4 2020

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 14.05.2020

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 14.05.2020

12,1 усл.печ.л. 13,4 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3410.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена – договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»